

ИЗВѢСТІЯ

Восточно-Сибирскаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО русскаго ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Подъ редакціею дѣйствит. члена Отдѣла Н. Н. Агапитова.

Томъ XV. NN 5—6.

1884 ГОДА.

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.		Стр.
1. Я. П. Дуброва. Поѣздка въ Монголію въ 1883 году; главы X—XIII	1	3. Таблицы наблюденіи метеорологической станціи при Иркутской Учительской Семинаріи за 1884 годъ (Октябрь, Ноябрь и Декабрь)	61
2. П. Гороховъ. Юрюнгъ-Уоланъ. Якутская сказка. Часть I-я	43	4. Протоколы Распорядительнаго Комитета и Общаго Собранія	73

Иркутскъ.

Печатано въ Типографіи Н. Н. Сивильскаго.

1885.

ИЗВѢСТІЯ

Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

1884 годъ.

Т. XV NN 5—6.

Декабрь.

ГЛАВА X.

Мигунскій хашунъ.

ОТЪ НАЯТЬ-МОДОНЪ ДО ОЗ. ЭРХИЛЬ-НУРЪ,
ДОЛИНА ОЗЕРА.

Читатель, конечно, помнить, что на границѣ Мигунскаго хашуна мы были задержаны такими непредвидѣнными, но всесильными для путника обстоятельствами, какъ внезапный дождь, а затѣмъ и градъ, почему и вынуждены были, по-мимо своихъ плановъ, остановиться на вочлегъ въ долину р. Наять-модонъ. Хотя послѣ полдня 12 числа горизонтъ было и прояснѣлъ, но это, какъ въ послѣдствіи оказалось, «сущій обманъ» и ненастье не мало таки помучило насъ... Около шести часовъ вечера подулъ сѣверо-западный вѣтеръ; вслѣдъ за нимъ небосклонъ началъ заволакиваться тучами и мы, привыкши къ измѣнчивой атмосферѣ Монголіи, съ увѣренностію ожидали дождя и притомъ дождя продолжительнаго, такъ какъ тучи медленно, грозной массой, все болѣе и болѣе сгущаясь, омрачили наконецъ горизонтъ и загрязнили его синею... Огненной змѣйкой блеснула вдали молнія... Тучи показались еще мрачнѣе... За молніей послышался отдаленный, глухой, какъ-бы сердито предостерегающій гулъ рокочущаго грома... Тучи показались грозными... Невольная дрожь прошла по тѣлу... Одиночество, въ далекой, дикой, безлюдной равнинѣ сказалось сильнѣе... Но вотъ послышался предвѣстникъ бури отдаленный, подавляющій все, тяжелый, не опредѣленный шумъ, — шумъ ужасный, потому что вблизи, вокругъ, царитъ мертвая глухая тишина,

заставляющая нервы усиленно работать—въ ожиданіи чѣмъ разразится страшная сила, скрывающаяся въ медленно будто приближающемся шумѣ... Невольно озираешься на тонкія пелены своей палатки, прикрывающей драгоценность путника—провізію и защищающей его самага... «Да выдержитъ-ли она»? Устоитъ-ли эта былинка передъ силой, обращающей въ щепки вѣтви вѣковыхъ деревьевъ, силой—срывающей деревья какъ какую нибудь соломинку. Ну что будетъ, если сокровище путника палатка—обратится въ никуда не нужныя клочки?... Мысли эти, одна другой мрачнѣе подавляютъ все другія чувства. Подъ давленіемъ этихъ опасеній за цѣлость своего «жилища», ожидая приближенія бури, не прячешься въ палатку, а напротивъ, не знаешь за что и взяться, лишь бы помочь ей выдержать напоръ дикой не сокрушимой силы... Приближеніе бури, точно освѣщая ей путь, сопровождала все чаще и чаще ослѣпительно сверкающая молнія... рокотъ грома усилился... перешолъ въ оглушительный, приводящій въ дрожь трескъ... легкій вѣтерокъ, предвѣстникъ бури, пригнулъ верхушки травы, всколыхнулъ бока палатки... тучи, еще болѣе сгустившись, омрачились... поднялась пыль... секунда... и все завыло на тысячи ладовъ... Страшна буря въ монгольскомъ плоскогоріи... Ураганъ пронесся... закапалъ дождикъ, а за нимъ тучи начали разряжаться частымъ крупнымъ дождемъ... проливной дождь шелъ всю ночь... не утихъ и къ утру...

13 Июля. Дождь идетъ... Идетъ, не перемежаясь, цѣлый день. Нигдѣ ни одного, даже на самыхъ отдаленныхъ частяхъ горизонта, не видно свѣтлаго пятнышка—сплошь грязно... Палатка промокла...

изъ боковъ ея льетъ вода.... Книги, бумага отсырѣли... заниматься ничѣмъ нельзя и я лежу на боку, прикрывшись кожей, провелъ весь день; дождь не утихаетъ. Чертъ возми—что то будетъ завтра? Сегодня же—это, такъ сказать, первая послѣдовательно и притомъ продолжительно мучившая насъ неприятность... Были холода—ничего! все-таки можно было ѣхать; шель снѣгъ, дождь, но не долго, и хоть по-немногу, да все-таки позволялъ двигаться впередъ. А то вдругъ цѣлыхъ полтора сутокъ киснуть подъ дождемъ, безъ толку лежать, ничего не дѣлать, никуда не двигаться, да и на завтрашній день не имѣть надежды?! Темно... уже 9 часовъ, а дождь все продолжаетъ идти. Свинцовыя тучи, повидимому, и не думаютъ очищать небосклона... темень кругомъ непроглядная... одолеваетъ тоска и благодѣтель мореей не приходитъ на помощь измокшему путнику... Какъ ни стараешься о чемъ ни будь думать, чтобы развлечься—напрасно... Всѣ усилія сосредоточиться на одномъ чемъ нибудь—ни къ чему... тоска и мокрота. Да неужели и завтра, злая мачиха—погода заставитъ отлеживать бока?... Почти у цѣли своей поѣздки... Еще одинъ бы переходъ и мы были бы у береговъ оз. Эрхиль-нуръ, а затѣмъ и Делгирь-мурина. Но нѣтъ—сиди и не смѣй двигаться. Досадно... Лучше бы это противное ненастье настигло насъ у береговъ Делгира-мурина. Тамъ, говорятъ, много кочуетъ монголовъ,—значитъ было-бы дѣло—писали-бы хоть сказки монгольскія. Тутъ же изволь быть съ глазу на глазъ со Степаномъ, изъ котораго давно уже выжато все, что только лишь онъ знаетъ; и говорить съ нимъ рѣшительно не о чемъ. Ругать погоду?—Да это я и безъ его участія усердно исполнялъ. Халзанъ же, еще со вчерашняго дня, не смотря на ненастье, уѣхалъ съ семействомъ на поклоненіе Гыгену. Онъ не хотѣлъ пропустить случая—воздать почитаніе земному божеству, такъ какъ божество это намѣревалось недѣлю пробывать въ Билтыскомъ дацанѣ. Въ юртѣ же Халзана, за его отѣздомъ, осталось маленькая дочь да ребенокъ—мальчикъ, а съ ними ничего не столкуешь. Сидѣтъ въ юртѣ безъ хозяевъ не хотѣлось,—тѣмъ болѣе, что юрта, какъ и палатка наша, давала течь; къ тому же Урхо (дымовое отверстие) было закрыто и по юртѣ носился удуш-

ливый, смердящій дымъ аргала, стѣсняющій дыханіе и выжимающій изъ глазъ слезы.

14 Июля. Опять всю ночь шелъ дождь, впрочемъ, маленькій и въ пять часовъ утра стихъ. Густой массой нависшія тучи и не думали расходиться; къ тому же дулъ рѣзкій холодный вѣтеръ и клубился туманъ. Въ общемъ—состояніи погоды вовсе не говорило о томъ, что сегодня половина іюля. Напротивъ, день сегодняшній скорѣе напоминалъ собою самую скверную, осеннюю погоду съ ея ненастьями. Въ 8 часовъ утра опять пошелъ дождь. Кажется и сегодня намъ не суждено выѣхать, и навѣрное опять будемъ мокнуть, если только по вчерашнему будетъ идти дождь ливнемъ. Въ ожиданіи такой далеко таки неприятной перспективы, я, отъ бездѣлья, началъ разсматривать карту С. З. Монголіи, составленную поручикомъ Рафаиловымъ; меня заинтересовало узнать, какъ въ ней обозначены границы Мигунскаго хашуна. Искать я, искалъ этотъ хашунъ—нѣтъ нигдѣ—да и только. Судя же по географическому положенію, какое долженъ занимать этотъ хашунъ, я догадался, что Мигунскій хашунъ и есть именно то мѣсто на картѣ г. Рафаилова, которое съемщикъ очертилъ неправильнымъ параллелограмомъ и въ центрѣ его поставилъ цифру «28». Посмотрѣлъ въ «условные знаки». Тамъ подъ этимъ номеромъ написано «Уар-гуні». Откуда взялъ такое названіе картографъ—Бурханъ медехе! (богъ знаетъ). Что же касается границъ,—какъ всѣхъ хашуновъ, такъ въ частности и Мигунскаго, обозначенныхъ на картѣ, то это, съ позволенія сказать, просто ни больше, ни меньше какъ упражненія г. поручика въ искусствѣ проводить косыя, ломаныя, кривыя и всякія другія линіи. Впрочемъ, оно и естественно—такъ какъ, какимъ образомъ можетъ быть съемка произведена вѣрно, когда для такого, требующаго точности дѣла, употреблялся единственный инструментъ—*ирзынъй палецъ монгола* *), указывающій г. Рафаилову направленія теченій рѣкъ и пограничныя линіи. Въ Дархатахъ я лично знаю монгола-составителя карты для одного изъ нашихъ ученыхъ.

*) Само собою понятно, что я имѣю въ виду мѣста, нанесенныя на карту, на основаніи, такъ называемыхъ, распросныхъ свѣдѣній.

Монголь этотъ, какъ разсказывалъ онъ самъ, на вопросы поена считалъ своею обязанностію отвѣчать на все утвердительно, хотя бы это была и чистѣйшая ложь. Быть можетъ съемка того пути, по которому проходилъ самъ г. Рафаиловъ и сдѣлана вѣрно — въ этомъ я не позволяю себѣ ни на что сомнѣваться, но что касается нанесенія на карту «разспросныхъ свѣдѣній» и свѣдѣній, основанныхъ на водящемъ по пространству пальцѣ номада, то въ достовѣрности и согласіи съ дѣйствительностію такихъ чертежей, позволете усумниться. На это я имѣю основаніе — и вотъ оно: Орошеніе Дархатской равнины мнѣ хорошо извѣстно. Это же самое орошеніе на картѣ П. А. Рафаилова до неузнаваемости невѣрно изображено. Названіе рѣкъ искажено, перепутано; станovyя рѣки обращены въ притоки, и наоборотъ, правые притоки обращены въ лѣвые; рѣки, текуція съ сѣвера, перенесены на западъ и т. д. Обо всемъ этомъ мы намѣрены представить самый подробный отчетъ въ своемъ описаніи Дархатской равнины. Впрочемъ, о достоинствѣ карты сдѣлалъ отзывъ самъ Григорій Никол. Потанинъ, сказавши въ 1881 году, что «въ настоящее время карта эта уже устарѣла» (XV ст.) и что «много, конечно, слѣдуетъ ожидать невѣрностей и мелкихъ пробѣловъ. Отъ себя мы добавимъ, что карта требуетъ не «пополненія недостающихъ свѣдѣній», а радикальныхъ измѣненій, и этого мы вправѣ ожидать отъ г. Рафаилова, занятаго, по словамъ Г. Н. Потанина, «составленіемъ новой карты сѣверо-западной Монголіи» — (Н. ст. XVI).

Дождь проливается... карта г. Рафаилова размокаетъ... авось когда либо она пригодится?! Сложилъ я ее, упряталъ, а самъ, защищаясь казаномъ отъ дождя, злился, злился и безъ конца злился... «Да що маешь дѣяты?»

15 Июля переходъ до оз. Эрхиль-нуръ. Вчера только лишь къ десяти часамъ вечера кое какъ прекратился дождь. Утромъ же, хотя горизонтъ и не очистился совершенно отъ тучъ, — солнце все таки выглядывало изъ за грязныхъ обрывковъ тучъ. Дождавшись поры, когда солнце обсушило насъ, мы, послѣ двухъ томительныхъ дней, проведенныхъ въ палаткѣ плохо защищавшей отъ дождя, наконецъ тронулись въ дальнѣйшій путь.

Отъ Наятъ-модонъ, — мѣсто нашей послѣдней стоянки, — дорога къ оз. Эрхиль-нуръ идетъ сначала плоскогорьемъ; затѣмъ небольшой подъемъ на дабанъ Шолутей (каменистый). Дабанъ-шолутей угломъ, съ запада, врѣзался въ рѣчную систему р. Делгир-муринъ и выдѣлилъ изъ нея р. Ара-Шолутей, составляющую притокъ р. Ии. Рѣка Шолутей каменная; вѣроятно отъ того получила такое свое названіе, что горы, окаймляющія ея русло, обнажены и представляютъ изъ себя обвалы и большія розсыпи камней. Миновавъ верховья Ара-шолутей, мы перешли чрезъ верховья же другой рѣки именно: Убур-шолутей. Хотя дорога отъ р. Ара-шолутей до Убур-шолутей и идетъ по прямой линіи, но эта послѣдняя рѣка впала не въ р. Ии, а лѣвымъ притокомъ уже въ р. Делгир-муринъ. Спускъ съ вершины Убур-шолутей пологъ, но каменистъ и по склону его залегли подземныя массы, съ неправильнымъ наслоеніемъ, сѣраго гранита. Русло р. Убур-шолутей, вдоль прорѣзывающее спускъ, безводно, каменисто и не широко. Спустившись съ горы, мы, послѣ самаго не продолжительнаго перехода, оставили долину рѣки Убур-шолутей, ушедшую на юго-западъ; поднялись на невысокой и пологій дабанъ, покрытый уже лѣсомъ, и спустились по горному не широкому ущелью Шобутей (имѣющее птицъ), по дну котораго течетъ р. Шобутей же. Здѣсь мы, въ своемъ описаніи, нѣсколько остановимся и выяснимъ точное географическое положеніе мѣстности, начиная отъ Хитей-гола. Это необходимо вслѣдствіе того, что у Г. Н. Потанина допущены неточности въ сообщеніяхъ объ этой же мѣстности.

На 267 стр. уважаемый путешественникъ пишетъ: «На югъ отъ озера (Кагъ-нуръ), далѣе тѣхъ высотъ, которыя ограничиваютъ его котловину, видна округленная, съ рѣдкими пятнами снѣга вершина горы Эарцыкъ, изъ которой вытекаетъ рѣка Китынъ-голь; гора эта лежитъ нѣсколько сѣвернѣе Монхын-олы; въ вершинахъ Китынъ-гола есть перевалъ въ долину р. Шиботу, вытекающей изъ Монхынъ-олы». Что Хитей-голь (а не Китынъ-голь) дѣйствительно «вытекаетъ изъ вершины горы Эарцыкъ» — это совершенно вѣрно; но ошибочно показаніе, по которому будто-бы съ вершины Хитей-гола есть

переваль въ рѣку Шобутей (а не «Шиботу», какъ называлъ ее Г. Потанинъ)—такого перевала не существуетъ. Да и сама р. Шобутей вытекаетъ вовсе не изъ горы Манхынъ-ола. Сообщающій ученымъ свѣдѣнiя объ этой мѣстности, перепуталъ дѣйствительное топографическое положенiе этого района. Съ вершины Хитей-гола есть дѣйствительно переваль, только не въ долину р. *Шобутей*, а къ берегамъ р. *Ара-Шолутей*, притоку *Иги*. Изъ долины этого притока р. *Иги*, въ свою очередь, есть переваль въ *Убур-Шолутей*—притокъ, какъ было отмѣчено, р. *Делгирь-муринь*. Затѣмъ уже идетъ спускъ по упомянутому нами выше горному ущелью — *Шобутей*. А такъ какъ мы уже нашли, что р. Шобутей беретъ начало съ изголовья ущелья, называемаго также *Шобутей*, то, отсюда, само собой понятно, что изъ вершины горы Манхынъ-ола беретъ начало не р. *Шобутей*, а р. *Убур-Шолутей*, текущiй въ р. *Делгирь-муринь*. А что именно *Убур-шолутей* выпала изъ Манхынъ-ола *), а не *Ара-шолутей* или же р. *Шобутей*—это ясно, кромѣ показанiй монголовъ, еще и потому, что вершины горъ, служащiя началомъ истоковъ для только что упомянутыхъ нами рѣкъ, ни чуть не возвышаются надъ остальною группою горъ и совершенно плоски; тогда какъ гора Манхынъ-ола, изъ которой беретъ начало *Шобутей* гораздо выше уровня окружающихъ горъ.

Еще необходимо исправить одну ошибку. Хитей-голь—не притокъ *Билтыса*, какъ сообщено Гр. Н. Потанину, а *Делгирь-мурина*. Верховья *Мусу-туруна*, какъ было уже сообщено, служатъ водораздѣльнымъ хребтомъ, и Хитей-голь протекаетъ гораздо южнѣе *Мусу-туруна*.

И такъ, значить, номадь, сообщающiй географическiя свѣдѣнiя Гр. Н. Потанину, пропустилъ упомянуть о существованiи р. *Ара-Шолутей* и *Убурь-шолутей* и вмѣсто ихъ сообщилъ о р. *Шиботу*, не вѣрно показавъ, что она беретъ начало изъ вершины г. *Манаха-ула*. Между другими вершинами горъ, верховье *Шобутей*, какъ мы уже замѣтили, пред-

*) Собственно говоря слѣдуетъ писать не „Манхын-ола“ а *Мавахай-ула*. „Манаха“—такъ называютъ монголы бѣлый матоваго цвѣта, камень, употребляющiйся на трубные мунштуки; „Ула“ же значить высокая гора.

ставляетъ изъ себя впадину, горное сѣдло «улай-эмель», какъ говорятъ монголы. Проходъ по ущелью *Шобутей* ведетъ въ долину оз. *Эрхиль-нурь*. Правая сторона ущелья *Шобутей*, или точнѣе, сѣверный склонъ его изголовья, заросшiй не толстымъ ливьякомъ, покатымъ и ниже, чѣмъ противоположный бокъ ущелья. Дно ущелья, какъ мы уже знаемъ, прорѣзываетъ русло рѣки *Шобутей*. Въ лѣсу, покрывающемъ сѣверный склонъ, мы, начиная отъ русской границы, въ первый разъ встрѣтили *шаазай* (сороку). Кромѣ сороки, присутствiя никакихъ другихъ пернатыхъ не было замѣтно; между тѣмъ, названiе ущелья—*Шобутей* (отъ *шобу* птица) говоритъ о томъ, что тутъ должны водиться птицы—ужь не сорока ли попала въ честь,—какъ рѣдкая птица.

Замѣчательно, что не смотря на то, что сряду въ теченiе двухъ дней, не переставая, лилъ дождь, грязи, какъ въ ущельи, такъ равно и въ раньше пройденномъ нами мѣстѣ, вовсе не было. Это объясняется характеромъ глинисто-песчано-каменистой почвы и покатою мѣстности. Тоже обстоятельство, что ручьи не были наполнены водою—свидѣтельствуетъ о томъ, насколько земля была до дождей суха. Лужи нигдѣ не было видно; замѣтна только лишь влажность почвы, какъ на ровныхъ мѣстахъ, такъ и по склонамъ ущелья.

Ущелье идетъ зигзагами; спускъ по нему пологъ и дорожная протопка прилегаетъ къ сѣверо-восточному склону. На срединѣ спуска примкнуло устье ущелья же, а чрезъ двадцать саженей другое; оба идутъ съ сѣвера, называются также *Шобутей*; имѣютъ русла въ данное время наполненныя сточной водою; въ остальное же время ручьи эти безводны, какъ и русло центрального ущелья, по которому мы спускались. Вверхъ по обѣимъ этимъ ущельямъ нѣтъ прохода. Саженьхъ въ пятидесяти отъ устья второго бокового ущелья—вышло третье, но уже не съ сѣвера, а съ запада, и съ такимъ же названiемъ—*Шобутей*. Въ вершинѣ русла, прорѣзывающаго дно этого ущелья, бьютъ подземные ключи; но вода этихъ ключей теряется между камнями русла и не доходитъ до соединенiя устья съ русломъ главнаго ущелья. Вверху, подъемомъ по ущелью, идущему съ запада, есть переваль въ лѣтнiя кочевья,

разбросанныя по низовьям долины р. Шолутей. После полчасоваго перехода ущельемъ, это послѣднее постепенно начинаетъ расширяться, обращаясь въ довольно широкой горный распадокъ. Какъ по ущелью, такъ равно и по образовавшемуся изъ него горному распадку, забѣгая даже на отвѣсныя склоны, растетъ прекрасная трава. Травяной коверъ испещренъ цвѣтущими злаками. Между горъ, составляющихъ уже бока распадка, есть много ущелій, но подъемовъ по нимъ, какъ говорятъ монголы, нѣтъ. Между прочимъ, одно изъ этихъ ущелій, идущее съ сѣверо-востока, отличается отъ другихъ шириною своего дна и называется *Дунду-шобутей*. Не доѣзжая ста сажень до соединенія устья Дунду-шобутей съ долиной распадка, по которому мы ѣхали, видны остатки китайскихъ городищъ, по распланировкѣ своей похожія на тѣ Кергесе-чило, какія мы встрѣтили въ долинѣ р. Билтысь. Главныхъ кучъ въ районѣ городища я насчиталъ до семи; одна изъ нихъ, лежащая на юго-западной окраинѣ, отличается отъ другихъ высотой кучи камней и величиною ограднаго своего круга.

Дунду-Шобутей въ началѣ своего устья и нѣсколько дальше вверхъ представляетъ изъ себя широкой распадокъ и, насколько охватить глазъ, каменный и обнаженный отъ древесной растительности; бока же его почти отвѣсны и до самыхъ вершинъ совершенно обнажены. По распадку Дунду-Шобутей есть подъемомъ дорога и ведетъ она въ долину р. Ара-Шолутей, а затѣмъ къ берегамъ р. Иги. У самаго устья р. Дунду-шобутей, нагорной площадкѣ, стоитъ зимній хашанъ. За устьемъ Дунду-шобутей, долина распадка р. Шобутей (по которой идетъ нашъ путь) начинаетъ обращаться въ довольно широкую равнину, въ центрѣ которой находящееся русло рѣки, имѣетъ, благодаря двухдневному ненастью, текущую воду. Горы, служащія окраиной правой стороны равнины, понижаются, округляются и приобрѣтаютъ мягкое очертаніе формъ своихъ изголовьевъ и въ тоже время обнажаются отъ лѣса, который, разбившись на отдѣльныя небольшія кучки, покрываетъ только горныя ложбины.

Черезъ версту разстоянія отъ Дунду-шобутей съ сѣверо-востока же вышло еще устье распадка, на-

зываемое *Додо-шобутей*. Распадокъ этотъ широкъ, какъ и вообще—съ русломъ, покрытъ лѣсомъ и съ дорогой ведущей переваломъ чрезъ вершину въ долину р. Ара-Шолутей. На лѣвомъ берегу устья видны остатки китайскихъ городищъ такого-же типа, какъ и въ Дунду-шобутей.

Отъ Додо-шобутей, дальше, лѣсъ, по обѣимъ горнымъ бокамъ равнины, совершенно прекращается, равнина становится все шире и шире; по пастбищамъ равнины мы увидѣли большой табунъ, въ нѣсколько косяковъ, лошадей исключительно бѣлой масти. Табунъ этотъ заставилъ насъ предположить, что вблизи гдѣ нибудь должно быть кочевье. Дѣйствительно вскорѣ мы примѣтили ютящіяся у подошвы горы на возвышенной трехъугольной площадкѣ лѣваго берега р. Шобутей три бѣлыя юрты. Желая сдѣлать привалъ, мы подѣхали къ этимъ юртамъ и, между прочимъ, узнали, что это Урто, вторая станція отъ Билтыскаго караула къ ставкѣ Мигунскаго князя. Такъ какъ р. Шобутей наполняется водой только въ ненастье, а въ остальное время въ руслѣ ея нѣтъ ни капли воды, то близъ станціи вырытъ худукъ,—колодець, или вѣрифе, какъ сказалъ-бы малороссъ «*Крыныця*», т. е. небольшая, не глубокая, круглая яма, безъ сруба и другихъ существенно необходимыхъ принадлежностей колодца - журавля, блока и проч. «У крыныци» на разстояніи другъ отъ друга, вбиты четыре *будан*,—кола, аршина въ два вышиной надъ уровнемъ земли; между кольями протянуть волосяной арканъ. Вдоль этого аркана, арканами же за шею привязано десятка два молоденькихъ жеребятъ—это для того, чтобы жеребята не случались съ матками и не высасывали ихъ, такъ какъ молоко кобылы играетъ въ экономіи монголовъ большую роль: изъ него они готовятъ тарасунъ, арцу и кумысъ. Жеребцы (азарга) замѣчательно хорошіе пастухи; они стерегутъ кобылицъ, не позволяютъ имъ разбродиться по степи и не допускаютъ къ жеребятъ; точно также азарга извѣстнаго косяка хорошо знаетъ своихъ кобылицъ, ревниво оберегаетъ ихъ, не позволяетъ имъ перебѣгать въ другой косякъ и за обладаніе кобылицами вступаетъ въ жестокую борьбу съ чужими жеребцами.

Начиная от колодца, дороги расходятся: на юго-востокъ, подъемомъ на гору идетъ дорога въ Богдо-курень (Урга, Да-курень тожь), а на югъ къ р. Делгир-муринъ, куда и цѣль нашей поѣздки.

Черезъ четверть часа ходу, считая отъ колодца, равнина Шобутей широкимъ устьемъ входитъ въ степь *Эрхиль-нури-хундой*. Степь эту перерѣзываютъ три дороги: а) на югъ въ Делгиръ-муринъ; б) на востокъ, спускомъ съ горы дорога въ Богдо-курень и с) на сѣверъ въ Хатхульскій караулъ къ южному концу озера Кубсгула. Въѣздъ въ степь съ сѣвера загораживаютъ остатки китайскихъ городищъ, — и только лишь миновавъ китайскія городища, открывается видъ на степь во всемъ ея объемѣ.

Эрхиль-нури-хундой залегла широкой полосой отъ сѣверо-востока къ юго-западу. На юго-западномъ концѣ ея расположено большое съ пологими болотистыми берегами озеро *Эрхиль-нуръ*; юго-западнымъ же концами своими промываетъ къ подошвѣ горъ. Именемъ этого озера и названа степь. Горы, окаймляющія степь съ сѣверо-востока, отдѣляютъ ее отъ береговъ р. Иги. Между же горами, идущими вдоль юго-западной окраины степи, изъ группы другихъ вершинъ выдѣляется одна болѣе высокая и, точно колпаками, покрытое густымъ рослымъ листовичнымъ лѣсомъ, который, впрочемъ, до подошвы горы не простирается. Бросаящаяся въ глаза своей зеленой покрывшей среди остальныхъ обнаженныхъ горъ особенность этой горы подмѣчена монголами и они въ своихъ легендахъ упоминаютъ объ этой горѣ, какъ избраннѣйшимъ мѣстѣ. *Бурен-ханомъ* для охоты за изюбными, которыхъ, къ слову сказать, и теперь не мало водится въ этой горной тайгѣ. Именемъ Хана-номады назвали и самую гору. Подъ числами своего дневника «8 Сентября» Г. Н. П. упоминаетъ объ этой горѣ и называетъ ее *Бурен-хаиръ-ханъ* (наши курсивы). Вставки г. Потанина «хаиръ» въ названіи горы мнѣ не приходилось слышать отъ монголовъ. Путешественникъ такъ описываетъ эту гору: «она была покрыта вчерашнимъ снѣгомъ; въ ущельяхъ(?) былъ видѣнъ листовичный лѣсъ уже съ пожелтѣвшей хвоей... Бурен-хаиръ-ханъ, судя по цвѣту обнаженій, состоитъ изъ известняковъ, на вершинѣ перевала встрѣчены выходы гранита».

Эрхиль-нури-хундой (хундой собственно и значить небольшая степь) покрыта хоть невысокой, но густой травой, преимущественно волосцемъ (хякъ) и пыреемъ; цвѣтущими же злаками не особенно богата; мною собрано только пять разновидностей флоры. По степи вездѣ снуетъ важно, точно на-смотрю шагая, стаи журавлей (тухурѣ); много также разбросано тарбаганскихъ поселеній, что свидѣтельствуетъ о сухости почвы; и дѣйствительно Эрхиль-нури-хундой, кромѣ озера, стоящаго на юго-западномъ концѣ ея, не имѣетъ другихъ орошеній. Ни зимнихъ (убыл-зонъ), ни лѣтнихъ (загалунъ) кочевьевъ по всей степи не замѣтно. Удавившись этому, я спросилъ случайно ѣхавшаго съ нами монгола; «что за причина, что никто не кочуетъ въ этой сравнительно обширной и обильной кормомъ равнинѣ»? Изъ объясненій номада пришлось узнать, что Эрхиль-нури-хундой, имѣющая все удобства роскошнаго пастбища, *есть собственность Мигуней хашуни-носна*, князя, управляющаго Мигунскимъ хашуномъ. Въ степи въ этой бродятъ зимою многочисленныя стада князя, питаея богатымъ подножнымъ кормомъ, и никто другой, подѣ страхомъ наказанія, не имѣетъ права пускать свой скотъ въ эту *собственность князя*. Условия Эрхиль-нури-хундой таковы, что она даже въ самый худшій засушливый годъ имѣетъ кормъ, который, притомъ, скоту зимой не трудно добывать, — такъ какъ постоянные вѣтра раздуваютъ и сносятъ снѣгъ съ ея площади. Это то, т. е. удобства пастбы, и соблазнило Гуна присвоить себѣ Эрхиль-нури-хундой, какъ исключительно ему принадлежащую собственность. Такимъ образомъ и на этой далекой окраинѣ Монголіи у номадовъ ея начинается уже создаваться понятіе о правахъ индивидуальной собственности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нарушатся строго общинное владѣніе землей. Тотъ же Мигуней гунъ (Мигунскій князь), въ хорошую пору года пасетъ свои стада на общинныхъ пастбищахъ, вытравляетъ ихъ; мало этого, выбравъ лучшій кусокъ изъ всего района общинныхъ владѣній, присваиваетъ его исключительно себѣ; бережетъ его на время безкормицы, не пускаетъ туда стада общинниковъ; и, пользуясь правами сильнаго, попираетъ обычное право, и

властно, не терпя никакихъ апелляцій съ чьей либо стороны, говорить: «это мое!» не смѣи пользоваться или, иначе, запорю». Замѣчательнъ фактъ, что разные власть имущіе «князья и другіе ноены Монголіи» начали, только лишь въ сравнительно недавнее время, присваивать себѣ исключительное право на владѣніе извѣстной частью земли,—и именно случилось это послѣ учащенно усилившихся надежей на скотъ, а главнымъ образомъ, послѣ расширившейся въ послѣднее время внѣшней торговли. Вопросъ этотъ имѣетъ особенную важность и мы о немъ будемъ говорить въ особомъ изслѣдованіи «обычнаго права монголовъ на владѣніе отдѣльными земельными участками». Теперь же скажемъ, что по рассказамъ монголовъ лѣтъ десять тому назадъ не было случаевъ захвата земель. Въ теченіе же этого періода власти монгольскія начали постепенно выражаться въ бывшихъ нашихъ помѣщиковъ со всѣми ихъ крѣпостническими инстинктами и тенденціями. Князья и тайджи, т. е. дворяне, пользуясь наравнѣ съ другими общинной землей, въ тоже время позволяютъ себѣ выдѣлять изъ нея лучшіе куски, захватываютъ ихъ въ свою пользу, закрѣпляютъ за собой и строго слѣдятъ, чтобы никто другой не пользовался будто бы ихъ собственной землей. За нарушение же правъ на землю, присвоенную безъ какого бы то ни было согласія общины, строго наказываютъ. Кромѣ присвоенія земли—Гуны и Тайджи сгруппировываютъ возлѣ себя голытьбу и обращаютъ ее въ даровыхъ слугъ, рабовъ; пользуясь даровыми трудами рабовъ, князья и тайджи считаютъ своею обязанностію только лишь кормить ихъ,—жалѣютъ же дать клочекъ кожи или какой нибудь обносокъ одежды, но за то бьютъ ихъ палками и плетями за неточное исполненіе своихъ приказаній и за ущербы *по скотоводству* въ случаѣ пропажи скота*). Если какой нибудь счастливый случай не откроетъ глаза

*) Эбріе въ своемъ трудѣ „Жив. Пут. по Азіи“ на 33 ст. III тома пишетъ, что будто бы у монголовъ есть невольники или рабы, происходящіе отъ плѣнныхъ, а большею частію отъ преступниковъ, закабаленныхъ въ рабство вмѣсто ссылки. Это настоящіе помѣщичьи крестьяне. Быть можетъ Эбріе и правъ относительно Монголіи, прерывающей къ собственному Китаю, но что же касается окраины сѣверной Монголіи, то у номадовъ ея, нѣтъ этой категоріи рабовъ.

номадамъ, не натолкнетъ ихъ на путь активнаго сознанія своихъ правъ, если культура не придетъ извнѣ на помощь—номады не въ далекомъ будущемъ непременно обратятся въ рабовъ и господъ, община распадется, богачи сдѣлаются крупными собственниками, захвативъ лучшія земли, а бѣднота, таковъ вездѣ ея удѣль, или вовсе останется безъ земли или въ ея распоряженіи будутъ одни лишь горы, кочки и болота. Въ Тункинскомъ краѣ были уже случаи захвата общинной земли въ собственность одного лица, напр. тайши Хомакова; но буряты теперь образумились,—и большую часть земель, присвоенныхъ Хомаковыми и его дѣтьми безсогласія на то общины, отобрали, вновь обратили ее въ общинное пользованіе и раздѣлили между всѣми своими членами на общемъ съ другими угодами основаніи. При чемъ нужно сказать, что община достигла этого не безътяжебныхъ дѣлъ. Но хватятся ли въ пору за умъ номады Монголіи?... Если же пройдетъ *«земская давность»*, захватчики *укоренятъ* свое право, возведутъ его въ государственный принципъ, народъ освоится съ этимъ правомъ, подчинится ему какъ тяжелой, но неизбѣжной необходимости.—Если все это будетъ допущено въ молчаливомъ терпеніи бѣдъ и скорбей, тогда будетъ поздно и община не будетъ уже имѣть силъ отобрать то, что ей когда то принадлежало *de jure* и захвачено не законно и выступить тогда на очередь мучительный, кровавый аграрный вопросъ. На сторонѣ же сформировывающихся теперь въ Монголіи собственниковъ, какъ водится, капиталъ и власть... Скорѣй бы пришла помощь. Дѣло еще можно поправить.... Судя по тону розсказа монгола про Эрхиль-нури-хундой у монголовъ есть уже отчетливое сознаніе, такъ сказать, *убыточности* интересовъ общины, какую терпитъ она отъ того или другаго исключительнаго захвата извѣстной части угодебъ. На вопросъ мой: «почему никто изъ монголовъ не рѣшается поставить юрты въ Эрхил-нур-хундой?»—спутникъ мой разсказчикъ лаконически отвѣтилъ «зон-айна» т. е. *общественники боятся*. Отвѣтъ этотъ, не смотря на свой лаконизмъ, вполне ясно иллюстрируетъ какъ настоящее положеніе дѣла, такъ равно и неизбѣжно ожидаемый исходъ его въ буду-

щемъ, а это будущее въ скоромъ времени породить истыхъ крѣпостниковъ и при нихъ рабовъ. Какъ только лишь Монголія оставитъ кочевой образъ жизни, то слѣдующій строй жизни непременно выльется въ гнусную форму—съ одной стороны барства въ самыхъ его широкихъ же размѣрахъ, а съ другой—безвыходной кабалы.... Опять повторяемъ, скорѣй бы проникнули европейскія идеи въ эту далекую страну и не позволили бы ей повторять горькія тяжелыя историческія ошибки строя общественной жизни человѣческой!

«Въ прошломъ году, продолжалъ свой рассказъ номадъ, одинъ китаецъ вздумалъ было остановиться въ Эрхиль-нури-хундой для поправки истощенныхъ своихъ верблюдовъ, да и то, когда узналъ объ этомъ Гунъ (князь), собственникъ (еджинъ) выгналъ его оттуда. Если уже китайцу не позволено было стоять съ верблюдами въ степи, то намъ и подавно», заключилъ свои сообщенія номадъ.

А хороша Эрхиль-нури-хундой—привольна для скота? спросилъ я своего собесѣдника.

«Бури-сайхавъ, има-сеотой! Маль-аду хезешигу-улутсу уве!» т. е. «Очень хороша. Вотъ какъ хороша (причемъ показалъ приподнятый вверхъ палецъ): скоть,—лошади никогда не бываютъ голодными».

Разговаривая съ номадомъ объ условіяхъ скотоводства и цѣнности хорошихъ пастбищъ, мы подѣхали къ сѣверо-восточному берегу о. Эрхиль-нуръ. Я зачерпнулъ изъ озера воды и хотѣлъ было напиться, но монголь удержалъ меня, сказавъ, что вода горько-соленая и послѣдствіемъ приема бываетъ поносъ и сильно растраивается желудокъ, даже переваренная она не теряетъ своего слабительнаго свойства. Отъ этого же монгола я узналъ, что во время волнений валы Эрхиль-нура выбрасываютъ на берегъ «косыйнъ», т. е. пѣну; пѣна же эта, высохши, обращается въ дабаса (соль), выступаютъ также крупинки соли и въ жаркій лѣтній день; но что ни люди, ни скоть не употребляютъ воды изъ озера, скоть же любитъ лизать соленую землю береговъ его.

Разсматривая очертаніе береговъ озера, вспомнилось мнѣ, что г. Рафаиловъ на чертежѣ своей карты придѣлалъ къ сѣверному концу озера безъ-

имянный коротенькій хвостикъ, долженствующій, вѣроятно, изображать истокъ озера—или же какую нибудь рѣку, впадающую въ него; но ни того, ни другого я не замѣтилъ. Устье р. Шобутей теряется въ Эрхиль-нури-хундой и далеко такъ не доходитъ до озера. Не довѣряя себѣ, я спросилъ у монгола—не знаетъ ли онъ какого нибудь стока изъ озера:

«Эрхиль-нури холай-уветей; Хана-шиги-уветей!» отвѣтилъ монголь (Эрхиль-нури не имѣетъ горла (истока); нигдѣ не имѣетъ). 1877 года 9 сентября у оз. Эрхиль-нуръ былъ Г. Н. Потанинъ и сдѣлалъ подробное описаніе его окрестностей, почвы, растений, такъ что мы для полноты даннаго нами описанія рекомендуемъ развернуть 260 стр. труда ученаго и поинтересоваться его описаніемъ Эрхиль-нура.

Высота оз. Эрхиль-нура по барометрическимъ опредѣленіямъ Потанина и Рафаилова равняется 5,100 ф.

Отъ оз. Эрхиль-нура уважаемый Г. Н. Потанинъ отправился въ Хатхульскій харуль къ южной оконечности оз. Кубсгула.

Послѣ осмотра озера, мы направились прямо на югъ и вошли въ устье распадка *Уланъ-хапсагай-булукъ* (Уланъ-красный,—хапсагай-узенькій, булукъ ручей); распадокъ этотъ нѣсколько шире, чѣмъ Шобутей, и вѣроятно, тотъ самый, который Г. Н. Потанинъ имѣлъ въ виду, говоря, что «восточную часть котловины Эрхиль-нури-хундой ограничиваютъ на сѣверѣ горы, которыя нашъ вожакъ назвалъ Хапсагай и Шарь-далынъ» (261). Г. Н. назвалъ долину озера «окруженною со всѣхъ сторонъ горами» (260). Дополнимъ же это сообщеніе перечисленіемъ названій вершинъ горъ съ ихъ распадками. На сѣверѣ лежащая возвышенность называется *Шарь-далынъ*, на востокъ Уланъ-Хапсагай, направо отъ дороги въ Делгир-муринъ, кромѣ Уланъ-хапсагай-булука, вышло еще и другое устье распадка *Ара-хундой*, верховья котораго на юго-западѣ. По Ара-хундой есть дорога въ Джазасакскій Хашунъ, гдѣ есть курень съ живущимъ въ немъ гыгеномъ. Налѣво отъ Уланъ-хапсагай булука вышелъ распадокъ *Куку-шолутей* (съ синими камнями); выше его *Хуху-хапсагай* (синій-узкій) и рядомъ съ этимъ послѣднимъ

Тумусъ-Хонхо (Тумусъ собственное имя; Хонхо колокольчикъ). По этимъ распадкамъ проходить дорога къ берегамъ р. Иги и въ кочевья Урянхайцевъ, что за Хатхульскимъ карауломъ.

У входа въ устье Уланъ-хапсагай-булукъ встрѣтились съ нами три монголки, возвращающіяся изъ Джазасакскаго куреня, куда онѣ ѣздили на поклоненіе Гыгену. Номадки разодѣты были все въ яркаго цвѣта шелковыя дыглы; у франтихъ волосы лоснились, отъ толсто намазанной лиственничной смолы. Смола эта любимая помада у номадокъ, онѣ перетапливаютъ ее съ бараньимъ жиромъ и этимъ составомъ, точно густой смолой, мажутъ волосы.

Монголки, изъ трусости предъ незнакомыми оросами, были молчаливы и никакъ не могъ я вовлечь ихъ въ разговоры; такъ что, потерявъ всякую надежду узнать отъ нихъ что нибудь о Джаяакскомъ Гыгенѣ, мы простились съ «амазонками монгольскихъ стеней» и начали дѣлать переходъ въ верховья Уланъ-хапсагай-булукъ. Подъемъ безлѣсенъ и до того пологъ, что почти не замѣтенъ; вдоль подъема проходить русло ручья; почва каменисто-песчаная, усѣяна дресвой по берегамъ русла, которое безводно, каменисто, широко и мѣстами заросло сорными травами — полынью (Умыхей-шаральжи) и Лебедой (Зуйлент-шаральжи); трава по бережьямъ русла рѣки растетъ превосходная. Встрѣтивъ въ Эрхиль-нури-хундой хорошую траву, я подумалъ, что это случайное явленіе, какъ и въ Мусу-турунѣ; пробхавъ который, мы опять шли чуть ли не обнаженными, выжженными солнцемъ мѣстами — такъ до верховьевъ р. Шобутей; отъ этого же пункта и дальше — все лучшая и лучшая трава. Это обуславливается болѣе благоприятными атмосферическими явленіями, въ данной мѣстности, но не характеромъ почвы также каменистой, какъ и вездѣ по окраинамъ сѣверо-западной Монголіи. По рассказамъ монголовъ, въ описываемой нами мѣстности, дожди начали идти ранней весной, а главное то, что не было прошлый годъ засухи.

По мѣрѣ отдаленія отъ устья, распадокъ Уланъ-хапсагай-булукъ становится все выше и выше; русло углубляется и жметъ лѣвымъ своимъ берегомъ къ подошвѣ горъ, а дорога всходитъ на косогорь...

Было уже поздно. Солнце закатилось, да и мы притомились; и послѣ получасоваго перехода, считая отъ начала устья распадка, оставили дорогу, спустились съ косогора къ берегу рѣки, къ мѣсту, гдѣ, по словамъ бывшаго съ нами монгола, были подземные ключи и расположились, говоря по тункински, «*ни ночеву*».

У ключа мы увидѣли три небольшія, въ аршинъ вышиной, конической формы кучи; сложены эти кучи изъ мелкаго камня. Кучи расположены подъ острымъ угломъ, направленіе котораго лежитъ къ ключамъ. Близъ ключей стоитъ русанъ; но у обитателя этого русана, Жамсарай Норбоева, мы не могли добыть дровъ, по той простой причинѣ, что у него и признака ихъ не было. За то Норбоевъ посоветовалъ намъ съѣздить на указанное имъ мѣсто и взять изъ Хашана одну жердь, что мы и сдѣлали. Съ нашей стороны было неприлично брать жердь изъ чужой огорода, — это было равносильно воровству. Но чтобы дѣлать? Аргала нигдѣ вокругъ не было, не примѣтно нигдѣ было и лѣсу; самъ же Норбоевъ, имѣя всего имущества только одну собаку, разводилъ огонь, тамъ гдѣ раздобывалъ себѣ пищу — не большой запасъ его аргала, курающійся въ русанѣ, намъ совѣстно было брать у этого нищаго. За чаемъ я освѣдомился у Норбоева о значеніи кучъ, что близъ ключа, и узналъ, что это жертвенники, поставленные по слѣдующему случаю. Въ началѣ іюля мѣсяца вода перестала бить изъ ключей. Одинъ изъ ламъ, имѣющихъ «*Зада*»*), т. е. чудодѣйственный камешокъ, обладая которымъ по своему произволу можно вызывать дождь и снѣгъ, когда вздумается, такъ вотъ лама вновь вызвалъ водные ключи къ дѣятельности и въ благодарность за это приносилъ близъ этихъ ключей жертву Лу**) (Лу-су-такиль-тахиха), для чего и поставилъ три жертвенныхъ обо (кучи).

*) Что такое „задо“ смот. подробное описаніе ея, сдѣланное Гр. Н. Потанинымъ въ его очеркѣ, помѣщенномъ въ „Рус. Богат.“ за 1881 годъ подъ заглавіемъ: „Поѣздка“ въ Дархаты.

**) Лу — мнѣшеское чудовище, производящее громъ и молнію и заправляющее истоками рѣкъ и ихъ теченіемъ. Чудовище это можетъ по своему произволу высунуть рѣку и наполнить ее водою, можетъ также послать дождь, градъ, снѣгъ и всякую непогодь.

Осматривая кучи, я на одной изъ нихъ, именно составляющей основаніе трехъугольника, нашелъ двѣ каменныхъ плитки, на плоскости которыхъ вырѣзаны какіе-то знаки. Плитки эти я взялъ съ собою и въслѣдствіи передалъ въ Музей В. С. Георг. Отдѣла. (Рисунки этихъ изображеній приложены въ концѣ).

Осмотрѣвъ обо, я пошелъ знакомиться съ жилищемъ Норбоева—русаномъ.

Какъ извѣстно, монголы живутъ въ войлочныхъ юртахъ,—имѣтъ юрту—завѣтная мечта кочевника; не смотря на прстоту устройства послѣдней и сравнительную ея дешевизну—далеко не каждый монголь имѣетъ это первобытное жилище. Многіе изъ нихъ, обездоленные судьбой-мачихой, буквально не имѣютъ никакого пристанища. Бѣднякъ нищій, считаетъ себя счастливымъ, если у него есть хоть какая нибудь возможность пріютиться—не говоримъ уже въ юртѣ, а просто въ какой нибудь конурѣ. Въ одной изъ такихъ конуръ—нищій монголь по имени Жамсарай Норбоевъ—и жилъ. Опишемъ его жилище. Если я назову конуру Норбоева, даже въ худшемъ смыслѣ слова, жилищемъ человѣка, то и то не будетъ вѣрно. Ни подъ какое понятіе о жилищѣ эта конура не подходитъ. Представьте себѣ воткнутыхъ въ землю три тонкихъ палки вышиной аршина въ два съ половиной. Верхніе концы этихъ палокъ соединены вмѣстѣ и связаны ремнемъ, такъ что образовался конусъ,—площадь котораго, въ діаметрѣ, не болѣе сажени. На этотъ конусъ съ боковъ набросано до десяти жердей,—все это съ наружной стороны, за исключеніемъ входа, покрыто ключьями перегниващаго войлока, собраннаго по дорогамъ и близъ кочевьевъ зажиточныхъ монголовъ. Войлочные эти выброски кой-гдѣ спиты, а то просто подѣты за кору и сучья жердей. Само собой разумѣется, что дыры вездѣ свѣтятъ. Вотъ и все устройство конуры и это есть жилище разумнаго существа,—человѣка и даже носить специальное названіе—конура эта по-монгольски называется «русанъ». Русанъ ни отъ вѣтру, ни отъ дождя, ни отъ холода не защищаетъ; только лишь во время лѣтняго зноя онъ могъ бы представлять изъ себя холодокъ, но и этого нѣтъ. Хозяинъ русана, имѣя «тыръ», т. е.

обиталище, по традиціи, не считаетъ возможнымъ внѣ своего жилища, около него разводить огонь—иначе «заяшь»—духъ огня—будетъ сердиться за то, что хозяинъ, не разводя огня въ русанѣ, тѣмъ самымъ какъ бы выживаетъ «Заяша» изъ дому и вообще не относится къ нему съ должнымъ почитаніемъ. Какъ зло суевѣріе вмѣшивается въ жизнь. Боясь мести Заяша, суевѣрный номадъ, раскладывая огонь внутри русана, живетъ точно въ какой нибудь коптильнѣ;—хорошо тѣломъ—бѣднякъ можетъ сидѣть у порога своего русана и не оскорблять Заяша, а хоть съ утра и до вечера, въ угоду ему, коптитъ свой русанъ. А зима? Тутъ уже помимо всякихъ традицій, просто изъ нужды согрѣтъ свое голое тѣло, обитателю русана нужно поддерживать огонь въ очагѣ и самому сидѣть среди облаковъ тѣлаго удушливаго дыма! Вѣдь бѣднякъ и зиму проводить въ русанѣ! Дивиться надо, какъ можетъ организмъ человѣка переносить такія удобства жизни, жить при такихъ не человѣческихъ, даже и не скотскихъ условіяхъ; дивиться надо, какъ бѣднякъ номадъ не околѣваетъ въ длинную, холодную, лютую сѣверную зиму. Впрочемъ, послѣднее часто случается, и въ понятіяхъ монголовъ не служитъ чѣмъ нибудь изъ ряда вонъ выходящимъ,—не есть не нормальное явленіе, позорное для общества и человѣка культуры. Найдеть трупъ собака, съѣстъ его и дѣлу конецъ; другой же бѣднякъ заберетъ ключья русана погибшаго хозяина, прикроетъ ими свой и, влача жалкое существованіе, будетъ апатично ждать такой же участи.

Въ такомъ то русанѣ живетъ Жамсарай Норбоевъ и при томъ не одинъ, а съ пятнадцатилѣтнимъ своимъ сыномъ. Сквозь дымъ, заставшій всю внутренность русана, я, при входѣ въ него, ничего не могъ рассмотреть; щемлящая боль отъ тѣлаго, вонючаго дыма заставила болѣзненно закрыть глаза. Интересуясь же по-ближе ознакомиться съ этой злой пародіей на жилище человѣка, я попросилъ Норбоева угасить огонь. Но долго пришлось ждать возможности войти въ русанъ съ открытыми глазами. Наконецъ дымъ вышелъ, далъ возможность и дышать свободно, и смотрѣть. Что же я увидѣлъ? По срединѣ площади русана три камня, стоящіе ребромъ во-

кругъ очага; на камняхъ обломокъ чугунаго котла—и больше ничего! Даже обрывковъ, тряпокъ, лохмотьевъ—этого богатства нищихъ не было у бѣдняка. Площадь внутренности русана до того мала, что владѣлецъ его, ложась, не могъ растянуться во всю длину своего корпуса, а чтобы лечь долженъ былъ представить изъ себя полукругъ, только маленькій сынъ Норбоева, повидимому, могъ спать въ растяжку. Самъ Норбоевъ почти голъ. По верхъ тѣла его, вмѣсто одежды, были набросаны обрывки тарбаганскихъ кожъ; обрывки эти, слабо напоминая покрой дегыла (верхній халатъ), кое какъ спиты между собой и покрывали тѣло только до колѣнъ. Само собой понятно, что ни рубахи, ни штаны, ни сапогъ, никакой самой существенно-необходимой принадлежности костюма у Норбоева не было. На головѣ же, замѣняя шапку, торчалъ клочекъ войлока. Такъ же былъ *одѣтъ*, если можно употребить это слово, и его сынъ. Вѣрнѣе будетъ, если мы скажемъ, что тѣло Норбоева и его мальчика, вмѣсто одежды, было покрыто толстымъ слоемъ грязи, къ тому же все было изможено гнилыми отвратительными струпами, слишкомъ ярко говорящими о тѣхъ гигиеническихъ условіяхъ, въ какихъ Норбоевъ проводилъ жизнь. Дальтонъ, рассказывая о жителяхъ Борнео, приходитъ въ ужасъ отъ того, что дикари не имѣютъ жилища и проводятъ ночь подъ какимъ нибудь большимъ деревомъ съ низко нависшими вѣтвями. На вѣтвяхъ развѣшиваютъ дѣтей въ своеобразныхъ колыбеляхъ; сами же прикрываются кусками коры и такъ же укрываютъ и дѣтей своихъ. Но Борнео не холодный сѣверъ съ его крайне измѣнчивой атмосферой, суровой лютой зимой. И чтобы Дальтонъ сказалъ, если бы увидѣлъ въ такомъ холодномъ климатѣ такое жилище Норбоева и такой его костюмъ? А такихъ Норбоевыхъ не мало въ Монголіи.

Единственныя средства къ жизни у Норбоева и подобныхъ ему пролетаріевъ—это тарбаганы (т. е. сурки). Бѣднота лѣто и зиму исключительно и питается только этими звѣрками. Каждый бѣднякъ-монголъ всѣми силами старается достать, вскормить и привязать къ себѣ собаку, имѣющую для номада особенное значеніе, такъ какъ собака—кормилецъ

его и безъ нее онъ пропасть бы отъ голодной смерти. Дѣло въ томъ, что нохой (собака) доставляетъ бѣдняку единственную его пищу—тарбагановъ. Утромъ, на зарѣ, когда тарбаганы выходятъ изъ норъ, собака старается отбить ихъ; затѣмъ ловитъ и загрызаетъ и тѣмъ доставляетъ себѣ и хозяину пищу. Это лѣтомъ, когда при помощи собаки, весь трудъ бѣдняка номада состоитъ лишь въ томъ, чтобы въ обломкѣ котла сварить добытаго собакой тарбагана. Зимой же кормилецъ номада—мало приноситъ уже пользы. Въ эту пору тарбаганы, подверженные зимней спячкѣ, залегаютъ въ норы и чтобы добыть ихъ оттуда, нужно разрывать послѣднія. И съ орудіями неумѣлому номаду трудно разбивать скованную морозомъ землю,—бѣдняку же, которому всѣ орудія замѣняетъ листовичная палка, да зубы собаки, нужны невѣроятныя усилія, чтобы справиться съ почти непреодолимыми препятствіями при добычѣ тарбагановъ. Звѣрки эти преимущественно живутъ въ стени; лѣсу нѣтъ. Номаду, чтобы добыть себѣ пищу, нужно растаять землю, разрыть нору тарбагана, уйдти отъ памѣченной норы нерѣдко на нѣсколько верстъ и исгать топлива. Лѣсъ найденъ; топора нѣтъ; нужно ломать руками; наломанныхъ дровъ вести не на чемъ,—нужно вычистить собственную свою спину и нести дрова къ норѣ, скрывающей внутри себя пищу. Затѣмъ съ громадными усиліями, чрезъ посредство одного трута, нужно разжечь топливо и размягнуть землю надъ поверхностію тарбаганьей норы, чтобы была возможность добраться до тарбагана. Но нора глубоко уходитъ въ землю; нужно нѣсколько разъ приносить дрова, разжигать ихъ, чтобы окончательно, размягчивъ землю, возможно было разрыть нору и добыть себѣ пищу. На всю эту египетскую работу тратится минимумъ полтора сутокъ. И вотъ въ теченіе этихъ длинныхъ, холодныхъ зимнихъ сутокъ окоченѣвающее семейство жителя русана питается однимъ только суркомъ—тарбаганомъ! Это значить быть не то что, какъ говорится, *въ проголодь*, а просто такъ постоянно испытывать муки голода и при голодѣ не быть ничѣмъ защищеннымъ отъ стужи. Товарищъ бѣдняка—собака меньше страдаетъ. Она по крайней мѣрѣ защищена отъ холода шерстью, тогда какъ на человѣкѣ

висятъ только ключья ея. И десятками мреть отъ голода и холода эта бѣднота! На помощь къ ней никто не приходитъ; никто надъ нищимъ номадомъ не сжалятся и не вникнетъ въ его положеніе! Ни въ комъ онъ не возбуждаетъ чувство состраданія!

Буддизмъ учитъ, что счастье и несчастье, богатство и бѣдность не зависятъ отъ воли человѣка, а зависятъ отъ предопредѣленія свыше. Все, что постигаетъ человѣка—есть сила не предотвратимаго рока. Помогать обѣднѣвшему, протянуть ему руку помощи, такъ или иначе войти въ положеніе человѣка, подвергшагося ударамъ судьбы—безполезно и не имѣетъ никакой нравственной заслуги; такъ значить предопредѣлено мудростію свыше; и усилія претерпѣвающаго несчастья, равно и активное желаніе другихъ помочь кому нибудь выйти изъ бѣды—напрасная трата усилій и безполезное желаніе, потому что душа, живущая въ оболочкѣ существа, претерпѣвающаго то или другое несчастье, будучи въ состояніи метаменхоза,—для высшихъ цѣлей, для достиженія конца концовъ, абсолютнаго покоя—этой нирваны, терпитъ наказаніе, необходимое для болѣе счастливаго возрожденія въ будущемъ; и ничьи силы не въ состояніи предотвратить это предопредѣленіе, а значить и облегчить страданія. Чѣмъ скорѣе погибнетъ оболочка страдающей души, тѣмъ лучше. Гибель оболочки дастъ свободу душѣ. Предохранять же оболочку отъ гибели, заботиться о ней, помимо того, что безполезно, но и еще, значить, намѣренно, стараться продлить страданія души, такъ какъ не эта видимая, бренная матеріальная оболочка терпитъ страданія, а душа, и періодъ извѣстныхъ страданій абсолютно невозможно ни отодвинуть въпередъ, ни уменьшить. Голодь, холодъ, болѣзни, мученія ранъ, однимъ словомъ всѣ тѣлесныя страданія испытываетъ душа; она страдаетъ, а не гнѣющее во времени, начиная съ самаго дня рожденія, тѣло. Исходя изъ такого возрѣнія, никто изъ буддистовъ монголовъ не сочувствуетъ бѣднякамъ. Эти послѣдніе, будучи предоставлены самимъ себѣ вѣдаться со своими несчастьями, кое какъ влачатъ свое жалкое существованіе, покуда, выбившись изъ силъ, не околѣваютъ и не дѣлаются достояніемъ своей собственной собаки, которая не замедлитъ еще у неостывшаго трупа обглодать кости!

Норбоевъ на вопросъ мой—какъ онъ можетъ жить при такихъ варварски нечеловѣческихъ условіяхъ, т. е. въ постоянномъ ожиданіи голодной смерти, очень мѣтко охарактеризовалъ мнѣ въ нѣсколькихъ словахъ свою жизнь. Вотъ подлинныя его слова: «тарбага оломсор боль-бол-баин хуни зангар суухап: тоюгор дурен шанат-дудусе дургуй; тарбага алауве бол-бол-тархя ханжыха, унтаха-нойр байха уве,—хептехе суужи, сужи-шалана, иси бодохо-холой яжи олхо»? т. е. «если я найду тарбагана,—то сию дома какъ и богатый человѣкъ, сваривши полоня котель (мяса), наполню брюхо; если же не убью тарбагана—голова моя повиснетъ, сонъ отъ меня отходитъ, провожу время, лежа на боку, истощаюсь,—истощившись немогу встать—тогда, какъ я найду себѣ пищу!» Тяжелое сознаніе! Видно, что несчастный бѣднякъ всѣми фибрами своей души почувствовалъ безотрадное свое положеніе: въ холодѣ, истощенный, безъ сна, томимый муками голода, онъ покорно ждетъ конца своего бреннаго, страдальческаго существованія, апатично встрѣчая медленно идущую, мучительную предсмертную агонию голодной смерти; вѣря, что въ силу рока, такъовъ именно конецъ его жизни, а не другой, и долженъ быть, онъ вѣритъ въ истину своей религіи, которая учитъ, что земная жизнь есть неизбѣжное и вмѣстѣ съ тѣмъ томительное страданіе бытія, сцѣпленіе настоящаго съ прошедшимъ, гдѣ и причина страданій, жалкаго бытія; онъ знаетъ, что голодная, кормившая его когда то, собака ожидаетъ только послѣдняго его вздоха, чтобы съ жадностію, у неостывшаго еще трупа, обглодать кожу—оболочку костей, а не мясо. Но эта вѣра въ неизбѣжность рока при жизни заставляла номада мало заботиться о своемъ пропитаніи. Тарбагановъ масса; и, какъ сказалъ мнѣ самъ Норбоевъ, ихъ, при помощи собаки, въ одно утро, заразъ можно наловить до шести—семи штукъ. Слѣдовательно осенью, даже не при усиленномъ ловѣ, можно было бы сдѣлать кой какой запасъ мяса на зиму, а шкуры обмѣнять на что нибудь, положимъ хоть бы чай—чтоли, и тѣмъ самымъ избавиться отъ голодной смерти. Но тутъ религія—нѣтъ не религія, а страсть сытаго и празднаго буддійскаго духовенства, страсть,

противно основамъ религіи, обставлять жизнь чело-
вѣка возможно большимъ количествомъ разныхъ
правиль и постановленій, зачастую самыхъ бессмыс-
ленныхъ, не стѣсняющихъ разумную свободу воли
человѣка, засоривъ ученіе Будды,—страсть эта за-
ключила жизнь послѣдователей философа-раціона-
листа въ узкія рамки формализма, никуда негод-
наго, но ведущаго къ нравственному усовершенство-
ванію челоѣка, но зато къ вѣрной гибели, из-
вращенію самыхъ естественныхъ понятій и требо-
ваній и къ нравственной порчѣ, сводя все не на-
духъ, а букву закона. Нужно же было какому
то досужему обезсмыслившему буддисту дѣлать глупѣйшія
вычисленія, что за лишеніе жизни, положимъ,
такого то животнаго, необходимаго въ данное время
для пищи, полагается столько то грѣховъ, за такое
то животное больше, за другое меньше и т. д. и,
придавъ этимъ измышленіямъ религіозную санкцію,
пропагандировать среди довѣрчивыхъ, номадовъ,
скрывая, что это собственныя измышленія праз-
дноты фантазіи сытаго челоѣка; напротивъ, съ на-
хальнымъ безстыдствомъ выдавать за повелѣнія
основателя религіи. На вопросъ мой Норбаеву—по-
чему онъ, имѣя возможность, не дѣлаетъ запасовъ
мяса на зиму, такъ какъ это легко сдѣлать, по-
куда не смерзлась земля и тарбаганы не залегли
на зимнюю спячку, буддистъ набожно отвѣтилъ:
«какъ я могу это сдѣлать? За убійство тарбагана
большой грѣхъ—убить одного тарбагана такое же
преступленіе, какъ убить пять овецъ. Я бѣденъ,
конецъ мой близокъ, — зачемъ грѣшить и дѣлать
запасы? Не истощивъ ихъ, я, быть можетъ, пропаду,
зачѣмъ же душу обременять лишними грѣхами! Бо-
гатымъ мнѣ не быть; судьба же моя — голодная
смерть, если не оконечю отъ мороза! Благодаря
такому взгляду, голодный буддистъ не жалуется на
свою судьбу; напротивъ, испытывая муки голода,
даже доволенъ, что не беретъ на себя лишняго грѣха
убійствами тарбагана,—грѣха, равняющагося убій-
ству пяти овецъ! А между тѣмъ, какъ мы уже го-
ворили, тарбаганы единственная пища бѣдняка но-
мада! Чаю не на что пріобрѣсть, молока никто не да-
етъ, хлѣба нѣтъ, мыхыр еще не созрѣлъ — горька
твоя судьба, номадъ, въ своей нищетѣ, покорно

слѣдующій формальнымъ требованіямъ религіи. У
насъ христіанъ, христарадничая, можно существо-
вать и даже наживать капиталъ попрошайствомъ.
Буддистъ же лишень этой возможности: именемъ
Будды онъ ничего не выпроситъ, такъ какъ ученіе
Будды не воспитываетъ въ своихъ послѣдователяхъ
альтруистическихъ чувствъ; напротивъ, оно учитъ,
что жизнь есть неизбежное зло и страданіе; въ
силу чего, каждый лично къ своему страданію и
всѣ по отношенію къ страждущему относятся без-
различно апатично, тѣмъ самымъ какъ бы выражая
протестъ противъ сознанія своего безпомощнаго жал-
каго существованія. Безъ всякаго сожалѣнія и ро-
пота на злой рокъ Норбоевъ разсказывалъ мнѣ,
что онъ былъ когда то богатъ, имѣлъ до двадцати
штукъ рогатаго скота, до 15 лошадей и до 50 овецъ;
однимъ словомъ», былъ я, кончилъ свои воспоми-
нанія о быломъ номадѣ, былъ я: *ехе байн бише,*
ехе уветей бише—дундугурай сужи байна, т. е.
ни богатъ, ни бѣденъ, но безъ нужды могъ суще-
ствовать. Но десять лѣтъ тому назадъ случилась
эпизоотія на скотъ, называемая монголами *хорхиро*
болѣзнь скота, симптомы которой — опухоль стегонъ
и шеи. Эпидемія эта унесла большую часть иму-
щества скотовода. Черезъ три года валежъ повто-
рился, такъ что погибли и остатки скота и остался
номадъ съ одной юртой. Отъ времени юрта истре-
палась и теперь Норбоевъ въ крайней степени ни-
щеты.

Благодаря политико-экономическимъ условіямъ
Монголіи, номаду нѣтъ возможности воротить пре-
жняго своего состоянія. Заработковъ нѣтъ; ловлею
же тарбагановъ не разживешься. Богачи и вообще
состоятельный классъ, при условіяхъ своего хозяй-
ства, мало имѣютъ нужды въ рабочей силѣ, а по-
тому если и эксплуатируютъ эту силу, то не счи-
таютъ нужнымъ изъубыточиваться на заработную
плату, а только лишь кормятъ расходующихъ свой
трудъ на увеличеніе благосостоянія богача охра-
неніемъ его табуновъ. При такихъ условіяхъ, за годо-
вой трудъ богачъ жалѣетъ бѣдняку дать даже такую
бездѣлицу, какъ напимѣръ овца. Такъ что номадъ,
разъ потерявшій свое состояніе, — работой у другихъ
хоть всю жизнь, не въ силахъ скопить достаточно

средствъ, на которыя возможно было бы вновь приобрести скотъ. Никто, даже изъ родныхъ, хотя бы изъ чувства состраданія, не приютитъ бѣдняка, не даетъ возможности какъ нибудь выйти изъ бѣдственнаго положенія. Всемогуцій въ этомъ случаѣ двигатель—религія, легшая въ основу общественнаго экономического строя, не приходитъ бѣдняку на помощь. Хотя изслѣдователь древнихъ религій Хрисанфъ и пишетъ, что у буддистовъ есть и сильно развито, благодаря ученію о жизни, какъ неизбѣжномъ страданіи и мученіи, чувство *состраданія*; но это состраданіе, несогрѣтое любовью, не воспитанное на понятіяхъ утилитаризма, недѣлательно. Самое высшее проявленіе состраданія буддиста неидетъ дальше подачи чашки молока и обглоданной кости. Состраданіе это далеко не бываетъ настолько дѣлательнымъ, чтобы, положимъ, хоть накормить бѣдняка досыта, дать ему какой нибудь обносокъ; зимой не допустить, чтобы человѣкъ околѣвалъ какъ собака и позволить ему пожить въ своей юртѣ. Нѣтъ—номадъ собаку свою и теленка предпочитаетъ человѣку и ни за что угла собаки не отведетъ нишему своему брату. По его взгляду, если и терпѣть кто страданія, то такъ, значить, должно быть и нельзя идти на-перекоръ воли рока. Хрисанфъ говоритъ, что сознаніе неизбѣжности земныхъ страданій сдѣлало всѣхъ послѣдователей Будды братьями. Быть можетъ; но, повторяемъ, братскій этотъ союзъ не освѣщенъ любовью и далеко не обязываетъ ко взаимной помощи другъ къ другу, и общества къ своимъ членамъ. Совершенно вѣрно дальше замѣчаетъ изслѣдователь буддизма, что «чувство состраданія, по своей основѣ, есть чувство апатіи къ жизни». Не идея высокаго достоинства живыхъ существъ и его собственнаго бытія порождаетъ въ буддистѣ чувство состраданія, а мысль о томъ, что жизнь и безъ того полна страданій и что не зачѣмъ увеличивать ихъ еще собственною, враждебною по отношенію къ другимъ, дѣлательностію. У послѣдователей Будды нѣтъ личнаго чувства, стремленія и интереса къ жизни. Истинно человѣческая жизнь, дѣлающая дѣлательными членовъ общества, ведущая къ усовершенствованію, развивающая силы и дающая возможность дѣлательно примѣнять ихъ—чужда спя-

щимъ духомъ буддистамъ. Жизнь ихъ идетъ въ молчаливомъ терпѣніи бѣдъ и скорбей... тихо, глухо, безъ разумныхъ обнаруженій... «никому ни до кого нѣтъ дѣла—страдаешь—такова воля рока. Этотъ же рокъ не есть *судьба* древнихъ грековъ и римлянъ, въ смыслѣ неизбѣжнаго необходимаго закона природы; это и не наше *провиднїе*, которое воздается по заслугамъ; это и не предопредѣленіе, исходящее отъ воли верховнаго существа. Это *законъ дѣла*, совершенныхъ прежде». Таковъ рокъ по чистому ученію Будды. Но современные толкователи Будды уклонились отъ атеистическаго ученія философа и, не имѣя на то основанія, рокъ, какъ судьбу, приписываютъ волѣ какого то невѣдомаго имъ верховнаго существа. Дѣлительно, монголы чужды даже попытокъ своею дѣлательностію причинять другому страданія, но за то не входятъ въ положеніе своихъ собратьевъ и апатично смотрятъ на ихъ страданія, удовлетворяясь сознаніемъ, что не они, не общественный строй причиной этихъ страданій, а злой не предъотвратимый рокъ, мѣшающій обществу устроиться на разумныхъ началахъ. И бѣднякамъ Норбоевымъ, какъ бы они ни страдали, не вызвать ни у кого активнаго, дѣлательнаго сочувствія. Люди съ достаткомъ отвернулись отъ нихъ, забыли про нихъ, предоставили страдальцевъ самимъ вѣдаться со своей судьбой; мало этого, даже вычеркнули ихъ изъ своего общества, назвавъ ихъ, какъ паріевъ, *тарбагани олосъ* «людьми тарбагановъ» и не имѣютъ съ ними никакихъ дѣлъ, не допускаютъ даже на общественныя собранія. Такъ что этотъ отверженный «тарбагани олосъ» долженъ былъ составить свою общину, которая и имѣетъ свои интересы, спланивается на зиму и общими усиліями поддерживаетъ свое жалкое существованіе. Но и эта община, связанная единствомъ страданій, безжалостна—и больныхъ своихъ членовъ обрекаетъ на голодную смерть. Тарбагани олосамъ—это простиительно, но позоръ для могучихъ членовъ общества.

У Жамсарая Норбоева, какъ и у большинства бѣдняковъ, была жена и четверо дѣтей. Прошлый годъ, когда зимой мучившіе припадки чахотки не позволяли Норбоеву выходить за промысломъ тарбагановъ, а значить и прокармливать семью, жена

бросила больного Норбоева, взяла съ собою трехъ меньшихъ дѣтей и ушла къ такому же бѣдняку какъ и Норбоевъ, но только къ здоровому; четвертаго же сына, старшаго, оставила караулить больного отца. Когда я спросилъ—«жалко ли ему жену и дѣтей»—Норбоевъ отвѣтилъ, что нѣтъ причины жалѣть. Тотъ, къ кому ушла жена, здоровѣ меня и болѣе въ силахъ прокормить дѣтей, покуда они выростутъ и сами будутъ въ силахъ добывать тарбагановъ, *би утурхун хосоржи байсанам*; я же вскорѣ пронаду, закончилъ свой рассказъ бѣдный номадъ. Дѣйствительно, припадки чахоточнаго кашля его сильно мучили, такъ что безошибочно можно предположить, что въ эту зиму онъ сдѣлается достояніемъ своей голодной собаки, которая теперь, загрызая тарбагановъ, питаетъ своего хозяина. Жутко было смотрѣть на этотъ живой трупъ, обреченный гнилымъ социальнымъ строемъ на голодную смерть! Норбоевъ далеко не глупъ, разговорчивъ и вполне ясно понимаетъ свое положеніе, хотя и относится къ нему апатично: ни ропота, ни злобы на глупѣйшій социальный строй общественной жизни мы въ немъ не замѣтили. Бѣдняка этого мы приютили, накормили и чѣмъ могли подѣлились съ нимъ. Но тутъ неглупый номадъ потерялъ чувство человеческого достоинства. Стыжусь за сравненіе, но болѣе вѣрнаго не могу подыскать. Норбоевъ, схвативши даннаго ему вещи, точно голодная собака, умчался въ свой русанъ, бормоча себѣ что то подыносъ! Долго глядѣлъ я вездѣ Норбоеву и . . . и какъ то тяжело, подъ давленіемъ не веселыхъ мрачныхъ думъ, пришлось закончить вечеръ.

Задержанная въ своемъ гражданскомъ развитіи, Монголія живетъ при самихъ аномальныхъ социальныхъ условіяхъ. Общества, какъ сплоченной силы, нѣтъ; нѣтъ и единства интересовъ. Эта обширнѣйшая страна не доразвилась еще до пониманія экономической важности—жизни обществомъ, въ которомъ бы интересы одного лица тѣсно связывались съ интересами общины: индивидуализмъ въ жизни монголовъ вездѣ и во всемъ. Наряду съ этимъ отсутствіе производительности, промысловъ, ремеселъ. Одно только лишь скотоводство, подверженное массѣ случайностей, дѣлаетъ то, что номадъ сегодня бо-

гать, а завтра—вывалился скотъ, и онъ нищѣ до послѣдней минуты своей жизни, потому что у него, благодаря общественному строю, нѣтъ ни средствъ, ни силъ, ни возможности выбиться изъ нищеты. Нѣтъ слова, что такое экономическое и социальное положеніе страны—плачевно. И Монголія, въ историческомъ своемъ развитіи, остановившаяся на точкѣ замерзанія, не дѣлая на пути прогресса даже куринаго шага, находясь въ самыхъ неблагоприятныхъ въ культурномъ отношеніи политическихъ границахъ, задерживающихъ ея развитіе, долго еще будетъ коснѣть, быть безъ движенія, представляя изъ себя стоячее болото, покуда не получитъ толчка извнѣ, который бы заставилъ проснуться спящія могучія народныя силы. И страшенъ по своей силѣ будетъ тогда этотъ возродившійся Илья Муромецъ. Намъ русскимъ, какъ сравнительно цивилизованному народу, и притомъ на громадномъ пространствѣ сосѣдямъ монголовъ, исторія отвела роль—быть проводниками культуры среди номадовъ; мы обязаны влить жизнь въ это спящее царство; мы должны внести въ темную жизнь монголовъ свѣточъ науки. Починъ въ этомъ великомъ дѣлѣ уже сдѣланъ нашими знаменитыми путешественниками, знакомящими кочевниковъ, между прочимъ, съ лучшей стороной русской жизни; разрушая своимъ примѣромъ и разумными словами непоколебимую прежде увѣренность, что-де лучшаго социального устройства и желать нельзя, а въ этомъ послѣднемъ дѣйствительно были убѣждены номады Монголіи, недавно еще изолированные отъ остальнаго цивилизованнаго міра. Глубоко уважаемый труженикъ науки, путешественникъ Г. Н. Потанинъ, авторитетно говоритъ, что чѣмъ больше русское общество будетъ снаряжать ученыхъ экспедицій на окраины нашего отечества, тѣмъ скорѣе проникнетъ лучъ свѣта и истины въ болотную жизнь некультурныхъ народовъ, тѣмъ скорѣе эти послѣдніе пробудятся отъ умственной спячки, страхнутъ вѣковую плесень и съ пробудившимся сознаниемъ быстро пойдутъ по пути развитія. Географическое Общество, руководящее экспедиціями, служить великую службу человечеству. Нашъ Отдѣлъ находится какъ разъ въ центрѣ далеко некультурныхъ народовъ,

терпящихъ бѣдствія, не въ силу своей непригодности, а единственно благодаря гражданскому младенчеству, такъ что нельзя не пожелать этому почтенному учрежденію заготовить рабочими силами и средствами, чтобы оно могло чрезъ посредство своихъ членовъ — работниковъ пробудить отъ умственной летаргіи темную массу народцевъ Сибири, изучить ихъ всесторонне и внести и свой вкладъ въ великую, недавно возродившуюся науку, я разумію, біологію. Намъ кажется, что пробудившіяся подъ вѣяніемъ культуры силы номадовъ первѣе всего озаботятся объ уничтоженіи причинъ, порождающихъ нищету съ ея гибельными послѣдствіями, позорящими человѣчество!

ГЛАВА XI.

КЪ БЕРЕГАМЪ Р. ДЕЛГИРЬ-МУРИНЬ.

(16 Июля).

Ночь была очень тепла; утромъ туманъ и роса. Туманъ къ шести часамъ разсѣлся, но солнце не показывалось изъ-за нависшихъ отовсюду облаковъ.

Снявшись съ мѣста, мы поѣхали мимо русана Жамсарай Норбоева. Противъ мѣста расположенія этого русана съ сѣверо-востока вышло устье распадка *Уланъ-хонхо* (красный колокольчикъ), подъемомъ по Уланъ-хонхо дорога ведетъ въ кочевья *Нурунтайхи*. Въ ста саженьяхъ отъ Уланъ-хонхо, съ лѣва же отъ дороги, устье другаго распадка Наринъ-зуръ (тосенный олень); бока распадка покрыты листовичнымъ лѣсомъ. Переваломъ чрезъ верховье Норинъ-зуръ есть прямая дорога къ берегамъ р. Селенги. Вотъ маршрутъ этой дороги. Послѣ подъема на вершину Норинъ-Зуръ спускъ въ долину Вумбуту, Норинъ-сарамъ, Улясугай, Хара-усу, Орокто, Сынгийль-бурикъ, Намчилтей, а затѣмъ къ берегамъ Селенги. На этомъ пути большихъ горныхъ переваловъ нѣтъ, все долины рѣчныя, небѣдныя кормомъ и лѣсомъ. Этой дорогой мы не поѣхали потому, что желали познакомиться съ берегами р. Делгирь-мурина, — этимъ началомъ р. Селенги.

Минувавъ устье Норинъ-зуръ, мы поѣхали еще мимо двухъ устьевъ распадковъ, вышедшихъ:

Санжитъ-хандагай съ сѣвера и Нурунтай съ запада. Мы продолжали подъемъ вверхъ по Уланъ-хансагай будукъ. У самага конца подъема, въ право отъ дороги, есть тропинка верховая, ведущая въ кочевья равнины Жинжить. Начиная отъ сворота въ Жинжить, распадокъ Уланъ-хапсагай-будукъ обращается въ горное ущелье съ гранитными выступами боковъ его. Дальнѣйшая дорога къ Делгирь-мурину и идетъ по этому ущелью. Нужно замѣтить, что распадокъ сразу переходитъ въ ущелье — съ юго-востока вышелъ тудой, кончающійся отвѣсно горный мысъ и прижалъ распадокъ къ западному его берегу, отчего и образовалось ущелье. Сравнительно съ распадкомъ, подъемъ по ущелью нѣсколько круче, но все-таки пологъ и удобенъ для прохода. Ущелье тянется зигзагами, каменисто, заросло травой, но нигдѣ не видно дерева.

У начала ущелья, съ права отъ дороги, есть устье ущелья же, по которому есть дорога переваломъ въ Ара-Хундой, а на лѣво, нѣсколько по-дальше, устье ущелья же Хапсийнъ-биялчиръ. Сѣверный склонъ Хапсийнъ-биялчира покрытъ листовичнымъ лѣсомъ, дороги же вверхъ по ущелью нѣтъ.

Послѣ незначительнаго, по времени, перехода ущельемъ, бока послѣдняго раздвигаются и изъ ущелья образуется широкій горный перевалъ; русло же безводнаго и каменистаго ручья Уланъ-хапсагай-будукъ замѣняется поросшимъ травой и кой-гдѣ кустами тальника логомъ. Кустарники тальника свидѣтельствуютъ о томъ, что подъ землей, на незначительной глубинѣ, должна быть вода. Вершина подъема представляетъ изъ себя довольно широкую горную площадь. Площадь эту съ запада на востокъ прорѣзываетъ дорога, идущая съ Джазасакскаго Хашуна въ Богдо-курень. Въ распадкѣ и ущельѣ было совершенно тихо, но когда мы поднялись на горную площадь, подуть съ запада небольшой вѣтерокъ. Покуда мы въ ожиданіи «передышки» лошадей сидѣли и покуривали трубки, къ намъ подъѣхало четверо ламъ. Ламы присосѣдились къ намъ. Послѣ обычныхъ монгольскихъ привѣтствій, разспросовъ и обоюдныхъ угощеній трубками и нюхательнымъ табакомъ, мы, разговорившись, узнали отъ ламъ, что они ѣдутъ на Хуруль (общественное богослуженіе) и освященіе новаго Обо, поставленнаго въ

честь «Лу». Замѣчательно, что послѣ засухи, какая была въ прошломъ году отъ границъ Монголіи и до Мигунскаго хашуна, всѣ монголы принялись особенно усердно ставить обо въ честь Лу; намъ же то и дѣло приходилось выслушивать разныя предположенія—почему Лу въ прошломъ году не былъ милостивъ къ монголамъ и послалъ засуху, и будетъ ли онъ милостивъ въ этомъ году? Разговаривавшіе съ нами ламы, между другими причинами не милости Лу, указали и на то, что «собаки дархатцы» допустили русскихъ жить въ ихъ кочевьяхъ; бранили также и урянхайцевъ, которые будто-бы для того, чтобы имѣть возможность выслѣживать звѣрей, злоупотребляли чудодѣйственной силой *Zada* и чрезъ посредство ея вызывали въ теченіе всей весны снѣгъ.

Разставшись съ монголами, мы подѣхали къ спуску. Нужно замѣтить, что вершина Уланъ-хапсагай-булука теряетъ это свое названіе и южный склонъ ея именуется уже, какъ и ручей текущій по нему, *Саганъ-булукомъ*. У начала спуска по Саганъ-булуку, на сѣверо-востокъ отъ нашей дороги, идетъ другой спускъ въ долину *Немыръ-буса*. (Немыръ—загородъ, Буса,—отъ глаг. бусаху—отправился), въ которой есть рѣчные ключи и лѣтнія кочевья монголовъ.

Какъ подъемъ на вершину Уланъ-хапсагай-булукъ послѣ прохода ущельемъ кончился широкимъ горнымъ переваломъ, такъ и спускъ по Саганъ-булуку, послѣ перехода по широкому горному склону, перешелъ въ ущелье же. Прежде чѣмъ войти въ ущелье, мы на югъ увидѣли правильную гряду горъ, идущую съ запада на востокъ. Гряда этихъ горъ, какъ мы впоследствии узнали, тянется вдоль праваго берега р. Делгиръ-муринъ и называется Эрчикъ (Ирчикъ). Г. Н. Потанинъ этотъ хребетъ назвалъ «Эрчимынъ-нуру» (259 стр.).

Проходъ ущельемъ каменистъ, извилистъ и обнаженъ отъ древесной растительности; дорожная тропинка залегаетъ по правой его сторонѣ и минуетъ устье ущелья-же *Шатаръ-моренъ*, въ верховьяхъ котораго есть зимнія кочевья монголовъ. Ущелье Шатаръ-моренъ идетъ съ запада; противъ устья его вышло съ востока другое ущелье—*Занай*. Вслѣдствіе соединеніи устьевъ этихъ двухъ ущелій, площадь

Саганъ-булука обращается въ довольно широкій циркъ, на горныхъ площадкахъ котораго расположено пять зимнихъ хашановъ. Позволяю себѣ привести выдержку изъ труда Г. Н. Потанина, въ которой онъ точно описалъ подмѣченный имъ характеръ расположенія зимнихъ кочевьевъ и выборъ мѣстъ для нихъ.

«Въ выборѣ мѣста подъ зимовки, пишетъ ученый, у монголовъ есть одна общая черта, которая бросается въ глаза: если не всѣ, то большая часть монгольскихъ зимовокъ располагаются на треугольныхъ площадкахъ, лежащихъ при южной подошвѣ скалистыхъ горъ; такія площадки острымъ угломъ вдаются въ каменную гряду, а съ боковъ обставлены скалами какъ дворъ, основаніе треугольной площадки обращено на югъ, въ долину, и съ этой стороны она открыта. Площадка имѣетъ не рѣдко очень сильную покатость отъ горы въ открытую сторону, потому что она есть ни что иное, какъ клинообразный участокъ болѣе или менѣе покатой бѣли (257 стр.).

Къ этому строго точному и вѣрному описанію расположенія зимнихъ кочевьевъ, мы добавимъ отъ себя, что расположеніе лѣтнихъ, какъ и зимнихъ юртъ, помимо расчетовъ на природную защиту отъ бурь и зимнихъ вьюговъ, согласуется еще и съ требованіемъ религіознаго обычая, по которому входъ на площадку, избранную для постановки юрты и хашана, непременно долженъ быть съ юга; почему монголы обязательно и ставятъ юрту дверьми въ эту сторону. Если же площадка не будетъ открыта къ югу, то номады, какъ бы ни было удобно мѣсто для зимней стоянки, ни за что не поставятъ на ней своей юрты. Обычай этотъ основанъ на слѣдующемъ повѣрьи. Съ юга долженъ прійти ожидаемый буддистами Мессія—Майдери и горе тому будетъ, кто прозѣваетъ его приходъ; а это, какъ вѣрится номады, можетъ случиться, если двери юрты не будутъ направлены на югъ, или же видъ изъ юрты будетъ упираться непосредственно въ горный склонъ. Иногда, впрочемъ, особенно въ Дархатахъ, площадкамъ подошвы горы, въ бурливую зиму, предпочитаютъ открытые возвышенные склоны горъ. Это потому, какъ объясняютъ номады, что въ открытомъ мѣстѣ, за-

щищенномъ только, со сторы восточнаго склона горы, болѣе правильно дуетъ вѣтеръ, чѣмъ въ горныхъ распадкахъ и ущельяхъ, гдѣ онъ порывистъ и часто обращается въ вихрь. Восточный же склонъ горъ избирается для ставки юртъ потому, что въ описываемой нами части Монголіи господствующій вѣтеръ дуетъ западный, слѣдовательно хребты западныхъ горъ нѣсколько ослабляютъ его силу.

Миновавъ циркъ, вскорѣ пересѣкли устье распадака *Серкенъ-хара* (Серкенъ—кастрированный козель, хара—черный). Распадокъ Серкенъ-хара вышелъ съ запада. Отъ устья его, далѣе, ущелье, по которому мы ѣхали, обращается постепенно въ горный распадокъ. Руслѣ р. Саганъ-булукъ идетъ рытвинами и большими выбоинами между крутыхъ, обрывистыхъ береговъ. Распадокъ также пологъ, какъ и ущелье, и покрытъ высокою густою травой, между зеленою которой цвѣтущихъ злаковъ не замѣтно. У вѣзда въ распадокъ соединяются съ нимъ два устья горныхъ же распадковъ, идущихъ съ сѣвера, параллельно съ Саганъ-будукомъ. Распадки эти называются однимъ общимъ именемъ «*Нарантай*». Они широки, не каменисты, безъ руселъ и ложбины ихъ покрыты богатымъ подножнымъ кормомъ. Чрезъ полчаса ѣзды отъ *Нарантай*, мы оставили распадокъ Саганъ-булукъ вправо и поднялись вверхъ по примкнувшему къ нему руслу ручья *Булукъ-же*. Сдѣлали же это мы потому, что распадокъ Саганъ-булукъ, хотя устьемъ своимъ и входитъ въ долину р. Делгиръ-муринъ, но очень извилистъ, что и удлиняетъ дорогу; тогда какъ подъемомъ на вершину Булука, а затѣмъ спускомъ съ него на югъ по *Марта-булукъ* (Мартаху забывать—булукъ ручей), путь, сокращаясь, выходитъ къ тому же устью Саганъ-булука. Подъемъ на Булукъ незначителенъ и оканчивается довольно широкой площадкой, образовавшейся на горномъ выступѣ. На этой площадкѣ стояла (*Майханъ*) войлочная палатка бѣдняка номада. Бѣднякъ номадъ, завидѣвъ наше приближеніе, почти бѣгомъ вышелъ къ намъ на встрѣчу съ тремя маленькими дѣтьми и женой и всѣ какъ-бы въ одинъ голосъ закричали: «*Юма идихе-уруктуй*!» т. е. дайте намъ чегонибудь поѣсть. Монголь былъ одѣтъ въ хорошій, почти новый дегыль, сшитый изъ да-

лембы,—это заставило меня усумниться въ его бѣдности. Желая поближе ознакомиться съ гуйринъ-чилжи ябаганъ-хуномъ, т. е. съ живущимъ милостынею человѣкомъ, какъ рекомендовалъ себя монголь, я подѣхалъ къ его палаткѣ и слѣзъ съ коня. Смѣло—плутоватое выраженіе лица монгола—мнѣ не понравилось; видомъ своимъ номадъ произвелъ отталкивающее впечатлѣніе; и не знаю самъ почему, я не могъ прямо, открыто смотрѣть ему въ глаза, точно виновный избѣгалъ его взгляда. Номадъ молодой, здоровый, рослый, полный силъ мужчина. Жена же его—забитое, подавленное, безлично-апатичное существо, волосы растрепаны (что рѣдкость между монголками), ключьями торчатъ въ безпорядкѣ; одѣта она въ какія то невозможныя лохмотья, босая, съ израненными ногами; лице, руки и, какъ видно изъ подъ лохмотьевъ, тѣло покрыто язвами и толстымъ слоемъ грязи. Ребятишки—мальчикъ старшій и двѣ дѣвочки меньшихъ, совершенно голые; тѣло ихъ черное съ отливомъ желтизны,—язвъ не замѣтно. Мальчикъ просто красавцемъ выглядит; особенно хороши у него голубые (что рѣдкость) бойкіе, умненькіе глаза; дѣвочка же не красива и съ глупымъ личикомъ. Въ палаткѣ валялось тряпье, обрывки кожъ, гунжуль (одяло), котелокъ и больше ничего. Изъ разговоровъ съ монголомъ я узналъ, что обѣднѣлъ онъ недавно. Чойжи (имя монгола) былъ сагданомъ въ Вилтыскомъ харулѣ; жилъ безбѣдно; имѣлъ болѣе, чѣмъ достаточно, лошадей, скота, овецъ. Но эпизоотія, а затѣмъ прошлогодняя лѣтняя засуха, лютаѣ зима и весенняя голодовка уничтожила «*вз досталъ*» богатство номада. Замѣститель нашелся; Хашунъ не помогъ обнищавшему Сагдану... И пришлось бѣдному Чойжи продать остатки своего имущества—сѣдло, домашнюю утварь, бурхановъ; перешить юрту на палатку, завьючить себя и жену остальнымъ нищенскимъ скарбомъ «и—*гуйринъ чилжи ябажи ябаха*», т. е. прося милостыню, плестись съ маленькими дѣтьми въ свой хашунъ. Жилыя по дорогѣ нѣтъ, да хоть бы и было, то рѣдко кто сжалится—даже надъ плачемъ малютокъ и подастъ имъ чашку молока, нужно значить питаться благодѣтелями Монголіи, тарбаганями. Былъ когда то человѣкъ, жилъ безбѣдно, имѣлъ скоть, даже былъ богатъ—одинъ

голодный годъ и пропало все, мало этого—«проклятый Лу» заставить медленно погибнуть самаго чело-вѣка и его семью, вычеркнетъ изъ общества право-способныхъ людей, сдѣлаетъ номада, прежде ува-жаемаго, презрѣннымъ чело-вѣкомъ и припишетъ его къ обществу монгольскихъ париевъ—*Тарбаганы оло-совъ*. Да, варварски тяжелы социальныя условія ока-менѣло-неподвижной Монголіи, сведшей все свои интересы на исполненіе *отуманивающихъ умъ глу-пыхъ религіозныхъ обрядовъ!* На вопросъ мой, что номады думаютъ дѣлать въ будущемъ?

«Пойду въ Богдо курень, отвѣтилъ Чойжи, Богу молиться».

«Напрасно—молитва не воротитъ павшаго скота. Богу нѣтъ до тебя дѣла».

«Ю хехепе? Манай има занъ, мани ябадалъ бур-ханъ мединъ байна», т. е. Чтожь дѣлать? Таковъ нашъ обычай. Будущую же жизнь мою знаетъ Богъ. Было глупымъ по надеждѣ, но цинично правдивымъ отвѣтомъ номада. Въ самомъ дѣлѣ, что предпринять нищему номаду, куда примѣнить свои силы? Быть барлукомъ богачей—это значитъ быть всегда, кромѣ того что нищимъ, но еще и рабомъ, къ тому же постоянно подставлять спину подъ удары. А взятыя рѣшительно не за что. Жизнь номадовъ такъ огра-ничена въ своихъ потребностяхъ, что не сдумѣла еще создать никакихъ занятій, примѣняя къ кото-рымъ свои силы, можно было бы обезпечивать себя хотя бы дневнымъ пропитаніемъ. На Чайжи нищета не положила еще своей мерзкой печати,—онъ еще не пригнетенъ ею; разговаривая съ нами, онъ не говоритъ «любилъ, имѣлъ привычку», а все еще говоритъ «люблю, положимъ, табакъ курить, привыкъ пить кумысъ, чай съ молокомъ и проч.». Видимо, нищета, вступивъ въ свои права, дастъ еще пере-дышку номаду—и голоду онъ еще не испыталъ—тарбаганы избавляютъ отъ мукъ его. Но что будетъ зимой—чѣмъ номады прикроетъ голое тѣло своихъ ребятишекъ, чѣмъ прокормитъ семью?... Но номадка, жена Чойжи, обращенная имъ въ животное, уже несетъ на себѣ все мучительныя тяготы нищеты и подъ тяжелымъ гнетомъ ея у ней уже изгладилось все чело-вѣческое... Она уже забыла то блаженное время, когда имѣла возможность доить коровъ и пить

молоко, забыла то время, когда и она имѣла свой голосъ—да и неизвѣстно, думаетъ ли она и ждетъ ли чего въ будущемъ.

Подѣлившись съ обнищавшимъ семействомъ чѣмъ только лишь можно было, мы отправились дальше. Едва лишь поднялись на косогоръ, спускъ съ котораго ведетъ къ устью Марта-булукъ, какъ я чуть не сдѣлался жертвой своей неосторожности. Конь чего то испугался, бросился въ сторону и по-несъ меня. Поводъ былъ опущенъ и ноги не вло-жены въ стремя. Не успѣвъ схватить повода, я слетѣлъ съ коня; но къ счастью не искалѣчился, ушибъ только голову, правую ногу и руку, да такъ сильно, что немогъ встать. Сначала думалъ, что рука и нога вивихнуты, но опасенія оказались на-прасными. Только лишь ступня ноги сильно опухла, да немного повредилъ палецъ руки. Сбросившій меня конь, что есть духу, помчался по гривамъ горы, раз-бросалъ вещи, бывшія подъ сѣдломъ, разбилъ сѣдло и мы едва—едва могли его поймать. Въ погонѣ за конемъ прошло болѣе получаса. Оправившись отъ испуга, съ сильной головной болью и опухшей ногой, я кое какъ могъ сѣсть въ сѣдло, чтобы продолжать путь. Спускъ по Марта-булуку не крутой, мягкій, не каменный; у подножья его стоитъ урто. Отъ этой станціи идутъ дороги: а) въ Богдо курень и б) въ городъ Улясутай. Такъ какъ вокругъ станціи кормъ былъ вытравленъ, то мы близъ нее и не остано-вились, а проѣхали немножко дальше на юго-востокъ, гдѣ, по словамъ хозяина урто, былъ колодець и хо-рошій кормъ. Распадокъ Марта-булукъ устьемъ свои-мъ соединившись съ аманомъ (аманъ-ротъ, устье) распадка Хара-гуджиръ (черный солонецъ), входитъ въ долину р. Саганъ-булукъ, отчего и образуется довольно широкая равнина. Съ запада къ ней при-мыкаетъ еще устье распадка *Бумбу*.

Колодець, къ которому мы подѣхали, настоя-щій, не какъ у Елатей, даже со срубомъ. Вся глу-бина Худука, отъ дна до поверхности сруба, до по-латорыхъ саженой. Близъ колодца стоитъ корыто (унгаеу—это же слово употребляется и для обозна-ченія лодки), предназначенное для водоя скота. Вода въ колодцѣ близко; такъ что, наклонившись, можно почерпнуть ее. Вокругъ корыта толпился скотъ.

Мѣстность совершенно безлѣсна. Дровъ негдѣ взять, и намъ пришлось бы ѣсть одни сухари, если бы мы не захватили съ собой съ мѣста почевки дровъ. Разжечь же аргала нельзя было: онъ послѣ дождя еще достаточно не просохъ. Близъ нашей стоянки мы замѣтили разставленныя кучи, оставшіяся послѣ принесенія жертвы «Лу». Возлѣ одной изъ нихъ я нашель четыре камешка, исчерченные какими то знаками, и взялъ ихъ съ собой. Теперь камешки эти доставлены мною въ иркутскій музей.

Хотя я и испытывалъ сильную боль отъ ушиба ноги и руки, но желаніе поскорѣй добраться до береговъ Делгирь-мурина заставило меня поторопиться выѣздомъ, и мы, послѣ трехъ часовой остановки, осѣдлали лошадей и отправились дальше въ путь.

Дорога къ Делгирь-мурину шла покатою равниной, поросшей роскошною густою травой и цвѣтущими злаками. Въ равнинѣ этой я собралъ до пяти разнообразностей флоры, не встрѣчаемой мною ни въ долинѣ р. Оки, ни въ прибрежьяхъ р. Иркуты, равно и въ пройденныхъ мѣстахъ во время настоящей экспедиціи.

Дорога наша вскорѣ прошла мимо *Амани-олонг-бильчирь* (Амань-ротъ, въ тоже время значить и устье рѣки, распадка, ущелья, олонг—много, бильчирь—развѣтленіе рѣки), вышедшихъ съ запада. Соотвѣтствуя названію, дѣйствительно склонъ горы, изъ котораго вышли Амани-олонг-бильчирь, весь изрѣзанъ распадками. Рядомъ съ Амани-олонг-бильчирь, съ запада же, вышло другое устье; *Худукъ-хундой* (колодець степной), по склонамъ котораго видны три зимнихъ хашана. За Худукъ-хундой, съ обѣихъ сторонъ равнины, другъ противъ друга вышли аманы: а) съ запада *Замъ-жалга* (дорога падью) и б) съ востока тоже *Замъ-жалга*. По Замъ-жалга, съ запада на сѣверо-востокъ, идетъ дорога съ Мигунскаго хашуна въ Богдо-курень и проходитъ черезъ слѣдующія урочища: Замъ-жалга, Усутей, устье р. Буксоя, берега Селенги и Урга.

Миновавъ Замъ-жалга, мы начали приближаться къ входу въ долину р. Делгирь-мурина, называемую *Мурино-хажу* (Мурино-Мурина, Хажу—сторона, отсюда—сторона Мурина). Передъ входомъ въ Мурино-хажу равнина Сагань-булукъ дѣлается значительно шире своихъ верховьевъ; но самый входъ

сжимается скалистыми оконечностями горъ, идущихъ поперегъ равнины съ востока на западъ. Оконечности этихъ горъ образуютъ какъ бы входныя ворота въ Мурино-хажу. Близъ воротъ, по сю ихъ сторону, мы замѣтили остатки китайскихъ городищъ, расположенныя у устья безводной рѣки *Уиртей* (прибывающая). Русло этой рѣки вышло съ сѣверо-востока и вершина ея называется *Богошинг-даба*. Осмотрѣвъ городища, мы проѣхали ворота, вошли въ Мурино-хажу, пересѣкли ее, перебрали на правый берегъ р. Делгирь-мурина и близъ фанзы китайцевъ, по берегу рѣки, разбили свою палатку.

Сегодня, не считая остановокъ, мы шли шесть часовъ. День былъ облачный, не жаркій и, не переставая, дулъ западный вѣтеръ, кажется господствующій въ Монголіи.

17 Июля. Дневка. И такъ мы у цѣли своей экспедиціи—достигли береговъ Делгирь-мурина—этого главнаго начала рѣки Селенги. Но прежде, чѣмъ приступить къ ея описанію, воспользуемся днемъ отдыха и сдѣлаемъ общій обзоръ пройденнаго нами пути, начиная отъ Дархатъ.

Отъ Дархатской равнины и до Мурино-хажу, т. е. долины лѣваго берега р. Делгирь-мурина дорога, почти безъ исключеній, удобна, мягка и вполне возможна для телѣжной ѣзды. Нѣтъ ни высокихъ подъемовъ, ни топкихъ и вязкихъ болотъ, ни быстрыхъ и глубокихъ рѣкъ, которыя затрудняли бы проѣздъ. Положимъ, неудобства,—но ничуть не затрудненія,—могутъ представлять изъ себя только лишь горныя перевалы и проходы ущельями: а) Шобутей; б) Улань-халсагай-булукъ; в) Сагань-булукъ, такъ какъ дорога по нимъ мѣстами идетъ косогоромъ, да изрѣдка дно ихъ усеяно камнями. Но косогоры не слишкомъ покаты и по нимъ, даже безъ расчистки мѣста, можно проложить дорогу, удобную для возки тяжестей,—стоитъ только кой-гдѣ убрать камни. Со стороны же бродовъ чрезъ рѣки и перехода чрезъ сухія ихъ русла—нѣтъ препятствій. Болѣе значительныя изъ нихъ—по глубинѣ и широтѣ русла—это только р. Билтысь, да Делгирь-мурина; но въ обыкновенную, недождливую, цору года уровень воды Делгирь-мурина низокъ: не доходитъ и до колынь лошади; р. Билтысь же еще болѣе мелокъ. Къ тому

же русла всѣхъ перечисленныхъ нами рѣкъ хотя и каменисты, но вовсе не затруднительны для телѣжной ѣзды, потому что ложе ихъ покрыто не крупными камнями, а, въ большинствѣ, мелкимъ щебнемъ и при томъ онѣ или съ едва пробивающейся водой, или же вовсе сухи. Еще понятно—почему номады Монголіи не пользуются возможностью телѣжныхъ сообщій; но рѣшительно непонятно, почему русскіе торговцы, транспортируя свои товары даже до Улясутая, окраинѣ Урги, Мурина, Буксой-эдиръ и т. д., подражаютъ монголамъ и, вмѣсто телѣгъ, отправляютъ товары выюками на десяткахъ и болѣе лошадей. Приводить доказательства въ пользу телѣжной транспортировки товаровъ намъ нѣтъ нужды; удобства телѣги давно уже признаны даже и такимъ заскоружлымъ народомъ, какъ обитатели Тункинскаго края. Поэтому мы скажемъ только то, что выючиванье и развьючиванье лошадей, омерзѣвшее мнѣ, занимаетъ очень много времени, мало этого—тотъ-же конь, подымающій выюкъ только въ четыре—пять пудовъ, запряженный въ телѣгу, свободно везетъ двадцать и болѣе пудовъ; слѣдовательно, одинъ замѣнитъ четырехъ лошадей. Повторяемъ, что торгаши хорошо понимаютъ удобства и возможность телѣжной ѣзды до Делгирь-мурина и дальше, сознаютъ ея преимущество, но на вопросъ—«почему не пользуются ими»—безсмысленно отвѣчаютъ *«такъ ужь у насъ повелось»*. Итакъ, колесный путь возможенъ. Обратимъ вниманіе и на другую сторону дѣла. Какъ знаетъ читатель изъ нашего описанія, кормъ для лошадей вездѣ есть; могутъ только встрѣтиться неудобства касательно воды, такъ какъ эта часть пройденнаго нами пространства отличается маловодіемъ, большинство же рѣкъ имѣютъ и вовсе сухія русла. На ряду съ этимъ есть мѣстности безлѣсныя, что затрудняетъ добычу дровъ. Но все это, при знаніи мѣстности и ея условій, легко устраняется. Стоитъ только сдѣлать правильный расчетъ переходовъ, принаровить мѣста остановокъ къ урочищамъ, по своимъ условіямъ соотвѣтствующимъ потребностямъ путника, и всегда можно, не изнуряя ни себя, ни лошадей, останавливаться,—либо у ключа, либо близъ колодца. Захватить же съ собой немного дровъ—не богъ вѣсть какой трудъ и тяжесть. Да и то нужно пом-

нить, что собственно говоря, одинъ только и есть трудный переходъ—безъ воды и дровъ. Это отъ р. Билтыса до береговъ р. Мусу-туруна, какое пространство нами и пройдено въ теченіе шести часовъ—что будетъ приблизительно около 25—30 верстъ. Положимъ, это же пространство по данной мѣстности скотогоны съ трудомъ проходить; и, въ лѣтніе жары измучиваютъ скотъ. Но это совершенно ихъ вина; такъ какъ есть полная возможность избѣжать неудобства, отсутствія воды. Читатель, конечно, помнитъ, что въ Елетахъ мы разрыли русло р. Елатей и нашли воду на разстояніи аршина глубины отъ поверхности земли. Почему-бы скотогонамъ, толпами шлющимся по Монголіи, не сдѣлать артезианскій колодець и тѣмъ обезпечить себя постояннымъ водопоемъ на случай прогона скота, тѣмъ болѣе, что дорога между р. Делгирь-муриномъ, Дархатами и Тункинскимъ краемъ имѣетъ транзитный характеръ и изъ году въ годъ пріобрѣтаетъ все больше и больше значеніе: по ней и теперь уже тянутся многочисленные караваны русскихъ торговцевъ.

Что-же касается лѣса, то недостатокъ его чувствуется только лишь въ трехъ мѣстахъ: а) въ долинѣ р. Билтыса; б) Мусу-туруна; в) отъ Мусу-туруна до Шобутей; д) въ Сагань-булукъ. Это также небольшое лишеніе. Дрова съ такимъ же удобствомъ можно замѣнить аргаломъ. На случай же ненастья, дождей,—думается,—не составитъ большого труда и особенной тяжести заготовить дровами въ вершинахъ Томи, Уланъ-хапсагай-булука и Шобутей, что мы и дѣлали. Разстояніе отъ Дархатскаго куреня до береговъ Делгирь-мурина, т. е. до пункта нашей остановки, не особенно велико. Прошли мы его тихой ѣздой, шагомъ, не считая остановокъ, до Билтыса въ теченіе двадцати пяти слишкомъ часовъ; отъ Билтыса до р. Делгирь-муринъ въ двадцать два часа; всего значитъ сорокъ семь—восемь часовъ. Переводя это время на версты, разстояніе это будетъ равняться слишкомъ двумъстамъ верстамъ. Пространство это торгаши проходятъ съ выюками въ шесть семь сутокъ. Ѣзда же телѣгами еще была-бы скорѣе, такъ какъ на упряжку лошадей меньше бы тратилось времени, чѣмъ на выючку и развьючиванье ихъ и экономія эта ускорила бы передвиженіе.

Остается намъ теперь сказать нѣсколько словъ объ остаткахъ китайскихъ городищъ.

Городища эти (Кергесе-чило), не считая караула Мойгу, первый разъ встрѣтились намъ въ долинѣ р. Билтыса, потомъ въ Шобутей, Ара-шолутей и у устья р. Уиртей. Всѣ эти кергесе-чило расположены по одну какую нибудь сторону берега рѣки и окраина ихъ, примыкающая къ сѣверу, оканчивается тремя кучами, расположенными подъ острымъ угломъ причемъ основаніе трехъугольника всегда обращено къ сѣверу. Кучи эти, вѣроятно, были сторожевыми форпостами. Кучи кергесе-чило круглы и обнесены круглой же оградой. Въ центрѣ городищъ, равно какъ и на правой сторонѣ треугольника, всегда выдѣляется своей величиной и громадностію ограднаго круга одна изъ кучъ; точно также сравнительно большія кучи расположены и на южной окраинѣ площади городищъ. Измѣренныя мною въ долинѣ рѣки Билтыса двѣ большія кучи имѣли въ окружности: а) ограда—девятисто три сажени; б) куча—тридцать восемь саженей, при саженной вышинѣ. Городища эти тянутся вдоль всего праваго берега р. Билтыса, начиная отъ линіи харула до впаденія рѣки въ р. Делгирь-муринъ; затѣмъ переходятъ на лѣвый берегъ р. Делгирь-мурина и дальше, на востокъ, идутъ по обѣимъ его берегамъ и близъ Мигунскаго куреня сходятся съ городищами, идущими съ сѣвера на югъ. Быть можетъ, что исторически и вѣрна замѣтка Гр. Н. Потанина, сдѣланная имъ по поводу одной изъ кучъ кергесе-чило, расположенной на берегу р. Цзакъ-цзу (притокъ Делгирь-мурина). «Здѣсь находятся слѣды, пишетъ ученый, четырехъугольнаго городища; замѣтны валъ и ровъ. Не тотъ ли этотъ городъ, который упоминается у монгольскихъ лѣтописцевъ подъ именемъ Эрчигинъ-лантинъ-балгасунъ (Рит. пер. Семен. землевѣдѣніе Т. II ст. 209); горный кряжъ, который непрерывной стѣной тянется по правому берегу Тельгира (Делгирь-муринъ), монголы называютъ Эрчимынъ-нуру. Это имя напоминаетъ названіе города» (258 ст.). Но дѣло въ томъ, что кромѣ береговъ р. Цзакъ-цзу, вверхъ и внизъ по теченію Делгирь-мурина, тянутся остатки китайскихъ городищъ, соединяются съ вышедшими съ сѣвера и образуютъ какъ-бы

острый треугольникъ. Вопросъ—въ какой части этого треугольника былъ расположенъ городъ Эрчигинъ-лантинъ-балгасунъ—трудно рѣшить. Углы же у поминаемаго нами треугольника составляютъ: а) устье р. Билтыса, б) устье Саганъ-булука, в) и устье Елатей. Отъ устья р. Билтыса до устья Саганъ-булука, что вдоль хребта Эрчи-нуру (Эрчимынъ-нуру по Потанину) часто встрѣчаются слѣды остатковъ городищъ съ четырехъугольной оградой, тогда какъ напротивъ, отъ устья Елатей и до устья Саганъ-булука, городища обнесены исключительно круглой оградой. На основаніи всего этого можно съ увѣренностію говорить, что городъ Эрчигинъ-лантинъ-балгасунъ дѣйствительно находился между устьемъ р. Билтыса и р. Саганъ-булукъ, но искать его на берегу р. Цза-цзу нельзя;—рѣка эта не входитъ въ составъ трехъугольника. Но о китайскихъ городищахъ мы еще будемъ говорить.

ГЛАВА XII.

ОБЗОРЪ МѢСТНОСТИ БЕРЕГОВЪ Р. ДЕЛГИРЬ-МУРИНЪ. МИГУНСКІЙ ХАШУНЪ.

Мѣсто нашей остановки, долина р. Делгирь-Мурина—муринскаго хажу, какъ ее называютъ, гораздо значительнѣе Эрхиль-нури-хундой. Залегла она по обѣимъ берегамъ рѣки съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Долина Муриго-хажу имѣетъ до пятнадцати верстъ въ длину, ширина же ее до шести и болѣе верстъ. Она кажется закрытою со всѣхъ сторонъ горами, съ сѣвера безлѣснымъ горнымъ кряжемъ, а съ юга грядою горъ хребта Эрчи-нуру, вершины котораго покрыты листовичнымъ лѣсомъ и тянутся правильной трядой вдоль праваго берега р. Делгирь-муринъ. Долину, кромѣ р. Делгирь-мурина, орошаютъ еще слѣдующія рѣки: слѣва а) Хара-усу, б) Уиртей, в) Саган-булукъ; съ права: а) Хара-усу, б) Саган-бургасанъ, в) Жикжи, г) Сужи, д) Нурсутей. Почва Муриго-хажу мѣстами суглинокъ, мѣстами же розсыпи мелкой дресвы, есть и солонцы. Вездѣ, кромѣ солонечныхъ мѣстъ и розсыпей гальки, растетъ хорошая трава: волосецъ, пырей и такшъ, но флорой долина не богата. По всей

долинѣ разбросаны одиноко-стоящія лѣтнія юрты монголовъ; на восточномъ же концѣ ея, у устья рѣки Уиртей (вторая послѣ р. того же имени, что у воротъ входа въ долину), расположенъ курень, имѣющій издали видъ степной деревушки. Курень почти такой же, какъ и въ Дархатской равнинѣ; съ такими же деревянными постройками ламскихъ жилищъ вокругъ главнаго храма (суме). Не вдалекѣ отъ куреня стоитъ Богдо-жасанъ (царская изба), присутственное мѣсто Мигунскаго хашуна. Близъ Богдо-жасана ставка князя—управляющаго хашуновъ, и тутъ же три фанзы китайцевъ; при нихъ лавки, загородъ для огородныхъ овощей и тепловой скотный дворъ. Муринго-хажу кажется культурнымъ мѣстечкомъ. Вся она изрѣзана перекрещивающимися другъ съ другомъ въ разныхъ направленіяхъ каменными дорогами, чего мы нигдѣ не встрѣчали, начиная отъ самого Туранскаго караула. Фанзы китайцевъ, ихъ огороды, дома ламъ, роскошная ставка князя... все это говоритъ о томъ, что жизнь идетъ здѣсь другимъ порядкомъ, чѣмъ въ какихъ нибудь ущельяхъ Наять-модона, Шобутей и проч. По пастбищамъ Мигунскаго-хажу бродитъ масса лошадей, овецъ, козъ, но рогатаго скота мало. Года три тому назадъ и на берегахъ Делгирь-мурина была эпидемія и унесла съ собой до двухъ третей изъ стада рогатаго скота, а малый (скотъ) не успѣлъ еще расплодиться; къ тому же каждый годъ не мало выгоняютъ его и наши торговцы. Но все-таки кочевники Муринго-хажу сравнительно не бѣдный народъ и русановъ,—этихъ колоній нищеты,—нигдѣ не примѣтно.

Рѣка Делгирь-муринъ, раздѣляя долину на двѣ не равныя части, служитъ границей между Мигунскимъ и До-гунскимъ хашуномъ. Причемъ болѣе широкая часть долины, что на лѣвомъ берегу рѣки принадлежитъ *Мигунскому хашуну*, а узкая полоса праваго берега *До-гунскому*, кочевья котораго и жмутся къ подошвѣ горнаго хребта Эрчи-нуру, такъ какъ площадь берега болотиста.

Хребетъ Эрчи-нуръ идетъ правильной грядой съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Очертанія его изголовьевъ мягки, округлены, со множествомъ рытвинъ; склоны его, равно какъ и вершина, покрыты лиственничнымъ лѣсомъ; виднѣется кое-гдѣ въ перемежку

съ листвякомъ и кедровникъ. Въ лѣсахъ Эрчи-нуру водятся, по рассказамъ монголовъ, медвѣди (хара гургосунъ, баа-багай), кабаны (гахай, одонъ), косули (гуресо), бѣлка (керме), отчасти и изюбри (буго). Въ сѣверномъ склонѣ Эрчи-нуру есть много пещеръ и гротовъ. Про одну изъ такихъ пещеръ есть легенда, что будто бы знаменитый революціонеръ Шадаръ-Ванъ укупорилъ въ ящики свое богатство, эмигрируя въ Россію, спрятавъ эти ящики съ сокровищами въ пещеру. Пещера же эта находится въ скалѣ, подошву которой омываетъ Делгирь-муринъ, такъ что со стороны рѣки, благодаря отвѣсности стѣнъ скалы, въ пещеру нельзя взойти, нельзя также попасть въ нее и со стороны верховьевъ скалы. Такое топографическое положеніе пещеры помѣшало будтобы преслѣдователямъ Шадар-Вана забраться въ мѣсто скрытія сокровища и захватить ихъ. Озлобленные же неудачей, они, погнавшись дальше за Шадар-Ваномъ, прокляли пещеру и скрытыя въ ней сокровища. Съ тѣхъ поръ въ пещерѣ, у входа въ нее, постоянно торчитъ какой-то «страшный человѣкъ» и караулитъ сокровища. Такъ что, когда преслѣдователи Шадар-Вана поймали этого патріота, доставили его въ Китай и выпросили у Богдо-Хана, какъ бы въ награду за поимку Шадар-Вана, право воспользоваться всѣми его сокровищами, то караулящій эти сокровища «страшный человѣкъ» не допустилъ ихъ войти въ пещеру; мало этого, убійцы Шадар-Вана за свою попытку похитить сокровища—ослѣпли. Пріѣзжали же къ пещерѣ эти «китайскія слуги» зимой, когда Делгирь-муринъ былъ уже покрытъ льдомъ. Добравшись до мѣста пещеры по льду, убійцы Шадар-Вана, жаждавшіе его богатства,—чтобы взойти въ пещеру, вырубали въ скалѣ ступеньки. Слѣды этой каменной лѣстницы существуютъ, какъ говоритъ легенда, будто бы и теперь. Монголы рассказываютъ, что будто бы со стороны праваго берега р. Делгирь-муринъ видно не только отверстіе пещеры, но и бока вызолоченныхъ сияющихъ ящиковъ (абдари) и любоваться видомъ на эти сокровища «страшный человѣкъ» не запрещаетъ, и что будто бы много есть очевидцевъ, которые ясно видѣли этого «страшнаго человѣка», сидящимъ на углу одного изъ ящиковъ. Соблазнительный видъ на

сокровища, говорить народное преданіе, прельстиль одного изъ ламъ. Лама этотъ рѣшилъ во что-бы то ни стало добыть эти сокровища и для этого началъ искать средства сдѣлать безвреднымъ «страшнаго человѣка». Залабривая хранителя сокровищъ лама началъ приносить ему жертвы и всячески его умилостивлять, но страшный человѣкъ не скрывался изъ пещеры; напротивъ, еще зорче началъ сторожить сокровища и все чаще и чаще показываться у входа въ нее. Тогда лама, не теряя надежды воспользоваться сокровищами, обратился къ шаманамъ, чтобы эти послѣдніе, какъ имѣющіе самую органическую связь съ нечистой силой, отвели заговоръ убійцы Шадар-Вана. Компания шамановъ, повидимому, имѣла успѣхъ: «страшный челоуѣкъ» пересталъ показываться у входа въ пещеру. Ободренный этимъ лама забрался въ пещеру, осмотрѣлъ всѣ ящики свободно, ему въ этомъ никто не мѣшалъ, но лишь только вздумалъ онъ забрать золото изъ одного ящика и засунулъ въ него руку, какъ стражъ сокровищъ Шадар-Вана, явившись откуда-то какъ тѣнь, захлопнулъ крышку ящика и лама моментально ослѣпъ. Съ тѣхъ поръ, оканчивается легенда, никто уже больше не рѣшался даже мысленно воспользоваться сокровищами Шадар-Вана, этого будущаго Мессіи—освободителя Монголіи отъ ненавистнаго китайскаго ига. Монголы вѣрятъ, что Шадар-Ванъ еще живъ и ждетъ только случая жестоко покарать китайцевъ, властвующихъ теперь надъ Монголіей. Гюкъ въ своемъ трудѣ «Путешествіе по Татаріи» записалъ пѣснь, слышанную близъ Долонъ-норъ въ мѣстности Шабартей. Пѣснь эта дышетъ вѣрой и надеждой въ будущее освобожденіе Монголіи отъ китайцевъ и освободителемъ долженъ явиться Тимуръ. Эту же самую пѣснь я слышалъ на берегахъ р. Делгирь-муринъ, отъ номада, рассказывавшаго мнѣ легенды про Шадар-Вана. Только пѣвецъ вмѣсто имени Тимура взывалъ къ Шадару. Вотъ эта пѣснь въ переводѣ г. Гюкъ.

«Мы живемъ въ своихъ мѣстахъ тихо и кротко, какъ агнцы, но сердце наше кипитъ еще: оно полно огня. Воспоминаніе славнаго времени преслѣдуетъ насъ безпрестанно. Гдѣ же вожь, который долженъ стать во главѣ насъ и сдѣлать насъ воинственными?»

О дивный Шадаръ! Скоро ли возродится твой духъ? Сойди, сойди къ намъ скорѣе, мы ждемъ тебя, о Шадаръ!»

Номады съ воодушевленіемъ поютъ эту свою марсельезу.

По склонамъ Эрчи-нуру есть кой-гдѣ распаханныя пашни и близъ нихъ масса маленькихъ жертвенниковъ «Лу». На западномъ концѣ Муринго-хажу стоятъ одиноко, не связанныя съ хребтомъ, двѣ улы (гора),—одна на правомъ, а другая на лѣвомъ берегу рѣчки, первая называется *Буруюханъ*, а вторая *Талта*. Муринго-хажу, кромѣ главныхъ двухъ выходовъ, вверхъ и внизъ по рѣкѣ, имѣетъ еще много и боковыхъ, идущихъ подъемами по распадкамъ. Такъ къ сѣверу 1) *Хара-цакыръ*, съ дорогой въ Джазакскій хашунъ, подъемъ пологъ и мало каменистъ.

2) *Саганъ-булукъ*. Читатель помнитъ, что вверхъ поэтому распадку прошла наша экспедиція.

3) *Уиртей*. Распадокъ этотъ широкъ, имѣетъ русло съ текущей водой, по берегамъ которой кочуютъ монголы лѣтомъ и зимой. Переваломъ чрезъ вершину Уиртей дорога ведетъ къ берегамъ Иги.

На сѣверо-востокъ: 1) Хуху-цакыръ, съ рѣкой того-же имени. Дорога идетъ къ долинѣ р. Иги и въ караулъ Хухой и Дархинтей.

2) *Сукуту*. Перевалъ также въ долину р. Иги.

3) *Ширинъ-дурильджи*, 4) *Шолутей*. По обомъ этимъ распадкамъ дороги идутъ въ Банинъ-гольскій курень Мигунскаго хашуна и въ Ургужинскій хашунъ въ урочище его, на которомъ расположенъ курень *Чибантай*.

Къ востоку: 1) Выходъ по берегамъ Делгирь-мурина къ устью р. Буксой.

2) Саганъ-Бургасанъ. Дорога идетъ къ берегамъ р. Буксой въ ставку князя Догунскаго хашуна.

Къ юго-востоку: 1) Жикжи; 2) Сужи; 3) Дундусужи; 4) Нуруттей. Дороги по этимъ распадкамъ идутъ къ берегамъ р. Буксой къ Буксойскому караулу, а затѣмъ и въ городъ Улясутай. Всѣ они тянутся переваломъ чрезъ хребетъ Эрчи-нуръ. Вершина Нуруттей называется Хозогоръ-хара-ула.

Къ юго-западу: 1) Быйесаръ; 2) Тумуртей. Дороги идутъ въ верховья Буксой и къ озеру Сан-

тинь-далай. Вершина Тумуртей очень высока; она выдѣляется изъ группы другихъ горъ своего конусообразной вершиной и называется *Бодо-ула*.

Къ западу. 1) Верховья Делгир-мурина. Дорогой по правому берегу рѣки сворачиваютъ въ долину рѣки Тиса (Тесъ по Потанину) и ѣдутъ къ озеру Цалтыйнъ-нуръ, съ береговъ котораго вывозятъ соль. Дорога эта телѣжная и монголы на арбахъ своихъ ѣздятъ за солью.

По вѣснмъ, перечисленнымъ нами, распадкамъ есть сухія русла рѣкъ; съ текущей же водой только Саганъ-Бургасанъ, Жикжи, Нурутей и Уиртей. Въ остальныхъ же есть вода только въ вершинахъ, исключая обѣихъ Сузя, безводныхъ и въ верховьяхъ.

Долина праваго берега р. Делгиръ-муринъ (Тельгир по Потанину) болотиста до самой подошвы хребта Эрчи-нуру. Среди болота есть, впрочемъ, возвышенія съ болѣе или менѣе широкими сухими площадями, на которыхъ и стоятъ юрты монголовъ.

Кромѣ монголовъ и гуна въ Муриngo-хажу живутъ еще и китайцы. Пять фанзъ сыновъ небесной имперіи стоятъ у куреня, одна у подошвы Бурунъ-хана и одна же на берегу Хара-усу, что на правой сторонѣ р. Делгиръ-мурина. Китайцы имѣютъ лавку и ведутъ значительную торговлю; кромѣ того занимаются огородничествомъ и земледѣлемъ. Пашни ихъ, рядомъ съ монгольскими, расположены по правому берегу р. Саганъ-бургасанъ и близъ устья Нуртей. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ я разсматривалъ пахати, именно на берегу Саганъ-Бургасана, было до четырехъ десятинъ обсеменованъ ячменемъ (буда) и просомъ (шара буда). Г. Н. Потанинъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что въ долинѣ р. Цзакъ-цзу сѣютъ исключительно только ячмень, между тѣмъ долина р. Цзакъ-цзу расположена недалеко отъ Мигунскаго куреня—почему же въ Цзакъ-цзу не сѣютъ проса? Развѣ тамъ другія климатическія условія?

Структура сохи, употребляемой монголами для распашки пашень, прекрасно и вѣрно описана Г. Н. Потанинымъ во второмъ выпускѣ его труда «Оч. С. З. Мон.» на III стр. Мы только лишь скажемъ, что соха эта очень примитивна и не удобна. Она скорѣе ковыряетъ, чѣмъ распаиваетъ землю. Мон-

голы хлѣбъ не жнутъ, а рвутъ руками. Молотятъ же его чрезъ посредство лошадей и быковъ. Водяныхъ мельницъ нѣтъ, а есть—или ручные жернова или же, у богатыхъ конныхъ, мельницы.

Прошлый годъ номадовъ хлѣбопашцевъ постигло несчастье. Въ августѣ мѣсяцѣ, въ пору созрѣванія хлѣба, были сильныя холода и зерно померзло. Такъ что въ нынѣшнемъ году муридцамъ, для обсемененія полей, пришлось добывать зерно изъ низовьевъ р. Селенги. Земля пашень—прекрасный суглинокъ, не требующій удобренія. Земля такъ хороша, что даже при такомъ небрежномъ, самомъ примитивномъ способѣ обработки ея, она даетъ хорошей сборъ: самъ тридцать и самъ сорокъ, какъ рассказываютъ монголы. Но по безпечности монголовъ и ихъ «робкости къ труду», какъ замѣтилъ еще г. Тимковскій, хлѣбопашество собственно ихъ находится въ самыхъ скрупулезныхъ размѣрахъ. Сѣютъ «въ столь маломъ количествѣ и съ такимъ нерадѣніемъ, что сего заведенія ихъ въ строгомъ смыслѣ нельзя почесть земледѣлемъ». Монголы, заботясь объ удобныхъ пастбищахъ для скота, то и дѣло перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто: «слѣдственно принуждены надолго отлучаться отъ засѣянныхъ полей» (записка о Мон. г. Тимковскаго). У номадовъ покуда нѣтъ еще привязанности къ одному мѣсту, что естественно обусловливается ихъ бытомъ и экономическими факторами, и у нихъ не могло еще создаться ни понятій о выгодѣ и преимуществахъ земледѣлія, ни, слѣдовательно, любви къ этому занятію. Но въ то же время нѣтъ сомнѣнія, что цѣною страшныхъ жертвъ—цѣною лишенія скота, номады разовьютъ дѣло земледѣлія, находящееся у нихъ теперь только лишь въ зачаточномъ состояніи и правый берегъ Делгиръ-мурина, какъ болѣе удобный, не долгъ обратиться въ нивы. Вопросъ о посѣвѣ хлѣба теперь уже занимаетъ умы номадовъ. Мнѣ то и дѣло приходилось толковать съ ними о тѣхъ условіяхъ, при какихъ можно вести хлѣбопашество. Причемъ считаю нужнымъ оговориться, что монголы сами вызывали меня на разговоръ объ этомъ и не изъ празднаго любопытства, что ясно было изъ того, что собеседники мои тутъ же, въ слухъ, собиражали между со-

бой—примѣнимы ли сообщенныя мною свѣдѣнія о земледѣліи къ условіямъ ихъ мѣстности и климата. Тогда какъ начиная отъ Дархатъ до береговъ Делгирь-мурина, ни одинъ монголь, интересуясь разной чепухой, и не заикнулся спросить у меня: какъ де люди пахутъ землю и ѣдятъ хлѣбъ.

Послѣ обѣда я отправился къ сосѣду своему китайцу, чтобы сдѣлать ему визитъ.

Фанза китайца выстроена не далеко отъ берега Делгирь-мурина на широкой площадкѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ болотами и кочками, такъ что мнѣ, чтобы дойти до нее, пришлось брести чрезъ болото. Фанза обнесена высокимъ листовничдымъ частоколомъ, который и скрываетъ ее, точно ограда нашего сельскаго острога. Къ частоколу двора фанзы примыкають тепловыя загороди для скота, сарай и амбарушки. Нѣсколько подалеже отъ фанзы, на западъ отъ нея, частоколомъ же обнесенъ небольшой участокъ земли, на которомъ расположенъ огородъ китайцевъ. Входъ во дворъ фанзы съ запада и идетъ чрезъ высокія ворота. Въ данное время ворота были заперты и мнѣ пришлось стучаться и просить, чтобы впустили меня. Дворъ чисто выметенъ, на площади его ни соринки, ни травки не видно; замѣтно, что къ чистотѣ его прилагаются очень заботливыя руки. Входъ въ самую фанзу, какъ и въ юрту монгола, съ юга. Передъ главнымъ входомъ длинная открытая галерея съ крыльцомъ. Двери фанзы широкія и высокія растворяются на двѣ половины. При входѣ въ фанзу, хозяинъ ея китаецъ Ногоней (такъ его зовутъ монголы) встрѣтилъ меня очень любезно и по-европейски поздоровался со мной. Ногоней хорошо говорить по-монгольски, такъ что мнѣ легко было бесѣдовать съ нимъ. Послѣ взаимныхъ рекомендацій и разспросовъ «кто съ кѣмъ имѣеть честь говорить», матеріаломъ для разговора была торговля въ Монголіи и ея условія... Но опишемъ прежде внутреннее расположеніе фанзы.

Фанза представляетъ изъ себя длинное четырехугольное зданіе съ двумя выходами на югъ, причѣмъ дальній выходъ ведетъ на черный дворъ. Зданіе высоко. Стѣны фанзы сдѣланы изъ толстыхъ листовничвыхъ плахъ, вбитыхъ въ землю; обѣ стороны этихъ плахъ обмазаны толстымъ слоемъ глины,

перемѣшанной съ рубленой травой (дересь). Крыша надъ главной комнатою фанзы сдѣлана куполообразно, въ дальнѣйшемъ же своемъ продолженіи на два ската и очень высока. Потолковъ нѣтъ. Внутренность фанзы довольно обширна и раздѣлена на три равныя части толстыми стѣнами. Стѣна фасада фанзы обмазана глиной только на аршинъ вышиной отъ уровня земли; дальше же, до краевъ крыши, сдѣлана деревянная мелкая, квадратная рѣшетка. Рѣшетка эта обтянута изъ внутри какой-то тонкой, матово-прозрачной матеріей, украшенной рисунками человѣческихъ фигуръ въ разныхъ позахъ, начиная отъ комичныхъ и серьезныхъ, да много кой-чего говорящихъ эротическому чувству зрителя, даже и не обладающаго полной фантазіей любострастнаго сына Небесной имперіи. Кромѣ человѣческихъ фигуръ—есть и изображенія животныхъ, пейзажей и разныхъ видовъ, но всего этого очень мало сравнительно съ рисунками картинъ изъ быта китайцевъ. Рѣшетка эта замѣняетъ собою оконныя отверстія. Въ центрѣ рамы рѣшетки сдѣлано маленькое стеклянное квадратное оконце. Матовая матерія мало пропускаетъ свѣта, почему въ фанзѣ постоянно полумракъ, неприятно дѣйствующій на непривычные глаза. Верхнія переклады дверей какъ снаружи, такъ и изънутри, исписаны на китайскомъ и монгольскомъ языкахъ изрѣченіями, молитвами. Замѣчательно, что тибетская молитва написана на тибетскомъ, а монгольскими буквами, чего нигдѣ нельзя встрѣтить у монголовъ. Вотъ между прочимъ слова этой молитвы: «Гибанъ дыгэ нурду дакъ, Ириксынъ гомбо дубчирней даба джикжанъ мамоба джиджи сала годборъ шоокъ». Молитва эта написана съ внутренней стороны фанзы, а съ наружной, и то же монгольскими буквами, слѣдующая: «Омъ-ма-ни-бад-ме-хомъ, омъ ара бадзы нады, омъ базыръ бани хомъ патъ». Одно изъ помѣщеній фанзы, именно жилое, раздѣлено поперегъ тонкой перегородкой на двѣ равныя половины. Первая половина отъ входа служитъ, если можно такъ назвать ее, пріемной. На западной сторонѣ ея сдѣланы широкія нары, устланныя прошитыми войлоками, и возлѣ стѣны набросаны подушки. По срединѣ наръ, на маленькомъ возвышеніи, стоитъ жаровня съ тлѣю-

щимися углями. Уголья жаровни предназначены для раскура трубок и приготовления къ куренію опія. По срединѣ этого отдѣленія фанзы стоитъ на каменномъ фундаментѣ желѣзная, цилиндрической формы, печь, труба которой выведена въ наружу близъ центра купола. Въ центрѣ же самаго купола, съ южнаго его наклона, придѣлана поднимающаяся по мѣрѣ надобности стеклянная рама. Рама то эта главнымъ образомъ и освѣщаетъ жилье. Направо отъ входа стоятъ ящики съ домашнимъ скарбомъ и въ стѣнѣ пробита небольшая дверь во второе помещеніе, прямо же отъ входной двери въ тонкой перегородкѣ сдѣлана дверь, которая ведетъ въ спальню и вмѣстѣ съ тѣмъ и молельню хозяина фанзы. Прямо противъ входа въ спальню стоитъ высокій деревянный, крытый коричневымъ лакомъ шкафъ—это то и есть божница. Любезный китаецъ, по моей просьбѣ, открылъ дверцы божницы. Внутреннее устройство шкафа такое же какъ и бурхани шире монголовъ, равно и нашихъ бурятъ, только лишь на первомъ мѣстѣ стоитъ—не предвѣчный Будда, а другое божество, названное китаецемъ «Гесеръ». Примѣчательно еще и то, что всѣ изображения божествъ имѣютъ чисто-китайскій типъ, одинъ только лишь Саганъ-убугунъ, попавшій и въ пантеонъ китаеця, сохранилъ свой типъ сѣдовласаго, съ длинной бородой, благообразнаго старца. Читатель, конечно, помнитъ, что монголы Саганъ-убугуна отождествляютъ съ св. Николаемъ. Съ боку божницы, налѣво отъ лицевой ея стороны, придѣланы къ стѣнѣ нары, на которыхъ и спитъ самъ хозяинъ. У сѣверной же и восточной стѣны стоятъ, одинъ на другомъ, большіе деревянные, крашеные подъ лакъ ящики; въ нихъ хранится болѣе цѣнный товаръ: шелкъ, серебро и разныя блестящія дорогія бездѣлушка, кисеты, трубки, табакерки, ожерелья и пр. Каждый ящикъ имѣетъ китайскую надпись, обозначающую какой въ немъ лежитъ товаръ.

Послѣ осмотра этого помещенія хозяинъ китаецъ пригласилъ меня въ приемную и предложилъ напитокъ чаю. Я уже заранѣе предвкушалъ всѣ неприятности китайской церемоніи и неудобства пить чай изъ какихъ то наперстковъ, а не чашекъ; но къ моему удивленію, а еще болѣе удовольствію, я

увидѣлъ на нарахъ весело шумѣвшаго пузатаго представителя нашей Тулы, забравшагося чрезъ Кяхту и сюда. Къ слову сказать, китайцы держатъ кумиръ русскаго купечества порядкомъ таки въ черномъ тѣлѣ, что такъ не гармонируетъ съ царящими вокругъ порядкомъ и чистотой въ приемной фанзы. Вѣроятно со дня пріобрѣтенія, китайцы ни разу не чистили самовара, такъ что онъ, блестящій на своей родинѣ, здѣсь на чужбинѣ, почернѣлъ, заплесневѣлъ и грязенъ какъ трубы его колыбели. Чай былъ заваренъ въ китайскомъ, цилиндрической формы, чайникѣ и потомъ разлитъ въ китайскія же глубокія фарфоровыя чашки, къ чаю былъ поданъ тростниковый сахаръ и какое то отвратительное на вкусъ печеніе, отзывающееся деревяннымъ масломъ. Какъ ни пративно было ѣсть эти колобки, но чтобы не обидѣть усердно-припрашивающаго хозяина, пришлось съѣсть одинъ «пряникъ». За чаемъ же китаецъ угостилъ меня подогрѣтымъ ханшиномъ. Напившись чаю, я съ позволенія хозяина пошелъ осматривать его лавку, помѣщающуюся во второмъ отдѣленіи фанзы. Лавка занимаетъ среднее отдѣленіе фанзы, довольно обширна и вся уставлена въ беспорядкѣ деревянными ящиками, наполненными просомъ, табакомъ курительнымъ, пачками нюхательнаго табаку китайскаго издѣлія, гуджиромъ, солью, трубками, бумагой, тушью, ножницами, помами, шапками, шляпами; безъ всякаго порядка вездѣ навалены кирпичи толстаго, зеленого чая; валяются кожи, ремни, потники, арканы, а по стѣнамъ развѣшаны нитки сушенаго моку (грибовъ). Весь этотъ товаръ китайцы обмѣниваютъ монголамъ на овецъ, лошадей и рогатый скотъ и мѣха, причемъ, разумѣется, дороговизна всего этого хлама невообразимая.

Вотъ перечень стоимости ихъ товара:

Покрыша на шубу краснаго, голубаго или желтаго цвѣта, изъ не высокаго достоинства шолку, обмѣнивается на лучшаго коня или быка, за котораго русскіе торгаша платятъ отъ сорока до пятидесяти рублей. Кусокъ далембы обмѣнивается на лучшаго иргена (кастрированный баранъ); кирпичъ чаю отдается за овцу; золотникъ шелку (5 коп. у насъ) за шкуру овцы; шапка зимняя, съ бѣличьей опуш-

кой, цѣнится за пять барановъ; трубка—за конскую или бычью кожу; сапоги отдаются за корову и т. д. Между прочимъ, я купилъ себѣ трубку. Китаецъ запросилъ съ меня за нее два рубля нашими деньгами и ничего не хотѣлъ уступить. Когда же я предложилъ, вмѣсто бумажныхъ денегъ, мелкое серебро и далъ пять двугривенныхъ, то китаецъ, предварительно свѣсилъ серебро и затѣмъ, ту же трубку согласился уступить за эти деньги. Кстати замѣтимъ, что нашъ двугривенный вѣситъ одинъ цынъ, пять же цыновъ составляютъ ланъ, а стоимость лана по курсу равняется нашимъ тремъ бумажнымъ рублямъ. Мнѣ нужны были еще ножницы, но за ту дрянъ, какую предложилъ мнѣ китаецъ въ видѣ ножницъ и просилъ за нее тоже два рубля, я не рѣшился заплатить такой большой для меня суммы.

Обирая монголовъ посредствомъ жидовской своей торговли, китайцы, живущіе въ Муриго-хажу, имѣютъ ту важную заслугу, что развели среди номадовъ особый родъ промысла—это сборъ грибовъ. Какъ говорилъ мнѣ китаецъ Ноготей, грибы, за какую бы то ни было цѣну приобрѣтенные въ Монголіи, имѣютъ хорошей сбытъ во внутреннемъ Китаѣ. При мнѣ Ноготей заплатилъ одному монголу за джигъ (полтора нашихъ фунта) сушеныхъ грибовъ кирпичъ чаю, что, если перевести на наши деньги, будетъ равняться двумъ рублямъ.

Осмотрѣвъ лавку, я попросилъ сводить меня и въ огородъ. Огородъ, какъ замѣчено было выше, расположенъ не вдалекѣ отъ фанзы, на югъ отъ нея. Онъ культивированъ прекрасно,—ездѣ проведены дорожки, разбиты математически правильно гряды; каждый кустикъ растенія подчищенъ, опушенъ; ездѣ сдѣланы водопроводы; ни соринки, ни негодной травы нѣтъ.... Однимъ словомъ, огородъ содержится въ такомъ прекрасномъ порядкѣ, какъ ни въ одномъ изъ русскихъ хозяйствъ. Въ этомъ чистомъ, уютномъ огородѣ, на заботливо-взлелѣянныхъ грядкахъ посажено: пай-цай (брюква), сан-го (чеснокъ) чжай-ца (редисъ), да-до (бобы), чи-бу-ца (рѣпчатый лукъ: не это ли корень малороссійскаго названія луку *цмбуля*?), са-ле-су (кукуруза), ту-мысь (картофель), ша-ла-лег-бенъ (морковь), бо-ца (свекла), ху-лу (дыни). Всѣ эти растенія были полны жизни,

но плодовъ еще не было, картофель, и дыни были уже въ цвѣту. Близъ огорода сдѣланъ колодець (суй-чо-ень) со срубомъ (чжин-ха-уч-жя-за), колодець не особенно глубокъ—сажени двѣ не болѣе. Воду достаютъ изъ колодца чрезъ посредство журавля (чи-гель) цебромъ (суйтонъ); отъ колодца, для орошенія грядъ, проведены корыта (суй-далъ).

Огородъ, дворъ, саран, загоны, телятники все содержится въ отмѣнной чистотѣ. Близъ двора, на лугу, ходятъ дойныя сытыя коровы, по двору бѣгаютъ куры съ цыплятами, маленькіе ягнята... Въ панданъ ко всему этому увидѣть бы на галереѣ суетливо распоряжающуюся хозяйку и тогда китайская фанза вполне походила бы на любой малороссійскій степной «хутіръ», какимъ и дѣйствительно выглядит эта фанза среди грязно-бѣлыхъ дымящихся кочекъ, какія представляютъ изъ себя низенькія войлочныя юрты номадовъ,—юрты, одиноко стоящія въ степи, безъ огорода, безъ какихъ бы то ни было надворныхъ пристроекъ вокругъ ихъ.

Исключая хозяина, всѣхъ китайцевъ, живущихъ въ фанзѣ, считается шесть человекъ, и все молодой народъ. Законъ запрещаетъ имъ вывозить жевцинь изъ внутренняго Китая, но лишеніе это они восполняютъ связью съ монголками и притомъ до невозможнаго излишка. Будучи крайне развратнымъ и похотливымъ народомъ, китайцы эти, какъ достовѣрно мнѣ извѣстно, растлѣваютъ десяти и двѣнадцати лѣтнихъ дѣвочекъ. Самому Ногонтею жену замѣняетъ тринадцатилѣтнее дитя! Жалко было смотрѣть на это дитя... Пользуясь полной безнаказанностію, похотливые китайцы, растлѣвая дѣтей, не держатъ ихъ у себя болѣе двухъ лѣтъ: за этотъ періодъ — дѣти кажутся уже старыми для китайца, надѣдаютъ ему и они замѣняютъ ихъ новыми и новыми жертвами своей низкой похоти. Испорченныхъ дѣтей выгоняютъ отъ себя на произволь судьбы и покупаютъ новыхъ — какъ бы вы думали, за сколько? *За два кирпича чаю!* Забракoванныя же дѣти идутъ на содержаніе ламъ и на вѣки гибнутъ! Шокуда онѣ молоды, ламы ихъ кормятъ, а состарѣются—дѣлаются монахинями и десятками мрутъ съ голоду и холоду. Впрочемъ, часть этихъ жертвъ живетъ близъ китайцевъ; но это-та

лишь часть, которая имѣетъ не бѣдныхъ родителей. Родители, продавъ китайцу дочь свою за кирпичъ чая, и послѣ того, какъ китаецъ прогнать ихъ дочь отъ себя, не откочевываютъ отъ фанзы китайца. Въ данное время близъ фанзы расположено около пяти монгольскихъ юртъ. Эти жертвы гнилаго социальнаго строя Монголіи и незнающаго удержу разврата китайцевъ прислужничаютъ послѣднимъ: шьютъ имъ, что нужно, пасутъ коровъ, моютъ, поливаютъ огороды; и за все это, точно нищенскую подачку, получаютъ чайные выварки (sic), негодныя обрѣзки матеріи, обрывки нитокъ и только лишь лѣтомъ молоко. Монголки эти, замѣняя когда то женъ китайцевъ, теперь перешли на ту же обязанность къ ихъ работникамъ. Думается, не будетъ лишнимъ, если я скажу, что ссѣдки китайцевъ—нищія номадки, предлагали и намъ свои услуги и за это просили всего лишь одну иголку. Но объ этомъ мы еще будемъ говорить.

Присматриваясь къ очертанію фізіономіи дѣтей этихъ жертвъ разврата, я замѣтилъ въ нихъ много китайской помѣси, придавшей ей особенности и улучшившей монгольской типъ. Лице у нихъ продолговатое, съ менѣе выдающимися скулами; лобъ высокій, открытый; глаза большіе, голубоватые съ неособенно косымъ прорѣзомъ; лице бѣлое, съ отѣнкомъ желтизны.

Растлвая дѣтей, китайцы въ тоже время подрываютъ и экономическое благосостояніе окружающаго ихъ народонаселенія. Насколько выгоденъ монголамъ практикуемый китайцами способъ мѣновой торговли, мы уже знаемъ. Но, кромѣ этого, китайцы, насколько только лишь возможно, злоупотребляютъ честностію номадовъ.

По обычному праву кочевниковъ Мигунскаго и Догунскаго хашуновъ, въ случаѣ несостоятельности должника, долгъ кредитору уплачивается всеѣмъ составомъ общества. Пользуясь этимъ, свято исполняемымъ народнымъ обычаемъ, китайцы, безъ всякаго риска, раздають въ кредитъ свой товаръ всякимъ плутамъ, мошенникамъ и берутъ съ нихъ «данса», росписки. При этомъ китайцы хорошо знаютъ, что товаръ ихъ будетъ размотанъ и условленный обмѣнъ не уплаченъ. Но это не бѣда. Когда

придетъ срокъ уплаты долга, китаецъ даже не стараются узнать, существуетъ ли въ живыхъ его должникъ и гдѣ онъ находится; все это китаецъ не касается, онъ прямо обращается въ Богдо-жасанъ и предъявляетъ данса ко взысканію. Богдо-жасанъ дѣлаетъ розыски—гдѣ находится должникъ и есть ли у него что нибудь для уплаты долга. Въ большинствѣ случаевъ такой должникъ, какъ первостатейный плутъ, кромѣ своего грязнаго тѣла, ничего не имѣетъ и взыскать съ него что нибудь для пополненія долга рѣшительно нечего. Представители Богдо-жасана, свято исполняя завѣтъ отцевъ, вздуваютъ палками мошенника, посаждаютъ его въ острогъ, и, разложивъ на число могущихъ членовъ общества, уплачиваютъ долги китайцу сполна. Безсовѣстный же торгошъ не ограничивается однимъ простымъ полученіемъ долга, онъ еще взыскиваетъ съ общества «протори и убытки», понесенныя имъ будто бы во время взысканія долга и розысковъ должника. Такимъ мошенническимъ способомъ китайцы сбываютъ свой товаръ въ тридорога, не теряютъ ни ниточки и зорятъ общество. Положимъ общество, послѣ каждаго платежа китаецъ за мошенника, предупреждаетъ и проситъ торгоша—не давать неимущимъ людямъ товаровъ въ долгъ и не довѣрять имъ ничего безъ согласія на то какого нибудь ноена или завѣдомо порядочнаго человѣка. Китайцы обѣщаютъ. Но при первомъ же новомъ случаѣ съ методическою точностію повторяютъ тоже самое. Плуты же, нежалѣющіе ни своей спины, ни имущества другихъ, всегда и вездѣ находятся. Забравъ товаръ у китаецъ, это отребіе міра идетъ бродяжничать и рвдкій изъ нихъ несетъ достойную кару, попавшись подъ судъ общества. Сдѣлавшись разъ бродягой, номадъ никогда не возвращается въ свой хашунъ, хотя бы даже гдѣ нибудь и какимъ нибудь способомъ и разбогатѣлъ настолько, что могъ бы уплатить долгъ.

Этой строго честной чертой монгольской общины пользуются и наши торгоши, «разсовывая, какъ они говорятъ, свой товаръ всякому чалому и драному—«Зони-хузунъ будунъ байна», т. е. общественная шея толста—наше не пропадетъ, взыщемъ, съ увѣренностію говорятъ эксплуататоры, выжима-

ющіе народныя соки и для этого не брезгающіе никакими средствами.

Изъ Мигунскаго и Догунскаго хашуна китайцы выгоняютъ преимущественно лошадей и овецъ; рогатаго же скота мало требуется во внутренней Китай. Кромѣ этого вывозятъ всякія кожи, драгоценныя мѣха и особенно дорожатъ мерлушками, изъ которыхъ выдѣлываютъ прекрасныя шубы, вывозятъ также ремни и массу грибовъ.

Въ районѣ Мигунскаго и Догунскаго хашуновъ съ китайцами конкурируютъ тункинскіе торгоши Томилловъ и Тишенинъ; они обмѣниваютъ красный товаръ, выдѣланныя кожи и мѣдъ на рогатый скотъ и овецъ.

Сегодня, передъ вечеромъ, я знакомыми монголами былъ приглашенъ на праздникъ *обо*. У устья р. Саган-бургасанъ собрались до ста ламъ и болѣе трехъ сотъ харахуновъ (простаго народа) съ цѣлью помолиться тенгрямъ о дарованіи тихой, безвѣтренной погоды (хуй-такилъ такола); молились также и о томъ, чтобы вѣтеръ не навѣялъ какой нибудь заразы на скотъ (хорхиро). Всѣ ламы сидѣли, поджавши ноги, на землѣ, на разосланныхъ войлокахъ и читали молитвы на тибетскомъ языкѣ; чтеніе ламъ сопровождалось ударами въ бубны, барабаны, игрою на трубахъ, флейтахъ и раковинахъ. Послѣ моленія и принесенія жертвы устроено было празднество: были конскіе бѣга, борьба и танцы замаскированныхъ. На хуй-такилѣ я съ удовольствіемъ провелъ время до вечера и только лишь поздно вечеромъ вмѣстѣ съ веселой шумной толпой, поющей громаднымъ хоромъ свои пѣсни, воротился въ свою палатку.

День былъ съ самаго утра безоблачный, тихій солнечный. Въ двѣнадцать часовъ пополудни подулъ западный вѣтеръ, вслѣдъ за нимъ по горизонту поползли тучи; къ часу—пронесся ураганъ и вскорѣ пошелъ крупный дождь, который и продолжался не болѣе десяти минутъ. Къ двумъ часамъ пополудни небо очистилось отъ тучъ и солнце весело свѣтило до самаго вечера. Вечеръ же былъ теплый, такъ что до самой поздней ночи можно было, не испытывая холода, сидѣть въ одной рубахѣ.

19 іюля. Дневка. Желая поближе ознакомиться съ Мигунскимъ хашуномъ, я рѣшилъ пробить и сегодня на берегахъ Делгир-мурина; мнѣ хотѣлось собрать свѣдѣнія объ организаціи управленія хашуномъ, а также, насколько возможно, добыть и подробныя данныя о теченіи Делгиръ-мурина.

Со словъ г. Тимковскаго, французскій ученый Эйріе, говоритъ, что въ политическомъ отношеніи Монголія раздѣлена на множество мелкихъ удѣловъ, управляемыхъ князьями и «тайзіями», первые бываютъ пяти степеней: цинь-ванъ, цзюнь-ванъ, бейле, бейзе и гунъ; но какой бы степени они ни были, всѣ владѣтельные «тайзіи» въ отношеніи къ китайскому императору, называются *джазасаками*, то есть управляющими. Безъудѣльные князья и тайціи, составляютъ многочисленный классъ помѣщиковъ, или дворянъ, владѣющихъ по частямъ землями удѣловъ и людьми, живущими на тѣхъ земляхъ. Собственно мигунскій хашунъ управляется гуномъ. Власть его наследственна и переходитъ изъ рода въ родъ отъ отца къ старшему сыну, младшіе же дѣти составляютъ собой контингентъ тайджіевъ, т. е. дворянъ и де юре не имѣютъ никакой власти надъ народонаселеніемъ хашуна. Подъ главнымъ начальствомъ гуна хашуномъ управляютъ еще слѣдующія выборныя власти: 1) эринчинъ, 2) тусулукчи, 3) меринъ (ихъ два), 4) заланъ, 5) зангинъ, 6) хянь. Эринчинъ, меринъ и тусулукчи — это старшіе чиновники — отличіе ихъ матоваго цвѣта бѣлая шишка, прикрѣпляющаяся къ верхушкѣ шапки; заланы и зангины имѣютъ синюю шишку, а ханъ стеклянную прозрачную, бѣлаго цвѣта. Жалованье гунъ получаетъ отъ китайскаго правительства въ размѣрѣ трехсотъ ланъ серебра; кромѣ того, общество даетъ князю по одной овцѣ въ день. При ставкѣ князя всегда находится его канцелярія, въ которой ведутся всѣ письменныя дѣла хашуна на монгольскомъ языкѣ — штатъ канцеляріи состоитъ изъ двухъ, либо трехъ, писарей и трехъ бошконовъ (десятниковъ). Писаря за свой трудъ получаютъ каждыя десять дней по сыркену (кастрированный козелъ) на чело-вѣка и больше ничего. Канцелярія называется богдо-жасанъ (царская изба), или же тамагаи гыръ (домъ печати). Въ богдо-жасанѣ присутствуютъ ме-

рины, тусулуки и эринчины и рѣшаютъ все дѣла, по управленію хашуномъ; завѣдываютъ также и судною частію, причемъ важныя преступленія, послѣ тщательнаго обслѣдованія ихъ, для окончательнаго рѣшенія переносятся въ *ямадай*, что близъ Улясутая. Въ мѣстечкѣ Ямадай присутствуетъ главная судная коллегія сѣверныхъ хашуновъ. Ноены, присутствующіе въ Богдо-жасанѣ, чередуются между собою; дежурство каждаго изъ нихъ продолжается не болѣе мѣсяца. Во время дежурствъ своихъ чиновники эти получаютъ отъ общества содержаніе—имъ выдается по одному барану на каждые десять дней. Что же касается залановъ и зангиновъ, то это есть управители отдѣльныхъ округовъ хашуна; округа эти называются *бакъ*; такихъ баковъ въ Мигунскомъ хашунѣ считается до десяти. Обязанность же хяновъ соответствуетъ должности нашихъ судебныхъ слѣдователей и судебныхъ приставовъ. Они производятъ слѣдствія и дознанія, но исполнительной власти не имѣютъ если то nebude имъ поручено или самимъ гуномъ или же присутствующимъ въ Богдо-жасанѣ. Все дѣла рѣшаются гласно и не составляютъ канцелярской тайны; присутствовать при разбирательствѣ дѣла можетъ всякій, если того желаетъ, и постановленіе приводится сейчасъ же въ исполненіе.

При ставкѣ гуна есть острогъ и орудія для пытки: колодки, плети, палки, ящики, въ которые сажаютъ преступниковъ, и цѣпи. Эйріе пишетъ, что политическое устройство Монголіи есть будто бы чисто-военное. Каждый удѣлъ составляетъ дивизію или отрядъ подъ именемъ *хашуна* (знамени); дивизія дѣлится на *чжаланы* (полки), которымъ нѣтъ положеннаго числа, а чжаланъ состоитъ изъ шести *сомуновъ* (эскадроновъ), содержащихъ въ себѣ по полторасту конныхъ солдатъ каждый *).

Послѣ владѣтельнаго князя, первое мѣсто въ знамени по управленію занимаетъ *тусалакки*, или помощникъ. Кромѣ того, въ каждомъ знамени есть *лошунъ чжангинъ*, корпусный генераль, и два генераль-лейтенанта называемые *мейренъ чжангинъ*. Полками начальствуютъ чжаланъ чжангины, эскадронами

сомунъ чжангины, а подъ ними состоятъ еще низшіе чины, они же завѣдуютъ и гражданскимъ управленіемъ *). Быть можетъ, все это и правда относительно тѣхъ частей Монголіи, которыя примыкаютъ къ собственному Китаю; но ничего подобнаго нѣтъ въ сѣверной Монголіи. Никакихъ знаменъ, полковъ, эскадроновъ, генераловъ корпусныхъ и генераль-лейтенантовъ нѣтъ, точно также, какъ нѣтъ и войска. Что же касается до названія чиновъ и ихъ ранговаго перечня, какое сдѣлано у Эйріе, то это также не относится къ изслѣдуемой нами части Монголіи. Порядокъ ноеновъ и названія ихъ чиновъ нами указанъ; желательно было бы съ достовѣрною точностію узнать—насколько правдивы сообщенныя г. Эйріе свѣдѣнія касательно политическаго устройства Монголіи? Самые тщательные наши розыски въ Мигунскомъ-хашунѣ и другихъ сосѣднихъ съ нимъ не подтвердили показаній г. Эйріе. Все перечисленные нами ноены выбираются обществомъ и утверждаются въ своихъ должностяхъ самимъ гуномъ. Выбраны же они или изъ тайджіевъ или же изъ простаго народа.

Тимковскій говоритъ, что для управленія дѣлами князь руководствуется уложеніемъ. Монгольское уложеніе состоитъ изъ двѣнадцати отдѣленій и сокращенно объемлетъ все части кочеваго управленія. Оно сочинено китайскимъ правительствомъ и, по обстоятельствамъ, пополняется указами, имѣющими силу закона. Округный сеймъ, завѣдывающій всеми сѣверо-западными хашунами, находится въ Улясутаѣ—куда гуны и ѣздятъ по очереди для засѣданій. Кромѣ гуновъ, изъ каждаго хашуна посылается на сеймъ меринъ и тусулакчи. Сеймъ этотъ называется шолокъ; собраніе мериновъ и тусулакчеевъ рѣшаетъ вопросъ о количествѣ и раскладкѣ внутренней земской повинности; распределеніе же государственной повинности не подлежитъ вѣдѣнію шолока.

Эйріе говоритъ, что будто бы чрезъ каждые три года производится народная перепись по особому указу Богдо-хана, для чего «пекинская палата посылаетъ гонцевъ съ вѣстію о томъ къ пред-

*) Жив. пут. по Азіи, Т. III стр. 33.

*) Тамъ же стр. 34.

сѣдателямъ сеймовъ и другимъ начальствамъ. Каждый хашунъ снабжается заблаговременно бѣловыми тетрадами за государственною печатью, гдѣ отмѣчаются родившіеся и умершіе, подъ строгой отвѣтственностію за малѣйшій пропускъ. Перепись отсылается для ревизіи въ палату иностранныхъ дѣлъ, а въ хашунѣ остается съ нею списокъ. Опять таки не знаю—насколько это сообщеніе вѣрно. Въ дѣлахъ Мигунскаго Богдо-жасана ничего подобнаго нѣтъ и переписи наличному составу жителей никогда не производится, переписываются же только одни лишь домохозяева, имѣющіе скотъ, для чего и выдаются бѣловыя тетради за государственною печатью. Въ тетради эти вписывается одно только лишь имя хозяевъ юрты и подробное количество скота, которымъ онъ владѣеть, причемъ дѣйствительно «строго взыскивается», если ведущій перепись, не народа, а скота, позволить «сдѣлать малѣйшій пропускъ» и фальшиво покажетъ наличное количество скота у владѣльца известной юрты. Народной переписи, слѣдовательно, никогда не бываетъ: она для правительства не интересна и не нужна, такъ какъ беретъ оно подати не съ души, а съ количества скота—по этому почти невозможно опредѣлить «количество» народонаселенія какого бы то ни было хашуна, зато съ достовѣрностію можно знать количество скота. Такъ, напримѣръ, въ Мигунскомъ хашунѣ, по словамъ Тусулукчея Баддына, лошадей считается двадцать тысячъ, рогатаго скота до тридцати тысячъ, овецъ до полуторыхъ сотъ тысячъ и верблюдовъ три тысячи. Тотъ же тусулукчей—на вопросъ мой: «сколько же, хотя примѣрно, считается кочевниковъ?» крайне гадательно отвѣтилъ, что, «не считая голыдьбы, будетъ тысячъ до трехъ мужскаго и женскаго пола. Платящихъ же подати, какъ я узналъ въ Богдо-жасанѣ, числится тысячу двѣсти душъ. Въ общемъ сравнительно съ другими хашунами, мигунцы народъ далеко не бѣдный и если бы не эпидемія на рогатый скотъ, бывшая въ 1879—80 г., то можно было бы сказать, что они даже зажиточны.

Мы уже сказали, что кочевники платятъ подати не съ души, а съ количества скота, которому и дѣлается учетъ чрезъ каждые три года. Платеж-

ной единицей считается десять головъ рогатаго скота или лошадей, а у кого одни только лишь овцы, то пятьдесятъ штукъ ихъ равняется этой единицѣ. Взимаются подати по слѣдующему разсчету: съ каждыхъ десяти головъ скота платится три овцы, овца же цѣнится въ полъ лана, и если кто не хочетъ платить натурой, можетъ вносить соотвѣтствующее количество ланъ, соглашаясь съ числомъ десятковъ. Если же кто не желаетъ платить скотомъ или овцами (пять овецъ равняются по стоимости рогатой скотинѣ) и не имѣетъ для этого серебра, то по согласію съ гуномъ можетъ вносить въ счетъ податей шелкъ, мѣха—преимущественно рыси, соболи, бѣлку и волка, а также и всякія матеріи, хотя бы то и русской фабрикаціи. Подати, послѣ бездоимочнаго ихъ сбора, гунъ или отвозитъ самъ въ Улясутай, или же посылаетъ либо мерина, либо тусулукчея.

Очертимъ теперь границы Мигунскаго хашуна.

Границей съ сѣверо-запада хашуну служить верховье Мусу-туруна, съ сѣвера р. Башнь-сарь, впадающая въ р. Игу; съ востока и сѣверо-востока р. Ига, именно правый ея берегъ, съ юго-запада, лѣвый берегъ рѣки Делгир-мурина, затѣмъ р. Селенга, съ юга рѣка Саралджи, лѣвый притокъ р. Селенги, за которымъ уже слѣдуютъ кочевья Ганжур-гунскаго хашуна. Лѣтнія кочевья Мигунскаго хашуна расположены главнымъ образомъ по долинѣ лѣваго берега Делгирь-мурина и р. Селенги; а зимой же по склонамъ горъ слѣдующихъ распадковъ: къ сѣверу и сѣверо-западу а) Шара-даланѣ, б) Наринь-сарь, в) Сагань-сулукъ; съ сѣверо-востока, а) Арахуху-шолутей, Уйртеи, б) Нурукту, в) Яманай-будаль Башнь-сарь и по взгорьямъ праваго берега р. Иги.

Всѣ средства къ жизни доставляетъ преимущественно скотоводство и промышленности нѣтъ никакой, если не считать за таковую сборъ грибовъ. Что же касается до выдѣлки кожъ, катанія войлоковъ и добычи соли, то все это производится настолько, насколько есть потребность для домашняго своего обихода. Звѣринымъ промысломъ мигунцы не занимаются; а земледѣліе у нихъ, какъ мы уже сказали, еще только лишь въ зародышѣ.

Мигунцы по типу и костюму ничѣмъ не отличаются отъ сагдановъ Билтыскаго хашуна: народъ рослый, здоровый, и не носить на себѣ печати отвратительнаго религіознаго ханжества, такъ присутствующаго кочевникамъ Дархатскаго куреня. Мигунцы далеко такъ не выглядятъ святошами и въ большинствѣ народъ пріятливый. Во время нашей стоянки, каждый день приходили къ намъ цѣлыя толпы мужчинъ и женщинъ и по своему обычаю приносили намъ, какъ-бы въ знакъ пріветствія, въ домбонахъ чай, сваренный раньше, харуть т. е. сушеную арцу, бисылыкъ—родъ голандскаго сыра, урме—спущенное сливочное молоко, кумысъ и архи (тарасунъ по бур.) монгольскую водку изъ молока. Взамѣнъ я давалъ монголамъ пуговицы, иголки и *зосо*, т. е. мелкія серебряныя деньги. Такая моя «щедрость», въ послѣдствіи надѣлала мнѣ не мало непріятностей. За *зосо* женщины, какъ нуждающіяся въ украшеніяхъ, начали приходить цѣлыми десятками, безцеремонно требуя отъ меня, чтобы я далъ имъ хоть «*заканъ зосо*» (хоть маленькій серебряный); въ доказательство основательности своихъ требованій представительницы «прекраснаго пола» указывали на свою грудь, блистающую отсутствіемъ какихъ-бы то ни было украшеній, и при этомъ пренаивно говорили: «посмотри, у насъ ничего нѣтъ блага, красиваго, а какъ бы хорошо было—взять отъ тебя хоть одно *зосо* и повѣсить на груди!» Отказъ мой монголки поняли такъ, что будто-бы я даромъ не хочу имъ давать *зосо*, и ожидаю чего нибудь въ замѣнъ; и, недолго думая, не стѣсняясь никого и ничего, «красавицы», одна за другой, начали предлагать себя. Я былъ въ затруднительномъ положеніи, именно потому, что не могъ давать денегъ и въ тоже время не могъ убѣдить номадокъ, что предложеніе ихъ не имѣетъ для меня соблазна и что я, какъ сузукъхунъ (поломникъ), долженъ воздерживаться отъ пріятія такихъ предложеній; желаніе же мое показать номадкамъ, что это безнравственно, просто на просто было встрѣчено смѣхомъ. Отсюда читатель можетъ судить насколько бываютъ условны понятія у людей о нравственности.

На мою бѣду разнеслась молва, что будто-бы я богатъ и не совсѣмъ скупъ. Благодаря этой молвѣ,

мнѣ никто изъ монголовъ не хотѣлъ продать овцы дешевле четырехъ рублей, тогда какъ въ день пріѣзда моего за такую же овцу просили съ меня только лишь два рубля и я не купилъ ее потому, что былъ еще дневной запасъ мяса. Кроме этого, мнѣ нужно было нанять челоуѣка, чтобы съѣздить съ нимъ въ верховья Делгирь-мурина и побывать кой у кого изъ монголовъ,—и что же?—съ меня, какъ будто-бы богатаго челоуѣка, дешевле пяти рублей въ день никто не соглашался брать. Въ данномъ случаѣ номады должно быть платили мнѣ тою же монетою, какою имъ платятъ разные эксплуататоры и торговши; номады, благодаря имъ, уже руководствуются принципомъ: «если представится случай—отчего же не содрать!» И я едва, едва могъ нанять провожатаго за три рубля въ сутки; отъ овцы же долженъ былъ отказаться, надѣясь купить ее гдѣ нибудь по дорогѣ.

Остается теперь намъ сказать еще о неточности, допущенной Гр. Ник. Потанинымъ, касательно названія Мигунскаго хашуна, а затѣмъ описать систему р. Делгирь-мурина.

Гр. Ник. Потанинъ на 259 ст. своего труда «Оч. С. З. М.» ошибочно назвалъ Мигунскій хашунъ «Уарь-гунъ» и усилилъ свою ошибку придачей къ нему небывалаго названія «Вар-гунъ». Это невѣрно: хашунъ, кромѣ приведеннаго нами: мигунъ, другаго названія не имѣетъ. Ошибка же Г. Н. Потанина легко объясняется вотъ чѣмъ. Мигунскій курень (монастырь) огибаетъ, прорѣзывая степь, лѣвый притокъ Делгирь-мурина, р. Уиръ; именованъ этой рѣки и называется курень, но отнюдь не хашунъ. Курень же названъ именованъ рѣки въ отличіе отъ другаго монастыря, находящагося въ районѣ же Мигунскаго хашуна, на востокъ отъ Уирей-хуре, на берегу р. Байнъ-голь и называющійся именованъ же этой рѣки, т. е. Байнъ-голей-хуре,—но повторяемъ, что именованъ куреня—*Уирей*, Мигунскій хашунъ никогда не называется. К. Риттеръ упоминаетъ, что, кажется болгары въ старину называли р. Донъ «Уаръ или Варъ»; не это ли сообщеніе заставило путешественника отыскать въ названіи рѣки «Уиръ» подходящія звуки и выдѣлать изъ него *Уаръ*, да еще и видоизмѣнить его въ *Варъ*, тогда какъ слово Уиръ

всегда четко произносится и имѣть свое специальное значеніе: именно—урь, въ переводѣ—значитъ при-быль воды; словъ же «уарь» и «варь» въ монгольскомъ языкѣ не существуетъ. Ошибку эту нужно исправить, тѣмъ болѣе, что она допущена и на картѣ Г. Рафаилова, а это можетъ географа и историка повести къ разнымъ неосновательнымъ догадкамъ и предположеніямъ: какимъ образомъ въ Монголіи очутилась цѣлая губернія, съ такимъ историческимъ названіемъ, какъ «уарь или варь».

Съ южнаго склона хребта Уланъ-тайга (Уланъ-тай по Потанину) вышло два горныхъ русла: а) *Терисъ* и б) *Мерисъ*. Ручьи эти у подошвы хребта соединились вмѣстѣ съ русломъ вышедшаго съ сѣверо-запада ручья же Ушинъ-жорго-булукъ (тридцать шесть ключей), отъ мѣста соединенія этихъ трехъ ручьевъ, въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи, рѣка и называется Делгирь-муринъ (Делгирь—собственное имя легендарнаго-хана, а муринъ отъ слова муръ—слѣдъ); принявши же въ себя р. Эдиръ, Делгирь-муринъ теряетъ свое названіе и до самаго своего впаденія въ оз. Байкаль называется Селенгой. Урянхайцы же Делгирь-муринъ называютъ «*Бренъ*». Рѣка Делгирь-муринъ, кромѣ перечисленныхъ Г. Н. Потанинымъ притоковъ (см. ст. 258, 259 и 270 Очер. С. З. М. В. 1-й) принимаетъ въ себя справа: 1) Саганъ-булукъ (бѣлый ключь). Въ долинѣ этой рѣки расположенъ Саганъ-булукскій харуль; 2) Баянту-голь (богатая рѣка); 3) Соксо-делгиръ ехе хангай (Соксо—чашечка, Делгиръ собственное имя, ехе—большой, Хангай—духъ, хозяинъ горъ, лѣса и звѣрей); 4) Ихигаца (?); 5) Содонъ-шада-хуланъ; 6) Алтанъ-тугулукчи; 7) Ехе-нуга; 8) Хара-усу; 9) Ехе-саганъ тальбу (Саганъ-бургасанъ тожь); 10) Жижки; 11) Сужи; 12) Дунду-сужи; 13) Хара-хапшугай-нуга; 14) Эмель-абдакъ-хапшу; 15) Ихигалонъ; 16) Шара-худо; 17) Амагаинъ-булунъ; 18) Нитци; 19) Убуръ-хапшу (вершина ея называется Хедергенъ-саганъ-тологой); 20) Заха-олонъ-голей-бильчиръ; 21) Буксой; слѣва: Саганъ-нуга, Уиртей, Билтысъ, Эмтей-голь, Хара-усу; остальныхъ рѣкъ я не упоминаю потому, что русла ихъ теряются въ прибрежной долинѣ р. Делгирь-муринъ и вода ихъ не доходить до этой рѣки.

Делгирь-муринъ течетъ широкимъ русломъ, мѣстами очень глубокимъ, мѣстами же есть перекаты; но въ общемъ, среднюю глубину рѣки, можно опредѣлить въ полтора аршина и даже въ два. Рыбы въ Делгирь-муринѣ водятся масса, но ее никто не ловитъ, такъ какъ монголы ѣдятъ ее тогда лишь, когда ихъ ктонибудь поподчуетъ ею. Кромѣ рыбы, на водахъ рѣки водятся масса гусей, лебедей и утокъ. Ихъ также никто не трогаетъ, почему онѣ и непугливы, такъ что намъ легко было ихъ стрѣлять.

Отъ Мигунскаго хашуна я намѣренъ былъ проѣхать въ долину рѣки *Буксой* и затѣмъ спуститься къ берегамъ р. Эдиръ, которую Гр. Н. Потанинъ считаетъ за основаніе р. Селенги, и затѣмъ уже идти внизъ по р. Селенгѣ до впаденія въ нее р. Иги, а если время и деньги позволятъ продолжать экспедицію и дальше. Безъ проводника я не рѣпался идти, нанять же было очень трудно, дешевле трехъ рублей въ сутки никто не соглашался ѣхать со мною, а такая плата далеко таки была мнѣ не посредствамъ и кое-кое какъ удалось найти стариченка, который согласился взять два рубля въ сутки. Устроивши это дѣло, мы начали собираться въ путь, укладывать вещи и пр., чтобы завтра не было задержекъ и можно было бы съ зарей сняться съ мѣста.

ГЛАВА XIII.

ОТЪ БЕРЕГОВЪ Р. ДЕЛГИРЬ - МУРИНЪ ДО ДОЛИНЫ Р. БУКСОЙ.

(20 Июля).

Послѣ трехдневной стоянки мы таки собрались въ путь. Утро было безоблачное, свѣжее, но теплое; кони наши достаточно отдохнули и мы бодро снялись съ мѣста, рѣшивъ сегодня непременно доѣхать до береговъ Буксой.

Отъ нашей стоянки нельзя было выѣхать прямо на Буксойскую дорогу, потому что, начиная отъ берега р. Делгирь-муринъ и до самой подошвы хребта Эрчи-нуру залегаетъ топкое, кочковатое вязкое болото, и мы, огибая это болото, должны были верстъ около пяти пройти вверхъ по берегу р. Делгирь-

муринъ. Сдѣлавъ такой большой кругъ, намъ все-таки не удалось окончательно миновать болота, такъ какъ оно далеко протянулось вдоль праваго берега рѣки и намъ пришлось бы много затратить времени на объѣздъ его; по этому мы рѣшили попытаться счастья перерѣзать болото. Какъ оказалось въ послѣдствіи, хорошо и сдѣлали: кони не особенно вязли въ болотѣ, такъ какъ въ мѣстѣ нашего переѣзда презъ него оно было не особенно кочковато и топко, быть можетъ это вслѣдствіе того, что поверхность болота поросла густой высокой травой, кореньями своими скрѣпившей зыбучесть грязи. Кочки болота мѣстами покрыты солонечными осадками; а въ самомъ болотѣ водится масса черныхъ небольшихъ лягушекъ. Переѣздъ чрезъ болото окончился бродомъ на правый берегъ рѣки *Хара-усу*, взявшей верховьями своими начало на юго-западѣ, въ болотахъ же, примыкающихъ къ подошвѣ кряжа Эрчи-нуру. Рѣка Хара-усу, правый притокъ р. Делгирь-мурина, имѣетъ не болѣе аршина глубины и трехъ саженей ширины; теченіе ея тихое, покойное; ложе илистое, но не топкое; вода чистая, свѣтлая, съ отѣнкомъ желтизны; правый берегъ сухъ и покрытъ дресвой.

Выбравшись изъ болота и миновавъ берега р. Хара-усу, мы начали подыматься на предгорье хребта Эрчи-нуру. Подъемъ пологъ и съ юга на западъ прорѣзанъ распадкою *Сужи*, по дну котораго извиристо расположено каменистое, сухое русло. У подошвы предгорья стоятъ три лѣтнихъ юрты монголовъ, возлѣ которыхъ мы въ первый разъ увидѣли телѣги, употребляемыя номадами. Телѣги эти называются тыргынъ, онѣ о двухъ высокихъ колесахъ (муръ) съ четырьмя крестообразно расположенными спицами; колеса не вращаются вокругъ оси (голь), а вертятся вмѣстѣ съ нею и производятъ раздрающій уши скрипъ. Такія же точно телѣги я видѣлъ въ употребленіи у бурятъ балаганскаго округа (иркут. губ.), съ тою только разницею, что у колесъ не четыре спицы, какъ у монгольской телѣги, а отъ двѣнадцати до шестнадцати смотря по величинѣ окружности обода и толщинѣ ступицы колеса. Двухколеска такая у балаганцевъ называется арбой. Буряты, точно также какъ и ихъ прототипы монголы, не мажутъ своихъ арбъ, и это

дѣлаютъ, вѣроятно, по традиціи, такъ какъ деготь буряты добываютъ сами и всякій другой экипажъ: телѣгу, русскую двухколеску, всегда аккуратно смазываютъ.

Отъ юртъ мы переѣхали чрезъ Сужи и, чтобы не дѣлать zigzagовъ, уклонились отъ него и пошли прямо на юго-востокъ, держась лѣвой стороны предгорья. Почва предгорья камениста, покрыта кой-гдѣ розсыпями мелкаго кремнистаго щебня; трава выжжена солнцемъ. Не доѣзжая нѣсколько до вершины Сужи, мы опять пересѣкли его русло и пошли вдоль пологого склона хребта Эрчи-нуру. Какъ видно было, распадокъ Сужи очень широкъ; съ пологими склонами боковъ своихъ безлѣсенъ; за то покрытъ густой травой; на площадкахъ боковъ Сужи виднѣется до четырехъ зимнихъ хашановъ. Склонъ же хребта Эрчи-нуру, по которому мы ѣхали, покрытъ также густой высокой травой.

Утро хотя было и тихое, но только что мы поравнялись съ вершиной Сужи, какъ подулъ сильный порывистый юго-западный вѣтеръ.

Отъ вершины Сужи намъ открылся прелестный видъ на долину р. Делгирь-муринъ. Рѣка по выходѣ изъ долины Муринго-хажу входитъ, какъ видно, въ ущелье, имѣющее отвѣсныя бока; хребетъ Эрчи-нуру скалистымъ выступомъ своимъ прижалъ лѣвый берегъ Делгирь-мурина къ скаламъ лѣвыхъ же горъ*) и такъ плотно, что проѣздъ берегомъ рѣки не возможенъ.

Послѣ незначительнаго прохода по склону Эрчи-нуру, мы начали спускаться въ распадокъ, по дну котораго есть русло рѣки съ текущей водой. Распадокъ и рѣка называются *Жикжи*. Рѣка Жикжи течетъ глубокимъ и широкимъ рвомъ; берега рва отвѣсны, каменисты и довольно высоки. Въ глубинѣ рва по обѣ стороны по обѣимъ берегамъ рѣки растутъ лиственъ, тальникъ и береза. Послѣднюю мы, начиная отъ Дархатъ, увидѣли въ первый разъ. Береза (Саганъ модонъ, Хуйгунъ тожъ) растетъ не кустами, а отдѣльными деревьями, хотя и не съ

*) Въ горахъ этихъ есть богатая свинцовая залежь. Образцы ихъ были доставлены Гр. Ив. Посыльнымъ для химическаго анализа нашему ученому г. Шамарину. Интересно бы знать результаты анализа.

толстыми стволами; да и тальник тутъ растеть не жалкими, чахлыми, едва отросшими отъ земли прутиками, какъ то по берегу, напр., р. Томи, а большими густыми развѣсистыми, густыми кустами, съ толстымъ стволомъ дерева. Между этими кустами и зарослями березы, весело, съ шумомъ катить свои воды р. Жикжитъ.

Отъ устья своего и до подошвы хребта Эрчи-нуру распадокъ Жикжи широкъ; поросъ густой травой и листовичнымъ лѣсомъ, послѣдній растеть только на правомъ берегу; кусты же тальника и березы раскинулись по обѣимъ берегамъ; по распадку, на берегу рѣки стоитъ до семи лѣтнихъ юртъ монголовъ. Начиная отъ мѣста нашего переѣзда, что будетъ верстахъ въ восьми отъ устья, распадокъ Жикжи начинаетъ суживаться, дѣлаеть загибъ къ юго-западу и вслѣдъ за загибомъ переходитъ въ тѣсное, узкое ущелье, съ отвѣсными обнаженными щеками. Нужно замѣтить, что верховья Жикжита и Сужи сходятся между собою и затѣмъ уже въ дальнѣйшемъ своемъ продолженіи разъединяются очень широкой треугольной горной покатостію, острый уголъ которой и составляютъ верховья водной рѣки Жикжи и сухаго русла Сужи.

Оставивъ Жикжи вправо, мы начали подыматься на отрогъ хребта Эрчи-нуру; отрогъ этотъ называется *Улей-дабанъ*. Подъемъ идетъ въ началѣ по сухому, безводному распадку, правая сторона котораго покрыта рѣдкимъ молодымъ листовичнымъ лѣсомъ; лѣвая же обнажена и покрыта розсыпями камня (атхара). На среднѣйшемъ подъемѣ есть маленькая площадка, въ центрѣ ея набросана куча камней, изъ подъ которыхъ, едва пробиваясь, бьетъ ключемъ маленькая струйка воды. Площадка обильно заросла цвѣтущими злаками и до того уютна и прелестна, что мы соблазнились ея красотой и порѣшили остановиться и вскипятить котелокъ чаю; для чего вырыли ямку, скопили воды и приготовили затуранъ. Позавтракавъ, мы продолжали подъемъ на Улей-дабанъ.

Какъ съ начала, такъ равно и дальше отъ площадки подъемъ на Улей дабанъ пологъ и оканчивается маленькимъ, впрочемъ, довольно круватымъ вземомъ на желобчикъ.

У конца подъема мы встрѣтили монголку; она собирала цвѣточки мыхыра (*poligonum viviparum*). Цвѣточки этого растенія номады, высушивъ, примѣшиваютъ къ арцѣ, не какъ улучшение вкуса послѣдней, а для большей ея питательности; для вкуса же примѣшиваютъ лукъ.

На вершинѣ Улей дабана, близъ самой дороги, по лѣвую ея сторону стоитъ одиноко отъ остальныхъ деревьевъ, старая, развѣсистая листовичъ, у корней ея набросано обо и, лицевой стороной къ югу, стоитъ «мани». Листовичъ почитается священной и вѣтви ея обвѣшаны массой хадаковъ и конскимъ волосомъ.

Спускъ съ дабана, также какъ и подъемъ, пологъ, съ неглубокой рытвиной по лѣвую сторону дороги и обнаженъ отъ древесной растительности. Спускъ оканчивается въездомъ въ широкую треугольную котловину, носящую имя *Мухуръ-жигжи*. Котловину съ запада на востокъ прорѣзываетъ небольшой, но за то съ текущей водой ручей Жигжи. Русло Жигжи очень извилисто, съ высокими, обрывистыми берегами и завалено острорезными большими камнями; ручей Жигжи впадаетъ слѣва въ рѣку Саганъ-бургасанъ—правый притокъ Делгиръ-мурина. Въ котловинѣ расположено шесть лѣтнихъ юртъ монголовъ. Юрты новенькія, чистыя, стоятъ на правомъ берегу ручья и частію ютятся у самой подошвы западнаго склона горъ. Въ противоположность вершинѣ Улей-дабана, въ котловинѣ Мухуръ-жигжи совершенно тихо; дувшій на перевалѣ сильный юго-западный вѣтеръ въ ней и травкой не шелхнуть.

Мы проѣхали котловину, перебрали чрезъ ручей и поднялись на крутоватый, усыянный камнями, южный бокъ котловины Мухуръ-жалга; а затѣмъ пошли вдоль косогора лѣваго берега р. Саганъ-бургасанъ.

Р. Саганъ-бургасанъ беретъ начало въ юго-западныхъ верховьяхъ хребта Эрчи-нуру; верховья эти называются *Ехе-саганъ-тамбо*. Р. Саганъ-бургасанъ (бѣлые прутья) течеть сначала ущельемъ между отвѣсныхъ скалъ, затѣмъ выходитъ въ распадокъ, по склонамъ котораго есть зимніе хашаны; наконецъ прорѣзываетъ широкую долину и правымъ своимъ берегомъ, близъ устья, жметя къ подошвѣ горъ. Русло рѣки широко, каменцето съ не глубокой

водой. По долине р. Сагань-бургасань разбросано много лѣтнихъ юртъ монголовъ. Въ долину, къ берегамъ рѣки мы не спустились, а продолжали идти вдоль косогора и вверхъ по нему дошли до лѣваго берега рѣки *Акта-сагань-бургасань* (акта—кастрированная лошадь). Акта-сагань-бургасань подъ острымъ угломъ сходится съ р. Сагань-бургасань какъ разъ по выходѣ послѣдняго изъ тѣснаго распадка, что отъ устья рѣки будетъ около пятнадцати верстъ.

Косогоръ, по которому мы ѣхали и тянется телѣжная дорога, изрытъ глубокими, каменистыми рывинами, глинистъ и покрытъ цвѣтущими злаками. Между прочимъ, по нему растеть много мяты, васильковъ, незабудокъ, встрѣчаются и кусты крапивы.

Вдоль праваго берега рѣки Акта-сагань-бургасань есть лѣтнія юрты монголовъ. Поравнявшись съ одной изъ юртъ, дорога круто поворачиваетъ на юго-западъ и идетъ вверхъ по р. Акта-сагань-бургасань, то и дѣло переходя съ берега на берегъ. Русло рѣки извилисто и идетъ по срединѣ распадка, широкими, сливающимися съ уровнемъ распадка, берегами и покрыто мелкимъ щебнемъ; вода не глубока и далеко не покрываетъ своего русла. У мѣста нашего спуска съ косогора, долина рѣки имѣетъ не болѣе полуторахъ сотъ саженой ширины. Бока распадка покаты; изъ нихъ правый изрѣзанъ болѣе или менѣе глубокими рывинами и покрытъ листовичнымъ лѣсомъ; лѣвый же бокъ обнаженъ и имѣетъ много выступовъ съ значительными площадками, на которыхъ и гнѣздятся зимніе хашаны монголовъ. Вскорѣ мы переѣхали на правый берегъ р. Акта-сагань-бургасань и вверхъ по нему начали дѣлать переваль чрезъ хребетъ Эрчи-нуру.

Послѣ четверти часа перехода правымъ берегомъ рѣки Акта-сагань-бургасань, распадокъ началъ значительно суживаться; лѣсъ западнаго склона горъ сползъ и придвинулся до самаго берега рѣки, но все-таки не перешель чрезъ нее; подъемъ же замѣтно сталъ возвышаться.

Послѣ незначительнаго перехода правымъ берегомъ рѣки, слѣва отъ дороги, широкимъ устьемъ вышло устье распадка *Сагань-бургасани-бильчирь*. Устье этого распадка отодвинуло рѣку къ лѣвому склону горъ и расширило площадь, такъ что обра-

зовался довольно большой полуциркъ съ покатою къ западу плоскостью. На площади цирка стоитъ четыре лѣтнихъ юрты и одинъ русань.

Сагань-бургасани-бильчирь имѣетъ широкое, сухое, каменистое русло, устье котораго раскинулось на большое пространство и засорило площадь распадка.

Миновавъ циркъ, распадокъ р. Акта-сагань-бургасань опять суживается, причемъ горы лѣваго берега рѣки дѣлаются значительно положе, чѣмъ въ низовьяхъ рѣки и съ большимъ числомъ выступовъ, площади которыхъ все заняты зимними хашанами. Всѣхъ хашановъ, расположенныхъ вдоль дороги, я насчиталъ до пятнадцати. Такое, сравнительно большое, число хашановъ объясняется тѣмъ, что въ распадкѣ р. Акта-сагань-бургасань, зимой долженъ быть отличный подножный кормъ, такъ какъ и теперь, во время нашего прохода этимъ распадкомъ, вездѣ вдоль береговъ рѣки и по лѣвому склону горъ росла густая, роскошная, высокая трава, мѣстами чуть не въ колѣно коню. Это первое, гдѣ либо раньше виданное нами, мѣсто съ такой прекрасной травой. Еще замѣчательно то, что чѣмъ выше подымались мы по распадку, тѣмъ все больше и больше было воды въ рѣкѣ.

На разстояніи получасоваго перехода отъ отмѣченнаго нами цирка, слѣва вновь вышло устье распадка съ текущимъ по немъ ручьемъ; раздвинуло распадокъ Акта-сагань-бургасань и образовало широкую площадь, имѣющую видъ амфитеатра, у западнаго конца котораго стоятъ четыре лѣтнихъ юрты. По всему видно, что обитатели юртъ народъ не богатый; юрты старыя, черныя, низенькія, маленькія; возлѣ нихъ бродить кучка скота, да головъ пятьдесятъ разнаго скота. Ни пристроекъ близъ юртъ, ни огороди, ничего подобнаго нѣтъ. За этой площадью бродъ и дорога переходятъ на лѣвый берегъ рѣки, площадь котораго, сравнительно съ правымъ берегомъ, значительно шире, вслѣдствіе того, что рѣка плотно жметъ къ подошвѣ горъ. За бродомъ чрезъ рѣку Акта-сагань-бургасань дорога вскорѣ пересѣкаетъ устье распадка, имѣющее сухое, широкое каменистое русло. Щеки распадка отвѣсны, съ неправильнымъ наслоеніемъ гранита. Въ то время, когда я, по обычаю сиди верхомъ, дѣлалъ эти за-

мѣтки, опустивъ поводья лошади, идущей мѣрнымъ, тихимъ шагомъ,—со мной чуть не повторилась сагань-булукская исторія. Сзади, мчась, догонялъ насъ монголь; дегыль (кафтанъ) его, точно лубокъ, бился о сѣдло и производилъ громкій шорохъ. Этого шороха ковь мой испугался, бросился въ сторону и что есть духу помчался; все это произошло такъ неожиданно, что я въ порывѣ собственного испуга, хотѣлъ было схватить поводъ рукой, въ которой держалъ записную тетрадь. Шелестъ бумаги усилилъ испугъ лошади. Къ счастью, мнѣ вскорѣ удалось схватить поводъ, и я съ большимъ трудомъ могъ сдержать испуганное животное и какимъ то чудомъ не слетѣлъ съ сѣдла, а это послѣднее могло бы имѣть болѣе дурной исходъ, чѣмъ въ Сагань-булукѣ, такъ какъ по обѣ стороны распадка вдоль дороги разбросаны камни. Оправившись отъ испуга, я остановился на нѣкоторое время, слѣзъ съ сѣдла и едва могъ разыскать брошенную мною тетрадь. Близъ мѣста едва не случившейся катастрофы, меня заинтересовалъ одинъ изъ хашановъ, стоящій не далеко отъ устья распадка. Замѣчательнаго въ немъ было то, что кромѣ обычной огорода, составляющей всю суть хашана, тутъ былъ сдѣланъ тепловой навѣсъ, тепловой же загонъ для овецъ, два небольшихъ амбарчика и запасъ, хотя и не большой, дровъ. Ничего подобнаго мнѣ не приходилось встрѣчать ни у одного изъ виданныхъ мною раньше хашановъ. Къ сожалѣнію, не у кого было спросить—кому принадлежитъ этотъ зимникъ. Собственная ли инициатива и заботливый трудъ номада о скотѣ заставили номада сдѣлать эти пристройки, или же какой нибудь эксплуататоръ ноень, воспользовавшись правомъ сильнаго, заставилъ номадовъ устроить себѣ зимникъ; это очень желательно было бы знать. На бѣду монголь, испугавшій моего коня, самъ испугался, бросилъ дорогу и помчался по взгорьямъ лѣваго берега рѣки, и мы не могли докликаться его.

Миновавъ хашаны, дорога снова перешла на правый берегъ рѣки, заросшій мелкими кустами тальника. На этомъ берегу листовничный мысъ становится все гуще и гуще; но на лѣвомъ склонѣ горъ растетъ только лишь въ ложбинахъ взгорій. Подъемъ продолжаетъ быть пологимъ. За слѣдующимъ пере-

бѣзомъ на лѣвый берегъ, дорога, подъемомъ, всходитъ на площадь косогора. Подъемъ крутъ и въ началѣ каменистъ. Почва косогора глинисто-каменистая и покрыта высокой, густой травой, нестрѣющей разнообразной флорой. Изъ кормовыхъ травъ растетъ преимущественно волосець, есть также много мыхыра, а изъ цвѣтовъ, незабудки, колокольчики, одуванчики, васильки и горошекъ. Внизу косогора густая чаща, порослая ельникомъ, листовникомъ, тальникомъ и кой гдѣ березой; между этой чащей и пробивается р. Акта-сагань-бургасанъ, обратившійся въ горный ручей. Съ юго-запада, поперекъ дороги, проходитъ горный ручей, вслѣдъ за нимъ, на недалекомъ разстояніи другой. Оба ручья каменисты, но съ текущей водой. Спускомъ къ устью втораго ручья оканчивается дорога косогоромъ и идетъ уже не распадкомъ, а ущельемъ, по которому и течетъ Акта-сагань-бургасанъ. Ущелье каменисто, узко и извиристо. Щеки его: правая поросла высокимъ тонкимъ листовничнымъ лѣсомъ; а лѣвая—кустарниками карликовой березы, сквозь которые торчатъ глыбы камня, поросшія мхомъ и покрытыя ржавчиной; у подошвы же склона, по берегу ручья, растетъ тальникъ, лоза и кусты красной смородины; смородина почему то не имѣла плодовъ. Наклонъ дна ущелья пологъ. Передъ концемъ подъема ручей развѣтвляется. Одинъ рукавъ, вмѣстѣ съ ущельемъ, ушелъ вверхъ на юго-западъ, другой же прямо на югъ; по послѣднему и идетъ дорога въ долину рѣки Буксой. Подъемъ на этотъ рукавъ Акта-сагань-бургасана въ началѣ каменистъ и грязноватъ, но не особенно крутъ. Необходимо отмѣтить, что у мѣста развѣтвленія ручья образовалась небольшая треугольная площадка, острымъ угломъ которой служитъ пунктъ соединенія рукавовъ Акта-сагань-бургасана. На площадкѣ этого треугольника построена ловушка для волковъ. Ловушка эта представляетъ изъ себя не высокій деревянный длинный амбарчикъ съ дверью, падающей сверху. Въ средину амбарчика кладутъ приманку въ видѣ куска мяса и дверь, поднявъ къ верху, подпираютъ. Когда волкъ соблазнится приманкой и войдетъ внутрь амбарчика полакомиться ею, то онъ непременно долженъ задѣть подпорку; послѣдняя, упавъ, закрываетъ дверь выходъ и волкъ остается

въ западнѣ. Точно такія же ловушки есть и у тункинскихъ бурятъ.

Отъ этой площадки съ ловушкой пологіи подъемъ на вершину хребта Эрчи-нуру оканчивается и дальше уже, до самой вершины идетъ не высокимъ, но крутымъ вземомъ, который къ тому же грязноватъ. Эта вершина хребта Эрчи-нуру называется *Ехе-саганъ-талбу*. На самой вершинѣ Ехе-саганъ-талбу стоитъ обо, покрытый толстымъ слоемъ хвороста, къ верхушкамъ котораго привѣшана масса бараньихъ лопатокъ (дола), ногъ связанныхъ по-парно, хадаковъ и птицъ, вырѣзанныхъ изъ дерева. Лицевая сторона ниши обо обращена къ Делгирь-мурину, долины котораго, между прочимъ, не видно, и взоръ упирается прямо въ гряду горъ лѣваго его берега.

Весь подъемъ на вершину хребта Эрчи-нуру, называемую Ехе-саганъ-талбу, мы сдѣлали, не считая остановокъ въ теченіе трехъ часовъ. О подъемѣ нужно замѣтить, что онъ пологъ и вполне удобенъ для телѣжной ѣзды. Для телѣжной дороги можетъ встрѣтиться небольшое затрудненіе развѣ только въ проходѣ ущельемъ, гдѣ есть значительныя россыпи камней, но это, судя потому, что китайцы ухитряются привозить свои товары на телѣгахъ изъ Урги въ Мурино-хажу и дальше, не должно служить непреодолимымъ препятствіемъ. На всемъ протяженіи перехода, начиная отъ нашей стоянки на берегу р. Делгирь-муринъ въ урочищѣ *Ехе-нура* и почти до самаго ущелья р. Акта-саганъ-бургасанъ есть лѣтнія и зимнія юрты монголовъ, что для путника представляетъ большое удобство; такъ какъ вездѣ, значить, есть возможность получить въ случаѣ нужды свѣдѣнія о дорогѣ, найти человѣка, купить провизіи и проч.,. Большое удобство эта дорога представляетъ изъ себя еще и въ томъ отношеніи, что лѣтомъ вездѣ растеть отличная трава, а слѣдовательно не только лѣтомъ, но и зимой долженъ быть отличный подножный кормъ. Къ тому же, какъ говорятъ монголы, распадокъ Акта-саганъ-бургасанъ зимой не заносится снѣгомъ. Лѣтомъ же вездѣ есть кормъ, вода и лѣсъ, что также очень важное условіе. Нужно замѣтить, что въ этомъ послѣднемъ отношеніи заключается преимущество водной системы праваго берега р. Делгирь-муринъ. Читатель, конечно,

помнить, что начиная отъ верховьевъ р. Шишкита и до самаго лѣваго берега р. Делгирь-муринъ, почти всѣ рѣки безводны, съ сухими руслами; тогда какъ начиная отъ праваго берега р. Делгирь-муринъ, не только рѣки, но даже незначительные безымянные ручейки имѣютъ текущую струю воды. Дорогой, отъ Улей-дабана, или же, вѣрнѣе, начиная отъ р. Баянъ-голь, праваго притока р. Шишкита, путнику нужно согласоваться не со своимъ желаніемъ, усталостію лошадей и пр., а напротивъ нужно необходимо примѣняться къ мѣстнымъ условіямъ: вода есть — дровъ нѣтъ; дрова есть — воды и корму нѣтъ для лошадей, и все это заставляетъ по необходимости добираться до извѣстныхъ пунктовъ, удовлетворяющихъ нуждѣ путника. Такъ, напр., отъ р. Баянъ-гола до р. Билотъ переходъ безводенъ; отъ р. Бальбрукъ, до рѣки Билтысъ тоже нѣтъ воды; отъ р. Вилтыса, до р. Муеу-турунъ нѣтъ ни воды, ни дровъ, точно также какъ и отъ р. Шобутей до береговъ р. Делгирь-муринъ. По правую же сторону р. Делгирь-муринъ воды, лѣсу и травы вездѣ вдоволь. Остается еще отмѣтить характеристическую особенность, замѣчаемую въ размѣщеніи древесной растительности — именно: только лишь западные и южныя склоны горъ покрыты лѣсомъ, причемъ послѣдній растеть только отъ подошвы до изголовьевъ горъ; восточныя же и сѣверныя склоны горъ почти нигдѣ не покрыты лѣсомъ. Явленіе это замѣчено нами на всемъ протяженіи пройденнаго нами пути.

Изъ вершины Ехе-саганъ-талбу, кромѣ р. Акта-саганъ-бургасана, берутъ начало еще два распадка: а) *Тумулей*, (съ желѣзомъ, желѣзный), поэтому распадку течеть рѣка, упавшая лѣвымъ притокомъ въ р. *Зунай-гол*; а эта послѣдняя лѣвымъ же притокомъ въ р. Буксой; б) *Талайнъ-булукъ*. (степной ручей) по нему также есть рѣка, ушедшая на юго-востокъ въ долину р. Буксой. По этому послѣднему распадку и идетъ наша дорога. Начиная отъ обо и до вершины Талайнъ-булука мы шли около четверти часа вдоль плоскогорья и затѣмъ уже начали спускъ. Плоскогорье грязно, кочковато, но не топко, не каменисто и покрыто перегноемъ, напоминающимъ собой черноземъ. Изъ злаковъ растеть на немъ почти исключительно мыхыръ; лѣвая сторона плоскогорья

покрыта также лиственничнымъ лѣсомъ. Видъ съ плоскогорья закрытъ со всѣхъ сторонъ. Куда не взглянешь, кругомъ торчатъ одни только лишь верховья горъ,—то покрытыя лѣсомъ, то обнаженныя, то кажущіяся широкой горной площадью, то конусообразныя. Изъ среды же этой группы горъ—только лишь одна возвышенность, стоящая на юго-востокѣ, выдѣляется оригинальнымъ очертаніемъ своихъ формъ,—она кажется высокимъ, длиннымъ могильнымъ курганомъ. Отличіе этой сопки отъ остальной массы горныхъ возвышенностей подмѣчено и монголами, умъ которыхъ всегда поражается тѣмъ или другимъ явленіемъ мірафизическаго,—явленіемъ, неподходящимъ подъ одинъ общій типъ всего окружающаго: будь то лѣсъ или дерево, стоящее одиноко среди окружающей его пустыни; будь то озеро, раскинувшее свои воды тамъ, гдѣ по наблюденію номадами законовъ природы, его не должно было бы быть; будь то скала, отличающаяся оригинальностію своихъ очертаній, будь то глубокая пещера; будь то гора, рѣзко выдѣляющаяся или своею высотой, или оригинальностію очертаній формъ отъ остальной группы сошедшихъ горъ,—все это, какъ и многое другое, умъ номада не умѣетъ объяснять естественными законами природы; подчинившись же воображенію, которое въ данномъ случаѣ и поражается изъ ряда вонъ выходящимъ явленіемъ, номадъ думаетъ, что то, что произвело на него впечатлѣніе, поразило его—непремѣнно есть нарочитое созданіе тенгриевъ, и есть ихъ же излюбленныя мѣста. Въ такихъ мѣстахъ тенгрии, по представленію номада, или временно поселяются—для отправленія одной какой нибудь обязанности, напр. возвышенность Делгирь-ханъ, гдѣ духи собираются въ извѣстное время, точно наши кievскія вѣдьмы на Лысой горѣ, устраиваютъ свои мистеріи; или же живутъ постоянно—напр. Лу-су, обязанность котораго давать источники рѣкамъ; Хангай покровитель звѣрей—въ власти котораго, если ангуши угодили ему, согнать звѣрей въ одно мѣсто для удобства промысла за ними, или же скрыть ихъ отъ выслѣживанія зоркаго глаза промышленника, если этотъ послѣдній не сумѣлъ угодить Хангаю. Въ отмѣченной же нами сопкѣ воображеніе номада поселило духъ царя кузнецовъ—Хархьянъ-

хана. На сопку эту хархьянъ ханъ отъ поры до времени снисходитъ съ неба, обращаетъ въ наковальню и приготовляетъ стрѣлы нужныя для борьбы со злыми духами, служителями Эрлыкъ-хана*). Подъ влияніемъ оригинальности сопки, номадъ создалъ о ней цѣлую легенду. Легендарную эту сопку назвалъ *Души-хархьянъ-ханей* (наковальня царя Хархьяна) и поклоняется ей, какъ священному мѣсту обиталища духа**). Эта священная наковальня расположена на востокѣ какъ разъ противъ вершины Талайнъ-булука. Спускъ по Талайнъ-булуку очень пологъ; дорога идетъ правымъ берегомъ рѣки по черноземному, съ малой примѣсью песку, грунту; нигдѣ ни одного камешка не видно. Нужно замѣтить, что тропинка идетъ не ложбиной распадка, а косогоромъ. Эта сторона дороги, т. е. склонъ горъ праваго берега рѣки до самыхъ своихъ вершинъ не покрытъ лѣсомъ, тогда какъ лѣвый берегъ, т. е. западный

*) Эрлыкъ-ханъ тоже, что нашъ Вельзевулъ.

**) Джонъ Лэбокъ въ своемъ трудѣ „Нач. цивилизація и первобытное состояніе человѣка“ приводитъ массу примѣровъ поклоненія и священнаго почитанія: а) деревьямъ (Америкѣ, Абиссиніи, Греціи, Польшѣ и Франціи, Аф., Егип. Сибири, б) озеръ, рѣкъ и ключей. Было время когда оно преобладало въ Европѣ надъ всѣми другими религіозными формами. Было оно также распространено въ Азій, Африкѣ и Америкѣ; в) камнями поклонялись: въ Греціи, Римѣ; Франціи и Ирландіи. Паласъ пишетъ, что остяки и тунгусы поклоняются горамъ, а татары—камнямъ... Камнепоклонство, по свидѣтельству Шеллопа, распространено въ Индіи повсюду, отъ Дерада до крайняго востока Бустара и не только между индуцированными туземцами, но и между самими грубыми и дикими племенами. Есть слѣды камнепоклонства въ Аравіи, западной Европѣ, Америкѣ (135—145 ст.). Касательно объясненія причинъ почитанія камней мы не согласны въ Джонъ Лэбокомъ, который причину почитанія этого видитъ въ томъ, что будто-бы въ смутныя времена древности было въ обычаѣ обозначать границы земель камнями*. Намъ кажется, что причину почитанія камней, равно какъ и горныхъ возвышенностей, нужно искать—либо въ томъ сильномъ впечатлѣніи, какое производитъ причудливость очертаній этихъ предметовъ, либо въ появленіи ихъ въ такихъ мѣстахъ, что умъ номада не можетъ объяснить, какъ и откуда могла взятъся, положимъ гора, среди ровной гладкой степи. Однимъ словомъ, появленіе предметовъ тамъ, гдѣ глазъ номада не привыкъ ихъ видѣть, гдѣ, по его понятіямъ или не мѣсто, гдѣ они по общимъ законамъ природы недолжны были быть—будь то камень, гора, дерево, озеро, все это поражаело воображеніе номада; небогатый запасъ его объясненій естественныхъ явленій природы заставлялъ первобытнаго человѣка прибѣгать къ объясненію сверхъестественными причинами, а отсюда являлись и почитаніе къ такимъ предметамъ.

склонъ горъ весь сплошь, начиная съ изголовьевъ, покрытъ густымъ листовичнымъ лѣсомъ.

Распадокъ Талайнъ-булукъ широкъ—болѣе ста пятидесяти саженой въ ширину, богато поросъ злаками; по нему преимущественно растутъ лукъ и мыхырь. Послѣдній имѣетъ очень важное значеніе въ экономическомъ быту номадовъ, какъ пищевой продуктъ, замѣняющій монголамъ хлѣбъ. Корешки мыхыра монголы собираютъ осенью и запасаютъ его десятками пудовъ. Добыча корешковъ не затруднительна, такъ какъ монголы не сами выкапываютъ его, а разрываютъ норы мышей (*mus aesonomus et mus socialis Pal.*), въ которыхъ хранятся громадныя (до двухъ и болѣе пудовъ въ одномъ поселеніи этихъ трудолюбивыхъ звѣрковъ) запасы этихъ корешковъ. Мыхырь употребляютъ монголы или свареннымъ въ молокъ или же просто въ водѣ, иногда же ѣдятъ и сырымъ. Вкусъ корешковъ терпко-сладкій, сваренные же они теряютъ свою терпкость и вкусомъ своимъ напоминаетъ саго.

Въ центрѣ распадка, между густой и высокой травой, изгибаясь узкой голубой лентой, едва примѣтно течетъ р. *Талайнъ-булукъ*. Было уже три часа пополудни; кони, да и сами мы, притомились; роскошь распадка: густая волнующаяся трава, и чистая, какъ слеза вода Талайнъ-булука манилъ къ отдыху. Выбравъ одну изъ лучшихъ лужаекъ, мы подъѣхали къ берегу рѣки и, не раскидывая палатки, остановились на роздыхъ. На мѣстѣ нашей остановки, трава была чуть ли не по брюхо коню. Такую рослую траву мы въ первый разъ встрѣтили и спутникъ мой, Степанъ, любуясь ею, замѣтилъ... «Экъ ее выперло! Ну морешки*» покупаетесь же вы сегодня въ травѣ!»

Только что мы развели огонекъ и къ дорожному очагу приставили котелекъ, чтобы вскипятить чай, какъ подъѣхалъ къ нашему огоньку караванъ, сопровождаемый двумя монголами и одной монголкой—*шабаганцой*. Шабаганца въ періодѣ на русскій языкъ значить монахиня. Буддѣйскія монахини отличаются

*) Морешки искаженное монгольское слово *морѣ*—конь. Нужно замѣтить, что тунчане много ввели въ свой лексиконъ монгольскихъ словъ, причемъ по обычаю исказили ихъ на свой ладъ.

отъ остальныхъ женщинъ тѣмъ, что у нихъ бритыя головы и одежда по цвѣту матеріи и по краю ламская. Обѣтъ шабанцевъ состоитъ: а) въ цѣломудріи; б) воздержаніи отъ употребленія въ пищу конины, свинины и другихъ не чистыхъ животныхъ. Этотъ послѣдній обѣтъ строго исполняется, да и противъ перваго рѣдки бываютъ случаи преступленія, такъ какъ шабаганцами дѣлаются никуда негодныя старухи, проведенія молодость въ развратѣ.

Караванъ состоялъ изъ двухъ выючныхъ верблюдовъ и четырехъ лошадей. Обмѣненные у русскихъ торгашей товары: кожи, миткаль, бязь и сукна, эти монголы везутъ въ кочевья Сангинъ-далая, съ цѣлью тоже обмѣнить *барахло** на скоть, масло и бѣлку.

Интересенъ былъ видъ одного изъ ворблюжьихъ выюковъ. По верхъ выюка было укрѣплено жада (копье) съ длинной рукояткой (ипи); на остріѣ копья развѣвался шелковый флагъ (хадакъ), на которомъ было изображеніе Очервани (богъ покровитель простаго народа). Копье это монголы везли какъ оружіе противъ нападенія враговъ, разбойниковъ и грабителей; флагъ же развивающій на немъ тоже имѣлъ значеніе обороны отъ злыхъ духовъ, враждебно относящихся къ путникамъ (бо-ме, боходдой, идирхенъ и проч.). Кромѣ этихъ предосторожностей отъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ, одинъ изъ сопровождающихъ караванъ, во время движенія его, постоянно дулъ въ раковину (дунъ); звуки этой раковины также будто бы имѣютъ магическую силу отгонять шитхуровъ (чертей) и служителей Эрлыкъ-хана.

Присоединившись къ намъ попить чайку (цай-лаха), монголы, сопровождающіе караванъ, попросили у насъ порошу и соли, причемъ передали намъ недобрый вѣсти, что будто бы въ верховьяхъ Бук-соя, а особенно близъ береговъ оз. Сангинъ-далай «неспокойно»: раззорившіеся вслѣдствіе падежа скота монголы, принялись за грабежъ, такъ что кочевьями Джазасанскаго хашуна далеко таки небезопасно ѣздить.

*) *Барахло*. Отъ *Бара*—товаръ, отсюда произошло и наше русское названіе сбора всякаго хлама—барахломъ.

Вслѣдъ за монголами торговцами къ огнищу нашему подскакала еще одна «парочка» разфранченныхъ монголовъ. Парочка эта была — Ноень-Хянь и его жена. Хянь еще молодой человекъ съ бойкой и плутоватой физиономіей, юркій и говорливый до надоедливости. Жена хяна молодая очень красивая женщина и, въ противоположность со своимъ сангвиникомъ мужемъ, молчалива, апатична. Супруги разодѣты были въ ярко-голубаго цвѣта шелковые дегылы. Нужно замѣтить, что чинъ «Хянь» равняется нашему коллежскому регистратору. Хяну, какъ знакъ его чиновности, присвоено право носить на верхушкѣ шапки стеклянной прозрачный шарикъ. Нашъ коллежскій регистраторъ, по крайней мѣрѣ предъ людьми незнакомыми, ведетъ себя чинно, солидно, изъ важности «плюетъ, какъ говоритъ пословица, чрезъ губу» и спѣсь его вошла въ пословицу: «чинъ на грошъ, да чванства на рубль»; Нашъ же знакомый хянь, напротивъ, ко всему старается показать «веселую» небрежность; разговаривая, каждую фразу сопровождаетъ насвистываніемъ какой то веселой волчьей ариі, вертится, говоритъ безъ умолку и, что очень жаль, безъ толку. Прежде, чѣмъ поздороваться съ нами, Хянь высоко поднялъ свои руки и съ силою опустилъ ихъ на мои плечи. Кстати замѣтимъ, что монгольскій обычай привѣтствовать другъ друга при встрѣчѣ состоитъ не въ пожатіи руки, какъ у европейцевъ, а младшій долженъ взять старшаго за локти рукъ, если ужъ очень большой ноень, то прикасаются къ колѣнамъ, а не то падаютъ ницъ.

Встрѣтившійся съ нами хянь былъ женатъ на дочери Догунскаго князя и теперь ѣхалъ къ нему на свадьбу; тестъ его выдавалъ замужъ младшую дочь, сестру жены хяна. Натрепавъ безтолку всякой чепухи о пышности предстоящей свадьбы, хянь, продолжая безъ умолку насвистывать, помчался въ ставку князя, что на берегу р. Буксой, куда и мы ѣхали.

Вслѣдъ за ханомъ и мы, послѣ трехъ часового отдыха, снялись съ мѣста и тронулись въ путь, торопясь поскорѣе доѣхать до долины р. Буксой.

Отъ мѣста стоянки дорога пошла логомъ распадка. Вскорѣ мы прошли мимо «мани», близъ ко-

торого видны были брошенные огнища стоявшихъ когда то тутъ юртъ. Странно, что въ такомъ удобномъ для кочевки мѣстѣ, какъ распадокъ Талайн-будукъ, заросшимъ лучшей, какая только лишь можетъ быть, травой, не видно ни зимнихъ хашановъ, ни лѣтнихъ юртъ, не бродитъ также нигдѣ и скотъ.

Не вдалекѣ отъ «мани» дорога проходитъ мимо горы *Асхате-ула*. Среди другихъ возвышенностей Асхатей-ула выдѣляется своею конусообразной верхушкой, на западномъ своемъ склонѣ поросшей листовничнымъ лѣсомъ. Начиная отъ подошвы Асхатей-улы, распадокъ Талайн-будукъ расширяется и дальше уже обращается въ довольно широкую долину, центромъ которой и идетъ дорога. Отъ Асхатей-улы открывается видъ на долину р. Буксой, во не весь ея объемъ, такъ какъ предгорья Улы, сдѣлавъ загибъ къ юго-востоку, нѣсколько скрываютъ видъ. У самой подошвы Асхатей-улы есть остатки китайскихъ городищъ (керегече чило) въ числѣ пяти кучъ: двухъ большихъ съ круглой оградой и трехъ малыхъ, расположенныхъ на сѣверъ отъ главныхъ кучъ. Отъ китайскихъ городищъ, дальше къ югу, долина, раньше нѣсколько сжатая подошедшими съ сѣверо-востока горами, обращается въ широкую равнину, версты въ двѣ шириною—это слѣдствіе того, что боковыя ея горы отодвигаются одни на востокъ, а другія на западъ. У входа въ долину р. Буксой на западной сторонѣ устья равнины Талайн-Будукъ, расположено шесть лѣтнихъ юртъ монголовъ и стоитъ Урто (почтовая станція). Вокругъ юртъ, свидѣтельствуя о зажиточности номадовъ, бродитъ много скота, табуны лошадей и отары овецъ. Подѣзжая къ юртамъ, мы увидѣли долину рѣки Буксой во всемъ ея объемѣ. Но было уже слишкомъ поздно—именно около девяти часовъ вечера, такъ что трудно было рассмотреть перспективу долины. Она, покрытая вечернимъ сумракомъ, казалась менѣе широкой, чѣмъ побережье р. Делгирь-мурина, Мурино-хашу, хребетъ же, идущій вдоль праваго берега р. Буксой, казался точно также, какъ и Эрчи-нуръ. Хребетъ береговъ Буксой, монголы называютъ Зосо (серебряный) и тянется онъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ.

ЮРЮНГЪ-УОЛАНЪ (1)

ЯКУТСКАЯ СКАЗКА.

ЧАСТЬ I-я.

Юрюнгъ-Уоланъ.

Выше неколеблущейся широкой бездны, ниже семислойнаго, девятикольцаго неба (2), на самомъ срединномъ мѣстѣ (3)—пупѣ земли, на самой тихой части земли съ неубывающей луной (4), незаходящимъ солнцемъ, безимнымъ лѣтомъ, неумолкающей кукушкой (5), былъ (6) Юрюнгъ-Уоланъ. «Еслибъ я съ неба свалился, то на мнѣ былъ бы снѣгъ-куржакъ, иней-роса; если бы я пришелъ сюда съ юга-сѣвера, съ востока-запада срединнаго мѣста—на мнѣ были бы замѣтны части деревьевъ и травъ, я пахнулъ бы вѣтромъ — вѣтерками (7); еслибъ я вынырнулъ изъ преисподней, то на мнѣ была бы пыль-земля», думалъ онъ и не зналъ онъ, откуда имѣлъ корень-начало (8), съ которой стороны явился сюда.

Сталъ осматриваться кругомъ: «какое такое мѣсто-жилище мое? (9)»

(10) Съ восточной стороны покато поднималась долина, на которой кучками росли купы березника, похожія на толпу дѣвушекъ на какомъ-нибудь праздникѣ, которыя, держась за руки и идучи, гуторили межъ собой: «тотъ человекъ красивъ, тотъ красивъ, тотъ лучше, тотъ лучше» и, вдругъ, сказавши: «ой, дѣвоньки! ужъ не подлушаль-ли насъ кто...» выпустили руки другъ у друга и, какъ бы ни въ чемъ не бывало, разбредаются въ разныя стороны. Ближе этой долины, на срединѣ обширной оловянной (11) поляны стоялъ большой, важный (12) курганъ, точно опрокинутая деревянная чашка якута человекъ (13). На этомъ курганѣ росло важное дерево «Улу-аръ-кудукъ-масъ» (14), съ прозрачной, душистой смолой, несохнущей и нетрескающей корой, серебряной мязгой, съ узорчатой листвою, никогда неблекнущей, съ шишками, какъ ряды опрокинутыхъ чороновъ (15) якутовъ—людей. Вершина этого дерева, выросши сквозь семислойное небо, стояла главной коновязью—столбомъ (16) у Юрюнгъ-Аи Тона, а корни тянулись изъ самой преисподней, гдѣ

Не болѣе какъ чрезъ версту разстоянія отъ китайскихъ городищъ, что у подошвы Асхатей-ула, намъ вновь встрѣтились кучи керегесе-чило, но къ сожалѣнію было темно и я осмотрѣть ихъ долженъ былъ отложить до завтрашняго дня. Остановиться же близъ керегесе-чило нельзя было, такъ какъ онѣ расположены были на возвышенной, усѣянной камнями площадкѣ, да и воды близъ нихъ не было и мы продолжили путь къ берегамъ р. Буксой.

Послѣ спуска съ площадки керегесе чило мы не вдолгѣ перешли въ бродъ чрезъ рѣку *Зунай-голь*, впадшую слѣва въ р. Буксой. Было уже совсѣмъ темно и мы волей неволей, не исполнивши своего намѣренія — ночевать на берегу Буксоа, остановились на болотистомъ сыромъ прибрежьи р. *Зунгай-голь*.

Сыро... холодно... лѣсу близко нѣтъ... къ счастью предусмотрительный Степанъ взялъ съ собою съ верховьевъ Талайнъ-Булука два полѣна, ихъ то мы, расколовъ, и развели огонь, чтобы прежде всего обогрѣться. *Да — обогрѣться*, не смотря на *двадцатое июля*, вечеръ былъ до того холоденъ, что я такъ замерзъ, что по пословицѣ зубъ на зубъ не попадалъ; руки и ноги просто околѣли. Подъ вліяніемъ холода и голодъ не заявлялъ своихъ правъ.

Въ заключеніе сегодняшняго дня упомянемъ о теченіи р. Талайнъ булукъ, внизъ по которой мы спустились въ долину рѣки Буксой.

Начиная съ самой вершины, русло р. Буксой едва замѣтно, маловодно; со средины значительно увеличивается, наполняется водой, но вода не доходить до долины р. Буксой и за Асхатей-улой теряется въ равнинѣ, вода уходитъ въ землю, да и само русло сглаживается.

Весь сегодняшній переходъ—отъ береговъ Мурина до долины р. Буксой, мы, не считая остановокъ сдѣлали въ теченіе девяти часовъ. Кстати замѣтимъ, что этой же дорогой китайцы ѣздятъ и на тельгахъ. Затрудненіе представляется только въ верхнихъ ущельяхъ р. Акта-Саганъ-бургасанъ.

служили столбами жилища существъ, имѣющихъ ротъ подь кадыкомъ⁽¹⁷⁾. Своими листьями, дерево это вело разговоры съ небесами, летающими крылатыми птицами и вольно-летающими вѣтрами.

Повернулся Ю. У. на югъ и сталъ смотрѣть: за обширными полями—выгонами, лугами покосами, на срединѣ широкаго зеленого поля лежало не подергивающееся рябью, не волнуемое вѣтромъ молочное озеро съ творожными болотами по краямъ.

Повернулся онъ на сѣверъ: черный лѣсъ шумѣлъ день и ночь, а въ лѣсу этомъ, видимо для глазъ, водился всякаго рода бѣгуще-четвероногий. По краю лѣса, пни и вывороченные корни, точно сборище медвѣдей, выворачивающее камни, чтобы промыслить подь ними муравьевъ—были разбросаны тамъ и сямъ. За лѣсомъ стояли высокія горы въ бѣлыхъ заячьихъ шапкахъ, упершіяся въ небеса и защищали это мѣсто отъ холодныхъ дыханій и вѣтровъ.

Повернулся Ю. У. къ западу. Росли мелкіе кустарники ерника, похожіе на расхолодившихся тунгусскихъ шамановъ, или рассорившихся изъ - за подойника бабъ, съ растрепанными волосами. За ними росли высокія ели, оштитнившія свои иглы, точно осердившіеся и готовые броситься на врага медвѣди. За лѣсомъ поднимались туповерхія горы, стоящія особнякомъ, тотно готовые бросится другъ на друга быки—пороза.

«Птица имѣеть гнѣздо, звѣрь—логово и нору, а у меня нѣтъ жилища», сказала Ю. У.

Выбѣжалъ Ю. У. въ темный шумящій лѣсъ и, срубивъ тамъ четыре почтенныхъ дерева, обтесалъ, обрубилъ ихъ и, притащивъ на средину поля, въ четырехъ мѣстахъ въ землѣ продавилъ ступней четыре глубокія ямы и воткнулъ туда четыре столба, сказавши: «то будутъ четыре угла моего дома». Изъ того же лѣса срубилъ, обтесалъ, обрубилъ онъ четыре балки, которыя положилъ на столбы, а на нихъ—двѣ матицы. Выбѣжалъ Ю. У. въ свой мелкій молодой лѣсъ и, какъ быстрая рѣка, въ весенній разливъ, сноситъ мелкій хворостъ, срубилъ и притащилъ къ столбамъ кучу лѣса, изъ котораго покрылъ потолокъ, — «чтобы дождемъ не мочило,

снѣгомъ не заваливало», поставилъ стѣны— «чтобы проходящій вольный вѣтеръ не продувалъ» и настлалъ полъ, на которомъ не могъ бы держаться на ногахъ семилѣтній мальчикъ—такъ онъ былъ гладокъ.

«Весеннее мое солнце, кажись, съ этой стороны входить», сказалъ Ю. У. и выбралъ въ одномъ мѣстѣ часть стѣны, чтобы тутъ была входная—выходная дверь⁽¹⁸⁾. «Чтобы солнце не обдѣляло меня свѣтомъ, когда оно ходитъ по небу», сказалъ Ю. У. и пробилъ въ стѣнѣ нѣсколько окошекъ.

«Чтобы вѣтеръ, дождь и снѣгъ, лѣтняя жара и зимній морозъ не проходили въ домъ», Ю. У. на потолокъ и стѣны настлалъ слой сѣна, а сверху насыпалъ сыпучаго бѣлаго песку въ одну сажень толщиной.

По срединѣ избы поставилъ Ю. У. изъ очищенныхъ жердей, «чтобы глина лучше держалась», остовъ комелька, обмазалъ его до низу сверху толстымъ слоемъ бѣлой горшечной глины. Выбѣжалъ онъ въ свой сухой лѣсъ и, притащивъ оттуда девять сухихъ еловыхъ деревьевъ, затопилъ ими комелекъ, «чтобы обмазка высохла». Бросилъ онъ въ огонь ложку масла, кусокъ сала, брызнулъ туда кумысу⁽¹⁹⁾ и сталъ смотрѣть: «откуда корень начало имѣеть мой *Алг-уотъ*⁽²⁰⁾ и докуда доходить?».

Хранилъ его огонь «Уотъ иччитя»⁽²¹⁾, духъ огня, кушающій сырое дерево, имѣющій пепельную постель, раскаленный уголь—подушку, мелкій уголь—одѣяло, дымъ—дыханіе, шапку—изъ заячьихъ головокъ, ошейникъ—шеекъ, рукавицы—переднихъ лапокъ, торбасы—заднихъ лапокъ и шубу и даху изъ заячьихъ шкуркъ. *Уотъ иччитя* былъ совѣмъ, совѣмъ старъ и постоянно спалъ.

Тепло огня Ю. У.-на прошло чрезъ семислойное небо и сдѣлало на томъ мѣстѣ такую хорошую, тихую и теплую погоду, что обитатели седьмага неба, родичи (*аймагъ*) *Юрюнь-Аи Тоена*⁽²²⁾ рѣшили, что «коли съ средняго мѣста» (земли) идетъ такое тепло, такъ значитъ огонь у ихъ топится и перестали обращать вниманіе на землю.

Прогрѣвши шестокъ и толстый слой матери земли, тепло огня Ю. У.-на проходило въ мрачную преисподнюю, жилище народа какъ тѣнь, къ восьми-

ногимъ *аджарай* (23), гдѣ небо ни свѣтло, ни мрачно, а мутно какъ карася уха, гдѣ полсолнца, поллуны, точно половинки хамыаха (24) на мѹку-мученье еле-еле давали тусклый свѣтъ. На этомъ мѣстѣ, тепло огня Ю. У-на прогрѣло потолокъ жилища — ледянаго кургана — господина и госпожи «Аллярхай терьде» — «корень — начало бѣды» и попало на темя ихъ. Отъ этого тепла они стали дремать, упершись лбами на поставленные передъ собой кривыя винтообразныя трости; стали дремать и заснули, а потъ, выступавшій съ ихъ лба, падалъ каплями на землю и, замерзая, выросъ до того, что тоже подпиралъ ихъ лбы. Народъ ихъ тоже сталъ дремать отъ тепла и бездѣйствія; и вотъ отъ этого перестали появляться на землѣ бѣды-несчастія.

Кругомъ, у стѣнъ, въ избѣ Ю. У. положилъ хвастливыя нары съ дерзкими изголовьями (25). По стѣнамъ, для вѣшанія платья, воткнулъ онъ колышки, похожія на перелетныхъ птицъ съ выгнутыми шеями.

Вокругъ дома Ю. У. огородилъ дворъ изъ бѣлыхъ прясель, а по среди двора воткнулъ три столба — коновязи: первая ворчала какъ баръ-кыль (26), средняя по бычачьи мычала, а послѣдняя по кукушечьи куковала. Около столбовъ коновязей настлалъ помость, на которомъ было въ пору держаться только 3-хъ годовалому жеребцу.

«Какой у меня скотъ?» подумалъ Ю. У. и сталъ смотрѣть: Было у него скота безъ числа и между ими: *Аи отото атырз* (божье дитя жеребецъ), Кюнь кюбай хатынъ бе (солнце кюбай (27) госпожа кобыла), Тоенъ тайболунъ огусъ (господинъ коротконогъ — быкъ) и Ый-ыдалынъ ынахъ (луна толсто-брюхая корова). А конь его, въ переѣздъ длиной, въ переходъ толщиной (28), съ гривой и хвостомъ въ семь переѣздовъ длиной — бѣгалъ въ полѣ, на волѣ.

«Кто у меня въ домѣ — семья?» подумалъ Ю. У. и сталъ смотрѣть: была у него младшая сестра съ трехсаженной косой, *У-намысла тыннахъ*, *ытыкъ* (съ дыханьемъ, какъ тихая вода, почтенная) *Нуруллаанъ-ко* (29) *удаганъ* (30) и старуха коровница — Сияхсинъ-эмясинъ (31). Волѣ никого не было.

«Если Юргяль (32) будетъ дуть — заткну», подумавши, Ю. У. сдѣлалъ себѣ рукавицы изъ тридцати волчьихъ лапъ и повѣсилъ ихъ на колышекъ.

«Если съ нижняго мѣста поднимется бѣдой вонючій родъ (33), то накрою ступней», подумавши, Ю. У. шилъ себѣ изъ камысовъ тридцати сахатыхъ торбасы (34) и повѣсилъ ихъ на колышекъ.

«Если задуютъ вѣтры — морозы съ юга-сѣвера, съ востока-запада — заслону спиной», подумавши, Ю. У. шилъ себѣ даху изъ тридцати волчьихъ шкуръ и повѣсилъ на колышекъ.

Однажды раннимъ утромъ Ю. У. слышитъ-ли во снѣ или на яву сквозь тонкій сонъ — отголосокъ отдаленнаго пѣнія.

«Именитый Ю. У.! посмотри ты кругомъ себя: на твоемъ полѣ жеребцы твои кобылъ имѣютъ; въ твоихъ хотонахъ (35) быки — съ коровами; всѣ бѣгающія четвероногія — съ самками, всѣ летающія по поднебесью крылатыя — съ парами; плавающія въ водѣ рыбы — стадятся, копающіеся и ползающіе по землѣ и въ землѣ черви и всякіе гады тоже водятся съ себѣ подобными. Всѣ они нарождаютъ дѣтей себѣ подобныхъ. Только ты одинокъ и спишь день и ночь какъ какая нибудь лѣнивая дѣвка. А тебѣ-ли не найти себѣ подъ пару? Дѣвокъ на срединномъ мѣстѣ больше, чѣмъ рыбы кыкынай (36). Вотъ, если ѣхать по направленію весенняго восхода солнца, доѣдешь до *Ханъ-хара-ханъ Тоенгъ'а* и *Ханъ-хара-ханъ Хатынъ'а* (37); у ихъ дочь краше всѣхъ солнцемъ виданныхъ. И она у ихъ точно глазъ смотрящій, точно зубъ, который жаль и больно выбить (38). Поѣзжай туда и возьми ее, если ты мужчина, а не дѣвка, обсывающая себѣ ноги (39). И звукъ пѣнія смѣшался съ утреннимъ пѣніемъ мелкихъ пташекъ (40).

Очнувшись, или разбудившись, Ю. У. сначала страшно разсердился: «кто осмѣливается беспокоить меня въ моемъ домѣ (41), указывать мнѣ дѣлать то или другое и звать меня куда-то, указывать на какую-то дѣвку?». Потомъ одумался и сталъ собираться въ дорогу.

Вышелъ онъ въ поле и поймалъ свою вольнобѣгающую бѣлую лошадь, вывелъ ее и привязалъ

ее къ главной коновязи, «пусть вывяжется, высохнетъ (42)», подумаль.

Поймалъ онъ одну семь лѣтъ не жеребившуюся кобылу, убилъ ее и мясо ея превратилъ въ маленький кусокъ, помѣщающійся въ сумку съ дорожнымъ котелкомъ.

Спустился онъ въ молочное подполье и изъ семи бадей сметаны сдѣлалъ небольшой смиръ (43) масла. Послѣ этого самъ онъ цѣлый мѣсяцъ примѣрялъ къ себѣ платье и оружіе: стоя, сидя, лежа, на ходу. Все оказалось въ порядкѣ: лукъ его не могли бы согнуть, а тетиву (44) ея выгнуть тридцать сытыхъ парней—молодцовъ; наконецникъ стрѣлы (45) былъ въ три пуда; на пальмѣ (46), закаленномъ въ мочѣ девяти дѣвокъ, девятью разными кузнецами, отражались губы и зубы юноши чловѣка, а *чолпо сюллояся* (47) былъ въ сто пудовъ вѣсомъ.

Когда минуло тридцать дней мѣсяца, онъ попробовалъ прорѣзать острой пальмой ляжку коня—кровинки не показалось. «Значитъ, конь мой вывазлся», подумаль Ю. У. и, осѣдлавъ коня, перетянулъ его четырьмя захлестывающимися подпругами. Кончивъ всѣ приготовления и, одѣвшись, Ю. У. пошелъ къ своему кургану, подошелъ къ почтенному дереву, ведущему бесѣду съ небесами и вѣтрами, поднялъ уши своей шапки (48), опустился на одно колѣно, оперся о воткнутую въ землю остреемъ внизъ пальму и сталъ такъ пѣть—говорить:

«Почтенная и важная госпожа, духъ-хозяйка моего дерева и жилия! Все живое имѣетъ пару — плодитъ себѣ подобныхъ; только я одинокъ. Хочу я ѣхать и отыскать себѣ подходящую пару, хочу помѣряться силой съ себѣ подобными, хочу посмотреть на людей, хочу жить, какъ слѣдуетъ чловѣкомъ быть. Не откажи мнѣ въ своемъ благословеніи, умоляю тебя съ наклоненной, погорной головой и преклоненнымъ колѣномъ (49).

Дерево зашелестѣло своими листьями и съ нихъ свѣжій, мелкій молочный дождикъ оросилъ Ю. У-на. Подулъ теплый вѣтерокъ и дерево закрипѣло. Поскрипѣло, поскрипѣло дерево—и у корня его, изъ подъ земли, вышла до пояса хозяйка—духъ дерева и мѣста, женщина среднихъ лѣтъ, съ серьезными

глазами, распущенными волосами и обнаженными грудями. Она дала Ю. У-ну пососать правую грудь; онъ за одинъ духъ вытянулъ столько молока, что у ней поблѣднѣли щеки. Дала она лѣвую грудь—и у ней стали синѣть губы; она оттолкнула Ю. У-на рукой въ лобъ, сказавъ: «ой, мальчикъ, остановись, довольно!» Ю. У. почувствовалъ, что силы его увеличились во сто разъ. Затѣмъ хозяйка—духъ земли и дерева благословила Ю. У-на. «Пусть огненные глаза да не взглянуть противъ тебя; пусть стрѣлыязычные да не взглянуть противъ тебя; пусть стрѣлыязычные не попадутъ въ тебя своимъ злымъ словомъ; пусть огонь тебя не ѣстъ (не жгетъ), широкая вода не беретъ, камень не тупитъ, остро-лезвейное не колетъ, не рѣжетъ. Побѣди ты всѣхъ своихъ враговъ и супротивныхъ. Пусть домъ твой имѣетъ хозяйку, дѣти твои—гнѣздо, скоть твой—огорожу и хотоны, а почтенный огонь — горитъ, не угасал». Сказавши эти слова, женщина исчезла подъ землей.

Ю. У. шелъ сюда по землѣ, какъ всякій другой, а теперь, отъ увеличившейся силы, земля его не поднимала: онъ бродилъ какъ по мягкой грязи, по колѣно уходя въ землю.

Какъ черная тетерька вскочилъ онъ на лошадь, схватилъ поводья и повернулъ лошадь на лѣтній восходъ солнца. Въ это время, сестра его, Нуруланъ-ко, бросилась подъ рыло лошади, схватила за поводья и стала со слезами говорить такія рѣчи.

«Не уѣзжай голубчикъ, родной мой! Если безъ тебя кто либо вздумаетъ обидѣть меня—бѣгающій, летающій, видимый, невидимый — кто защититъ меня? Кто приведетъ за ноздрю сахатаго, привяжетъ къ ногамъ своимъ дикаго оленя, накормитъ меня дичью? Кто упромыслитъ множество соболей, рысей и одѣнетъ меня? Кто будетъ смотрѣть за нашимъ скотомъ, станетъ поить, кормить его? У меня сердце беспокоится, предчувствуетъ, что ты встрѣтишь много горя и несчастія. Не ѣзди, не ѣзди—не пуцу я тебя пока жива!»

Ю. У. до крови хлеснулъ свою лошадь плетью и лошадь, взвившись на дыбы, полетѣла. Нуруланъ Ко, повисши за поводья, тоже летѣла вмѣстѣ нѣкоторое время, но кожа съ ея десяти пальцевъ, какъ перчатка, снялась съ рукъ и повисла на поводьяхъ,

а она осталась. Ю. У., увидавъ на поводьяхъ кожу съ бѣлыхъ рукъ Нурулланъ-ко, снялъ ее и положилъ себѣ въ карманъ.

Выѣхавъ на край своего мѣста, гдѣ начинаются голыя каменные горы и откуда его мѣсто казалось какъ серебряный кружокъ—тусакта⁽⁵⁰⁾ женщины человѣка—Ю. У. повернулъ свою лошадь и сталъ говорить.

«Анъ⁽⁵¹⁾ дайдымъ (міръ—мѣсто мое)—прощай!⁽⁵²⁾ не отпирай запертаго, не отвязывай завязаннаго, не туши зажженнаго».

И поѣхалъ онъ дальше. Конь его дѣлалъ по одному переходу за каждый прыжокъ; заденетъ онъ онъ за кустъ, за траву, за дерево—все это заиѣвало, завывало, причитало на разные голоса людей и животныхъ; стопчетъ конь гнилушку, сдвинетъ камешокъ—тоже и они поютъ, хохочутъ и плачутъ.

Ѣдетъ онъ день и ночь, долго-ли коротко-ли, угадывая лѣто по зною, зиму по морозу, осень по инею, весну по сырости. Доѣхалъ Ю. У. до такого мѣста, что ни въ право, ни въ лѣво, ни впередъ—высокія скалы обступили стѣной, да такія высокія, что ни птицѣ чрезъ нихъ перелетѣть, ни когитостому четвероного-бѣгающему чрезъ нихъ перебраться. Остановился Ю. У., вырвалъ изъ гривы коня три волоса и со словами: «Духу-хозяину камня-горы да будетъ это мой гостинецъ-подарокъ!»—бросилъ передъ собой. Волосинки превратились въ трехъ кобылицъ и—откуда ни возмись—три волка напали на нихъ и растерзали, а горы раздались по сторонамъ и открыли ему дорогу⁽⁵³⁾.

Ѣдѣтъ Ю. У. дальше, долго-ли коротко-ли, только вдругъ конь его останавливается какъ вкопанный и говоритъ ему человѣческимъ говоромъ:

«Свыше назначенный мнѣ хозяинъ (иччи) мой! Скоро мы доѣдемъ до одной небольшой избушки; тамъ три дѣвушки—женщины будутъ зазывать тебя; но ты, если дорогъ тебѣ солнца свѣтъ, не только не соглашайся останавливаться и заходить къ нимъ, а даже краемъ глаза не гляди на нихъ—прѣзжай дальше. Иначе мы потеряемъ съ солнечнаго свѣта⁽⁵⁴⁾».

Ѣдетъ Ю. У. дальше; и вотъ на пути его стоитъ небольшая, серебряная избушка, изъ которой вышли три дѣвушки необыкновенной, не пере-

даваемой словами красоты и, красиво выступая, стали ему пѣть говорить:

«Путникъ-человѣкъ! Съ долгой дороги, съ труднаго пути, ты, вѣроятно, утомился, проголодался, пить захотѣлъ, продрогъ, оборвался... Остановись, найди къ намъ! У насъ, у дѣвушекъ, избушка тепла—отогрѣемъ тебя; кумысъ вкусенъ и прохладенъ—напьемъ тебя; сварить жирное мясо съумѣемъ—накормимъ тебя; умѣемъ мы шить—зашьемъ, заплатаемъ оборванное; у насъ, у дѣвушекъ, постель мягка—отдохнешь, а мы сами ласковы, наши груди теплы—понѣжимъ, приласкаемъ тебя! Заходи, заходи!»

«Какія, однако, они ласковыя!» подумалъ Ю. У. и остановилъ коня. Одна изъ дѣвушекъ приняла его коня и передала его какой-то четвертой дѣвкѣ и, въ то время, какъ его двѣ дѣвушки вели подъ руки къ избушкѣ, онъ краемъ глаза замѣтилъ, что коня его дѣвка привязываетъ къ сухому, суковатому дереву такъ, какъ это дѣлаютъ только въ томъ случаѣ, когда собираются убить животное. Но въ тоже время онъ услышалъ за собой укоризненный говоръ одной изъ дѣвушекъ: «никакой-то ты работы не сдѣлаешь путно: развѣ такъ привязываютъ коней почетныхъ гостей? и мы же будемъ виноваты за то, что говоримъ тебѣ, и насъ-же осудятъ за твою неумѣлость! Пошла прочь—я сама перевяжу!» Это успокоило Ю. У.-на. Подвели его дѣвушки къ избушкѣ, распахнули передъ нимъ дверь. Ю. У. переступилъ порогъ и—провалился въ бездну. За нимъ раздались рукоплесканія и хохотъ дьявольщицъ: «Кажись еще одного бѣло-лицаго (уланъ-нюрдахъ) залучили въ свою бездну!»

Долго несло Ю. У. внизъ головой и, наконецъ, онъ хлопнулся на дно. Было тутъ темнѣе осенней ночи въ междулуніе, но онъ оцупалъ тутъ нѣсколько человѣческихъ труповъ. Ю. У. снялъ съ себя даху, послалъ ее, подложилъ подъ голову шубу и легъ, накрывшись половиной дахи.

Нурулланъ-Ко во снѣ увидала, по примѣтамъ угадала, что съ братомъ ея, Ю. У.-номъ случилось несчастіе⁽⁵⁵⁾. Она взяла бубенъ, ударила по нему, сѣла на него и прилетѣла на мѣсто, гдѣ провалился

Ю. У. Ни избушки, ни дѣвокъ-дьяволовокъ не было, а только стоялъ конь Ю. У-на, иступившій до мяса свои каменные копыта, подрывая, дьявольское желѣзное дерево, потерявшій все зубы, перегрызая его, и весь опаленный чертовками, которыя пытались его сжечь своимъ дыханіемъ. Узнавши въ чемъ дѣло, Н. Ко отвязала коня и пустила его на волю, а сама сѣла на бубень, ударила по нему три раза, сказавши: «еслибъ ты меня вознесъ къ отцу-матери господамъ Юрюнь-Аи!» и вылетѣла на верхъ, сквозь семислойное небо, къ отцу своему—Ють - Тась - Олбохтохъ Юрюнгъ-Аи-Тоен'у».

Ю. А. Т. сидѣлъ у себя въ домѣ, рядомъ со своей старухой «Кюбий маганъ-хатынъ». Упала передъ ними на колѣни Нуруланъ Ко и стала плакать такія рѣчи.

«Сначала днемъ⁽⁵⁶⁾ ты спустилъ на землю старшаго брата моего Ю. У-на и меня, сказавъ: плодитесь на срединномъ мѣстѣ, умножьте двуногихъ, воспитывайте скотъ, пусть огонь вашъ не тухнетъ, дѣти ваши будутъ съ гнѣздами, кобылы и коровы—съ огорожами и хотонами. Чтобы исполнить твое повелѣніе и благословеніе, мой братъ, Ю. У., поѣхалъ искать себѣ равную и попалъ въ бѣду: дьявольскія дѣвки хитростью и вѣроломствомъ заманили его и бросили въ бездну. Изъ такой бездны можно его вытащить только тетивой изъ твоихъ серебряныхъ волосъ. Не дай погибнуть моему брату, твоему дѣтищу, не дай твоей плоти и крови на посмѣяніе дьяволамъ, на сѣденіе червямъ и гадамъ! Дай два—три волоса съ твоей головы!»

Страшно разсердился старый Ю. А. Тоень, застучалъ по полу своей, серебряной съ побрякушками, тростью и сказалъ: Развѣ я для того поселилъ его на среднее мѣсто, чтобы онъ тамъ бѣгалъ за каждой встрѣчной дѣвкой и, послушавшись ихъ пустой болтовни, проваливался въ какія то ямки? Пусть его выпутывается, какъ знаетъ, а я не дамъ рвать своихъ волосъ! Убирайся съ моихъ двухъ глазъ долой!»⁽⁵⁷⁾

Заплакала старая Кюбий-маганъ-хатынъ и сказала: «Давайте, дѣвки, мнѣ одѣваться—я пойду!».

— «Куда ты», спросилъ старикъ.

— «А туда, гдѣ погибаютъ мои дѣти! Тебѣ вотъ жаль для спасенія своего дѣтища дать два-три волоска съ головы, которые каждый день, быть можетъ, десятками счесываются гребнемъ и бросаются куда ни попало, топчутся ногами всякаго. А мнѣ жаль моихъ дѣтей! Ты не носилъ ихъ подъ сердцемъ десять мѣсяцевъ, не болѣлъ родами, не кормилъ, не питалъ бѣлымъ сокомъ своего тѣла, не отогревалъ ихъ на своей теплой груди, не подерживалъ ихъ, когда они еще не умѣли ходить. Тебѣ не жаль! Ишь ты какой! Спустилъ дѣтей ни въсть въ какое то срединное мѣсто, гдѣ люди живутъ пополамъ съ чертями, да и горя ему мало! Ужъ чѣмъ мнѣ *стыдно* жить съ тобой, выжившимъ съума старикомъ, лучше я спущусь на срединное мѣсто и тамъ умру съ своимъ дѣтьми—по крайнѣй мѣрѣ не буду знать, что дѣти мои умерли, что жизнь ихъ не продолжается въ жизни ихъ дѣтей».

«Стой, старуха! поймалъ ее за полу Ю. А. Т., куда тебѣ, старой, идти *въ пыльное*⁽⁵⁸⁾ и холодное мѣсто... ну, ужъ нечего дѣлать, обратился, онъ къ Нуруланъ Ко, возьми три волоса съ моей головы—не больше, а то видишь, мать твоя совѣмъ съума спятила!».

Зашла Н. Ко за спину Ю. У. Т-на, мигнула своимъ братьямъ и сестрамъ, тѣ побѣждали и общими силами, намотавъ на руки большую прядь серебряныхъ волосъ Ю. А. Т-на, и упершись ему ногами въ спину — вырвали ихъ совѣмъ съ кожей и мясомъ.

«Ой!» крикнулъ Ю. А. Т., «ты кажется цѣлый клокъ вырвала? ну вотъ я же тебя!» И поднявъ свою серебряную трость, онъ погнался за Н. Ко, но, добѣжавъ до середины поля, запыхался, закашлялся старый и вернулся домой, не догнавъ Н. Ко, а та сѣла на бубень и спустилась на среднее мѣсто⁽⁵⁹⁾.

Свила Н. Ко изъ волосъ Ю. А. Т-на длинную тетиву и, привязавъ на конецъ ея камень, спустила въ бездну. Стукнулся камень прямо въ лобъ Юрюнгъ-Уолана и пробудилъ его отъ дремоты. Схватилъ онъ за тетиву и только что собрался подняться по ней, какъ изъ подъ него поднялся кто-то и сказалъ: «я тоже двуногій и меня тоже хитростью

осьминогихъ завлекли и сбросили сюда: будь милостивъ—возьми меня съ собой—я отплачу тебѣ въ трудное время». Ю. У. согласился. И они по тѣтивѣ поднялись ни срединное мѣсто. Первымъ поднялся Ю. У., оглянулся и передъ нимъ очутился и завертѣлся волчкомъ трехъ гранный каменный чело-вѣкъ.

«Соболь между якутовъ, конь между чело-вѣками⁽⁶⁰⁾, свѣтлосердый и чистодумный Юрюнгъ-Уоланъ! благодарю тебя за твою помощь! но и я, когда нибудь, пригожусь тебѣ. Если тебѣ нужна будетъ помощь, ты только скажи: «гдѣ бы ты ни былъ—летаешь ли по поднебесью, ныряешь ли подъ землей, плаваешь ли въ водахъ съ рыбами, на концѣ ли середняго мѣста—будь здѣсь во мгновение ока, Кытыграсъ-бараччи⁽⁶¹⁾, насталь мой смертный часъ!»⁽⁶²⁾ и я тутъ же буду, прощай. Сказавъ это, Кытыграсъ-бараччи обернулся въ огромнаго, затемняющаго полнеба, трехголоваго орла и улетѣлъ, скрылся съ гласъ въ густыхъ облакахъ.

Между тѣмъ лошадь Ю. У. на выходилась, оправилась: зубы, копыта и шерсть отросли снова, но силъ у ея никакихъ не было. И сказала Ю. У. ну, который и самъ едва держался на ногахъ: «у меня въ правомъ ухѣ спрятано «Ю. А. Тосень-сюлю-ля»⁽⁶³⁾ величиной съ яички *армысъ-кусъ*⁽⁶⁴⁾. Вынь его, самъ поѣшь, помажешься и меня накорми, помажь». Ю. У. нѣ сдѣлалъ, какъ сказано, и у него и у лошади силъ прибыло больше прежняго.

Бдѣтъ онъ дальше и видитъ: на срединѣ обширнаго прекраснаго поля стоитъ домъ, а на пряслахъ огорода сидятъ три дѣвушки—красавицы и подшиваютъ подошвы къ торбасамъ. Увидали они Ю. У. на и поютъ:

«Именитый, славный Ю. У.! Мы знаемъ, что ты ѣдешь искать *парнуо*⁽⁶⁵⁾ себѣ и не думаемъ, чтобы которая нибудь изъ насъ была достойной тебя. Но вѣдь солнце своимъ свѣтомъ и тепломъ никого не обдѣляетъ, хотя и ходить по синему небу. Такъ и ты не обдѣли насъ своей добротой и красотой, чтобы было намъ на старости чѣмъ вспомнить молодость. Остановись, зайди къ намъ, поѣшь, отдохни, побесѣдуй, поиграй, потѣшься съ нами! Если

же ты торопишься къ равной тебѣ, такъ хоть поиграй съ нами немного въ жмурки⁽⁶⁶⁾. Если это не можешь—хоть поцѣлуй насъ по разу; если этого не можешь сдѣлать, то хоть погляди на насъ ласковымъ окомъ; если и этого не можешь сдѣлать, то хоть которую нибудь изъ насъ, на выборъ, задень своимъ хлыстикомъ; мы и эту милость будемъ вспоминать всю жизнь!».

—«Э, нѣтъ!» думаетъ Ю. У. «Знаю ваши штуки, опять въ пропасть заманиваете!» и онъ пробѣжалъ, даже не взглянувъ на нихъ.

А дѣвушки заплакали и сказали: «на что намъ жить, дѣвушки, коли онъ даже и взглянуть то на насъ побрезговалъ, даже задѣтъ своимъ хлыстомъ не хотѣлъ! Кто на насъ посмотритъ? лучше ужъ умереть, чтобы не дожидаться большого стыда и срама». И они распустили свои длинные косы, по-обрывали ихъ, поспѣшно скрутили изъ нихъ крѣпкія веревки и, всѣ трое, удавились на тѣхъ же пряслахъ, на которыхъ сидѣли⁽⁶⁷⁾.

Бдѣтъ Ю. У. день и ночь, зиму и лѣто и, наконецъ, подѣзжаетъ къ жилищу очень богатому и почтенному. За три дневныхъ переѣзда засверкала передъ нимъ серебряная изба. Бдѣтъ онъ и видитъ: ни травки не помято; на пыльныхъ тропинкахъ и на пыльныхъ дорогахъ не видать ни какого слѣда живаго существа: было все тихо и безмолвно, точно все повымерло. Подѣхалъ онъ къ дому—никто не вышелъ принять его лошадь. Постучалъ онъ рукояткой хлыста по навѣсу на дверью—никто не вышелъ. Покружился онъ на мѣстѣ, нечего дѣлать, спустился съ коня, привязалъ коня къ столбу и сталъ ждать, не выйдетъ ли кто, а то ему, какъ жениху, стыдно было самому себѣ отворять дверь. Проходилъ, прождалъ онъ цѣлыхъ тридцать дней и ночей мѣсяца и, никого не дождавшись, вошелъ въ домъ.

Въ домѣ было также тихо, какъ и около: никакой челяди, никакихъ домочадцевъ не видать; огонь въ комелькѣ, повидимому, давно потухъ. Только на переднемъ мѣстѣ сидѣли старикъ со старухой; сидѣли они упершись лбами на поставленные передъ собой серебряныя трости и не поднимали головы.

Постояль, постояль Ю. У. и съѣлъ, ожидая, что хозяйка съ нимъ заговоритъ (68). Прождалъ онъ три дня и три ночи и самъ началъ:

«Сказывайте», сказалъ онъ.

Ни слова.

«Сказывайте», крикнулъ онъ.

Ни слова.

«Сказывайте, я вамъ говорю, если живы, а то я васъ разрублю на нѣсколько частей!» еще громче крикнулъ Ю. У. и страшно разсердился, такъ что мускулы его стали лопаться, по лбу забѣгала кровь, жилы натянулись какъ тетива лука и затрещала нара, на которой онъ сидѣлъ.

Ни слова!

Ю. У. соскочилъ съ мѣста, но—звякнула дверь съ побрякушками (69) и онъ остановился какъ вкопанный.

«Не лѣтнее-ли солнце, сорвавшись съ небесъ, вошло въ избу?» подумалъ онъ—то было лицо дѣвушки - человѣка. Она была невиданной красоты не передаваемой словами и говорила ему такія рѣчи:

«Это ли ты, именитый, славный Юрюнгъ Уолаицъ? А поглядѣть на тебя—ни на ложку у тебя мозговъ въ головѣ, ни на ковшикъ крови въ твоей тучной спинѣ, ни крошечки толку! Или ты не видишь, что старики совершенно потеряли смыслъ и память отъ горя? Развѣ не видалъ ты, ничто живое не окружаетъ насъ? И ты еще хочешь убивать стариковъ, надъ ними показывать свою богатырскую силу и удалъ! Можетъ быть ты и со мной пустишься въ драку—не посмотришь на то, что я дѣвка? и этого то человѣка я звала на помощь, надѣялась на него, ждала какъ избавителя отъ дьявола!.. Нѣтъ, видно съѣстъ дьяволь отца и мать, какъ съѣлъ онъ весь нашъ народъ, какъ съѣлъ онъ весь нашъ скоть. Срокъ приближается, разными хитростями я заставила его ждать 9 лѣтъ и за это время онъ съѣлъ все живое, что насъ окружало, а въ полнолуніе этого мѣсяца онъ съѣстъ отца и мать и возьметъ меня. Лучше ужъ мнѣ собираться въ дорогу съ дьяволомъ, простившись съ отцомъ и матерью, которые сгниютъ въ его вонючемъ, чернокаменномъ чревѣ».

И она, заплакавши, скрылась за той же дверью, изъ-за которой вышла.

Страшно сконфузился Ю. У., выбѣжалъ въ поле и сталъ его обходить. На западной сторонѣ, у опушки лѣса, увидалъ онъ холмъ. Подошелъ онъ къ нему и увидалъ, что не холмъ это, а дьяволь, страшное подобіе человѣка: онъ былъ весь изъ желѣза, съ единственнымъ глазомъ по среди лба (70).

Выхватилъ Ю. У. свой сюлюгасъ и, присѣвъ на корачки, ударилъ имъ по лбу дьявола.

Дьяволь замычалъ.

Ю. У. ударилъ въ другой разъ, такъ что лобъ у дьявола вдаль и тотчасъ, со звономъ, точно дно желѣзнаго котла, выпрямился.

Дьяволь поскребъ свой лобъ пальцемъ и продолжалъ храпѣть.

Ю. У. въ третій разъ ударилъ дьявола по лбу, такъ что эхо отъ удара раздалось, какъ отдаленный раскатъ грома, и дьяволь со словами: «О ба, батъ! какъ больно кусаются здѣшніе мухи-комары!» съѣлъ и сталъ скрести свой лобъ кривыми, какъ когти «эсюлю-кыль», пальцами.

Устремивъ на Ю. У. на свой, какъ карася уха, мутный, величиной со сюдянное окно русскаго человѣка, единственный глазъ, дьяволь улыбнулся и обнаружилъ два ряда, какъ арбыя (71), зубовъ.

«Гм., гм., сказалъ дьяволь, вотъ и отлично—дождался наконецъ? А то я совѣмъ измучился, ждавши тебя! невѣста моя какая то чудная: все не находится для нее подходящаго *эниа-кулутъ* (72), а приходило-то ихъ много: придетъ это, да на меня и накинется, точно я виноватъ въ чемъ! А чтожь я?—съѣдалъ ихъ тотчасъ!.. Невѣста посылаетъ за новымъ, а я, какъ женихъ, не долженъ перечить ей. И живу здѣсь цѣлыхъ девять лѣтъ, и все впроголодь: всего по тридцати штукъ крупнаго и мелкаго скота съѣдаю за одинъ разъ. А тестъ и теша, подико, обидятся за то, что пріѣлъ весь ихній скоть, весь ихній народъ! Да что же дѣлать, коли я голоденъ? Я и ихъ самихъ собирался было съѣсть, хоть мало, а все-бы червяка заморилъ, и зачѣмъ они эдакую своенравную дѣвченку воспитали? Я вотъ уже цѣлый годъ ничего не ѣлъ—все больше сплю отъ голода... Ну, вотъ теперь хорошо, что ты пришелъ, можетъ придешься по нраву, съумѣешь быть подходящимъ *эниа-кулутъ*. А вѣдь меня и дома то

ждутъ: семь плѣшивыхъ сыновей женить, семь плѣшивыхъ дочерей женить не дѣтская игра⁽⁷³⁾. А были и невѣсты и женихи—вотъ ужъ 9 лѣтъ ждуть меня со всѣми сватовьями и сватьями. И сколько поди-ко добра моего прѣѣли—тоже есть между ними ѣдоки не хуже меня. Только желаніе женить сыновей и выдать замужъ дочерей, не будучи вдовцемъ⁽⁷⁴⁾, заставляетъ меня такъ терпѣливо и съ такими лишеніями ждать срока, назначеннаго невѣстой. Ну, собирайся живѣй въ дорогу. Я человекъ старѣй, а ты молодой—поварачивайся!.. Я, по старости лѣтъ, не могъ присмотрѣть за комароногими дѣтми моихъ тридцати тѣнеобразныхъ *наложницъ*⁽⁷⁵⁾, а ты за ними присмотришь!.. Я, по старости лѣтъ, быть можетъ, кое чего и не смогу съ женой молодой, въ чемъ нибудь сконфужусь, а ты тогда своими совѣтами, своимъ подстрекательствомъ и поддразниваніемъ поможешь мнѣ».

—«Ахъ ты *черный, сажей маранный, четырехглазый пещь*⁽⁷⁶⁾, осминогій аджарай! Ишь вѣдь какія досадныя рѣчи говорить! А вотъ я темя твою на четыре части разрублю, самого—на пять частей!» крикнулъ Ю. У. и бросился на дьявола со своей длинной *дуура батас'омъ*⁽⁷⁷⁾. Батасъ, какъ о камень, сломался пополамъ, а дьяволъ бросился на Ю. У.—на. Человекъ отрывалъ отъ дьявола куски желѣза и отбрасывалъ въ сторону, а дьяволъ отрывалъ отъ человека куски мяса и тутъ же проглатывалъ. Отъ шума ихъ драки поднялся ураганъ и перекатывалъ камни величиной съ лежакаго быка: *сухонутное ползло въ воду, водное выбросило на сушу*⁽⁷⁸⁾. Жители неба, услышали шумъ драки и отворотивъ слои неба, увидали дерущихся и сказали: «надобно плотнѣе закрыться—чего добраго—пожалуй, еще задѣнуть. Обитатели преисподней тоже услышали шумъ, выглянули оттуда и поспѣшно сгнули съ перепугомъ⁽⁷⁹⁾».

Долго они дрались, какъ равный съ равнымъ, но, наконецъ, дьяволъ сталъ одолевать человека: сталъ Ю. У. спотыкаться, падать на колѣни. Видитъ онъ—дѣло плохо, превратился въ расплавленное олово и провалился сквозь землю⁽⁸⁰⁾. Дьяволъ потерялъ его съ глазъ, но ему почему-то показалось, что Ю. У. спрятался въ дупло пня и дьяволъ сталъ

грызть всѣ пни, взрывать своими когтями всѣ возвышенности. Такъ перегрызъ и переѣлъ онъ множество пней и кочекъ, обломалъ всѣ свои зубы и когти, а тѣмъ временемъ отдохнувшій Ю. У. снова бросился на дьявола. Но Ю. У. состоялъ изъ плоти и крови, а дьяволъ былъ желѣзный и поэтому снова сталъ одолевать его. Вспомнилъ тогда Ю. У., что въ карманѣ его находится кожа съ пальцевъ его сестры. «Будьте десятю бѣлыми медвѣдями!» сказалъ Ю. У. и бросилъ кожицы съ пальцевъ Нуруланъ Ко на дьявола. Какъ сказано, десять злыхъ бѣлыхъ медвѣдей бросились на дьявола. Долго дрался онъ съ ними; они его всего изцарапали, но онъ все-таки всѣхъ ихъ съѣлъ до одного. Но зато не могъ шевельнуться съ мѣста—упалъ на землю, рядомъ съ Ю. У.—номъ, который, тоже обезсиленный, лежалъ на землѣ. Лежать они рядомъ и смотрятъ другъ на друга мутно-сонными глазами⁽⁸¹⁾».

Первый собрался съ силами Ю. У., всталъ, подошелъ къ дьяволу и, свернувъ ему шею, потянулъ голову, чтобы отдѣлить ее отъ туловища. Голова отдѣлилась отъ туловища, но за головой потянулся черный пречерный спинно-хребетный мозгъ. Ю. У. потянулъ голову дьявола дальше, вытянулъ черный тягучій мозгъ до конца и вдругъ этотъ мозгъ обвилъ его кругомъ, какъ какая то длинная веревка, лишила его малѣйшаго движенія, стянула и сжала его въ тиски, а дьявольская голова грохотала—хохотала надъ ухомъ: «теперь ты мой, дружокъ—не отвернешься, попался!⁽⁸²⁾».

Почувствовалъ Ю. У., что солнечный свѣтъ меркнетъ въ очахъ и онъ, собравши послѣднія силы, крикнулъ:

«Эй, Кытыграсъ Бараччи! насталъ послѣдній день моей гибели! гдѣ бы ты ни былъ: летаешь ли по поднебесью, находишься ли на краю земли, ныряешь ли въ преисподней—поспѣши ко мнѣ, не допусти сгнить мнѣ въ утробѣ дьявольской!»

Не успѣлъ онъ сказать—летитъ затемняющая полнеба баръ-эксюкю птица и кричитъ: «Эй, дьяволъ! твой чередъ насталъ, твоя мѣра переполнилась, твои зарубки наполнились, довольно дѣлать бѣды, было тебѣ сказано: берегись замышлять и дѣлать супротивное противъ созданныхъ Аи чело-

вѣковъ и животных!» и баръ-эксюкую птица въ одно мгновеніе ока разорвала на четыре части перепуганнаго дьявола.

«Ну, прощай, товарищъ, сказалъ Кытыграсъ бараччи, принявъ свой обыкновенный видъ трехграннаго каменнаго человѣка, скоро мы едвали увидимся, а за услугу я что нибудь у тебя попрошу послѣ». «Чтобы ты ни попросилъ, я для тебя ничего не пожалѣю!» сказалъ Ю. У. ⁽⁸³⁾.

Страшно уставшій и измученный Ю. У. вышелъ на опушку лѣса, развелъ костеръ, подложилъ подъ голову шубу, раздѣлся, подостлалъ подъ себя одежду и легъ, накрывшись дахой.

Спалъ ли онъ, не спалъ ли, во снѣ, или наяву; поздно ли вечеромъ, раннимъ ли утромъ, вдругъ залѣзла ему подъ одѣяло совершенно голая женщина...

Долго ли, коротко ли спалъ Ю. У., но разбудившись онъ увидалъ, что мѣсто приняло живой видъ: табуны коней ржали, коровы мычали, пастухи и прочій рабочій людъ ѣздили и бѣгали туда и сюда — точно никакой бѣды здѣсь и не случилось ⁽⁸⁴⁾.

Ю. У. созвалъ свистомъ своего коня и, сѣвъ нанего, поѣхалъ къ дому Хан-хара-хан-тоена. Двѣнадцать молодыхъ парней отодвинули передъ Ю. У.—номъ прясла воротъ огорода; три почетныхъ мужа встрѣтили его во дворѣ и одинъ изъ нихъ принялъ поводъ коня, двое поддерживали стремяна, пока онъ спускался. Коня его привязали къ Тоень-сяргя, откуда до дверей дома была настлана зеленая трава. *Дверной отворилки* распахнулъ дверь и Ю. У. вошелъ въ избу.

Когда онъ сѣлъ, девять сытыхъ парней поднесли на большой доскѣ навареннаго жирнаго мяса девять лѣтъ не жеребившейся кобылы; повернулись они и не дошли еще обратно до угла шестка, Ю. У. сказалъ: «убирайте!»; десять сытыхъ парней обернулись и увидали, что Ю. У. уже все поѣлъ, только кости выпрыснулъ.

Девять сытыхъ дѣвокъ поднесли цѣлый *холлоюсъ* кумысу, держа его за девять серебряныхъ

серегъ. Не успѣли дѣвки дойти обратно до шестка: «убирайте», сказалъ Ю. У., а *холлоюсъ* былъ сухохонекъ.

Напившись и наѣвшись, Ю. У. обратился къ старикамъ хозяевамъ отдать за него ихъ дочь *Ытыкъ-ымыяланъ Ко*. «За кого намъ и отдать, какъ не за тебя», сказали старики.

Послали звать гостей съ близи и изъ далека на свадебное пиршество. И собралось множество народа, набили много скота. Борцы здѣсь боролись, бѣгуны бѣгались, дѣвки и парни въ жмурки играли, на коняхъ бѣги устранивали, прыганья съ ноги, съ двухъ ногъ, на одной ногѣ; мѣрялись силами, тянулись на палкахъ. Сказочники сказывали сказки, прибаутчики говорили прибаутки, насмѣшники говорили смѣхотворныя рѣчи, пѣвцы слагали пѣсни и воспѣвали все собраніе. Девять *ан оюна* передъ тремя молодыми березками говорили благословенія ⁽⁸⁵⁾, три дня и три ночи играли, веселились и смѣялись.

Между тѣмъ, въ первый же вечеръ, втокнули Ю. У.-на за дверь, на кровать дѣвушки Ы. Ы. Ко, которая была положена на рысью постель, подъ соболинное одѣяло, раздѣтая до-гола, какъ весенняя вѣтка ивы съ содранной корой. Ю. У. наглухо завязалъ подъ подбородкомъ свою шапку, застегнулся на все пуговицы, завязался на все ремешки, туго затянулся поясомъ, надѣлъ рукавицы, легъ къ дѣвушкѣ спиной и такъ пролежалъ всю ночь до утра, не сказавъ дѣвушкѣ ни грубаго, ни ласковаго слова, не вздохнувъ даже въ ея сторону, такъ продѣлалъ онъ все три ночи ⁽⁸⁶⁾.

На четвертый день Ю. У. сталъ собираться домой. Хан-хара-ханъ Тоень отдѣлилъ для дочери третью часть всего своего скота, всехъ своихъ рабовъ, а та сказала: «мнѣ не надо ни скота, ни рабовъ; ты мнѣ дай только одну обрудь жеребячью, одинъ намордникъ телячій, одну ложку деревянную, одну пуговицу и одну люльку дѣтскую, мнѣ и этого довольно на чужбинѣ, чтобы вспоминать о родной сторонѣ». Ханъ-хара-ханъ Тоень согласился и поѣхалъ Ю. У. съ женой. Отѣхавши на средину поля, *Ытыкъ-ымыяланъ Ко* помахала по воздуху обрудью, намордникомъ, ложкой и люлькой.

Увидали жеребята свою обрудь и сказали: «а мы отъ своей обрути не отстанемъ!» и все пошли

за Ю. У.; увидели это кобылы и сказали: «коли дѣти наши ушли—намъ не зачѣмъ оставаться» и пошли за Ю. У.; увидели это жеребцы и сказали: «а мы безъ женъ тутъ не останемся» и пошли за Ю. У-номъ. Такимъ же порядкомъ пошли коровы, вся домашняя утварь за ложкой, всѣ рабы за дѣтьми. Остались дома только старики Ханъ-хараханъ, да Симяхсинь-эмяхсинь. Послѣдняя, увидавши, что уходитъ вѣсь народъ и скотъ, даже вѣсь домашній скарбъ, поспѣшно втащила въ избу нѣсколько охапковъ сѣна и старой берестяной посуды и, зажегши это, крикнула что есть мочи: «эй, ты, Ытыкъ-ымыяланъ Ко! повиснувши на шею мужчины и не видишь, что твои родители сдѣлались пищей, добычей огня!» Ытыкъ-ымыяланъ Ко взглянула въ полъоборота и за ней обернулась половина скота, людей, посуды и всего домашняго скарба. Какъ обернулась, такъ и осталась. Съ тѣхъ поръ невѣста, отгѣзжающая отъ дома родителей въ домъ мужа, никогда не оглядывается, чтобы не оставить здѣсь свое счастье (87).

Долго-ли, коротко-ли шли они путемъ-дорогою, однажды, вечеромъ, когда костры были разведены и сдѣлалось уже темно на небѣ, вдругъ, весь народъ и скотъ, испугавшись чего-то, шарахнулся въ одну сторону. Ю. У. сдѣлалъ надъ глазами щитокъ рукой и увидѣлъ по другую сторону костра совершенно голую женщину, которая держала на рукахъ недавно родившагося мальчика.

«Ю. У.! сказала она, если ты имѣешь стыдящееся лице—возьми своего ребенка!» Ю. У. сорвался съ мѣста, схватилъ полѣно съ огнемъ и бросился на женщину, но она съ ребенкомъ мгновенно исчезла.

Когда легли спать, Ы. ымыяланъ Ко спросила его: «Догоръ, (другъ), кто это приходилъ и какія это странныя рѣчи говорилъ?»

—«А почему я знаю, какіе тутъ духи шляются и болтаютъ всякій вздоръ», разсердился Ю. У. и, по обыкновенію, обвязался, застегнулся, затянулся и повернулся къ ней спиной.

На другой вечеръ случилось тоже самое, но только ребенокъ — мальчикъ былъ по второму году, Ю. У. на вопросъ жены отвѣчалъ по вчерашнему.

На третій вечеръ опять народъ и скотъ съ испугомъ шарахнулся въ сторону. На этотъ разъ стояла уже не голая, а прекрасно и богато одѣтая женщина, чрезвычайно красивая и держала за руки трехлѣтняго мальчика. Она говорила Ю. У.—ну сквозь слезы гнѣвныя рѣчи:

«Ю. У. ты видно именитъ и славенъ для тѣхъ, кто тебя не знаетъ, а на самомъ дѣлѣ нѣтъ у тебя стыдящагося лица, нѣтъ въ тебѣ жалѣющаго сердца. Если ты обошелся со мной въ мои темные дни, какъ съ послѣдней дѣвкой, какъ съ грязной посудой, въ которую плюютъ, да къ ней потомъ не оборачиваются, но пожалѣлъ бы хоть свою плоть и кровь своего сына. На, возьми его! А мнѣ нечего дѣлать на свѣтѣ солнца: есть крѣпкія веревки, острые лезвія, глубокіе омуты, они мнѣ помогутъ!» и она бросила, чрезъ костеръ, мальчика на колѣни къ Ю. У.—ну. Послѣдній вскочивъ на ноги, побѣжалъ и поймалъ женщину и привелъ ее на станъ. «Вотъ предназначенная, равная мнѣ жена моя!» Послѣдняя рассказала ему, что ее болѣе десяти лѣтъ преслѣдуетъ дьяволъ, что она залѣзла ему *тогда* подъ одѣяло безъ всякой задней мысли, просто убѣгая отъ дьявола, что тогда же и забеременѣла, что она и теперь не пришла бы къ нему, еслибы не ребенокъ, съ которымъ трудно уйти отъ дьявола, что она старшая сестра Ытыкъ-ымыяланъ Ко, а зовутъ ее «Кюнь-ый къса, кюнь-дяли-маганъ удаганъ» — «солнца-луны дочь, солнце-блестящая-бѣлая удаганъ».

И пошли они дальше: новая женщина, какъ жена Ю. У.—на, а Ы. ымыяланъ Ко какъ свояченица.

Мальчикъ росъ по сказочному, что ни сутки—годъ прибавляется. Сталъ просить отца и мать, дать ему имя. Они его назвали: «Кюню керсе теребють, кеньчя-беге», «на встрѣчу солнца родившійся кеньчя-крѣпкій». Съ 10 лѣтъ мальчикъ уже не шель еъ ними, а шель своей дорогой, по горамъ и каменистымъ мѣстамъ, потому что не могъ идти по слабому грунту, вслѣдствіе своей силы и тяжести.

Долго-ли, коротко-ли шли они, однажды, на дневной остановкѣ услышали шумъ подъ небесами и увидели, что ястребъ преслѣдуетъ бѣлаго снигиря:

Вдруг санигрекъ съ звонкимъ крикомъ и плачемъ спустился прямо на колѣни Ю. У—на и превратился въ молодую, перепуганную дѣвушку, сестру Ю. У—на въ Нуруланъ Ко, а ястребъ превратился въ трехгранно-каменнаго человѣка—Кытыгрась-бараччи.

«Ой, мой братъ, спаси меня! меня преслѣдуетъ дьяволъ!» сказала Нуруланъ Ко.

«Вовсе и не дьяволъ, да вовсе и не преслѣдовала, сказала Кытыгрась-бараччи. Дѣло вотъ въ чемъ, мой вѣрный другъ, Ю. У—нъ: я совсѣмъ не имѣлъ намѣренія напугать ее, или сдѣлать ей что нибудь дурное; мнѣ просто пришло въ голову посмотрѣть, въ какомъ положеніи находится твой домъ и огонь, не обидѣлъ-ли кто... А она, вотъ гляди, испугалась и вспорхнула птичкой куда глаза глядятъ. Я подумалъ, что она, съ переполоху можетъ залетѣть ни вѣсть куда, можетъ встрѣтиться съ какимъ обидчикомъ, по неволѣ полетѣлъ за ней, чтобы вернуть ее домой. Вотъ и все. Ну, а затѣмъ вотъ что: ты, Ю. У—нъ, нѣкогда сказалъ, что при случаѣ окажешь мнѣ услугу, какую только можешь; такъ вотъ теперь окажи: отдай мнѣ свою сестру въ жены, а я въ состояніи прокормить и обогрѣть одну жену, да и въ обиду ужъ ни кому не дамъ».

—«Возьми, сказалъ Ю. У., пожалѣю ли я для тебя дѣвку!»

—«А я ни за что на свѣтѣ не пойду!» крикнула Нуруланъ Ко, уцѣпившись за брата.

—«А ужъ я во что бы то ни стало возьму», сказалъ Кытыгрась-бараччи и, схвативъ Нуруланъ Ко, улетѣлъ на крыльяхъ орла: только дѣвичій пискъ раздался въ отдаленномъ концѣ неба.

Конецъ 1-й части.

Н. Гороховъ.

Примѣчанія къ сказкѣ „Юрюнгъ-Уоланъ“.

(¹) „Юрюнгъ-Уоланъ“ значитъ „бѣлый юноша“, или сынъ (уоль-сынъ). Я выбралъ эту сказку, во-первыхъ потому, что она мнѣ кажется болѣе типичной между всѣми другими якутскими сказками; во-вторыхъ, потому что она, несомнѣнно самая популярная между якутами, самая, такъ сказать, обработанная, почти единственная, которую всякій мало-мальски порядочный сказочникъ знаетъ и рассказываетъ почти одинаково съ другими, тогда какъ другія сказки, которыхъ безчисленное множество, всѣ жестоко перевираются, перепугиваются и въ 3-хъ я выбралъ эту сказку потому, что разъ уже, давно впрочемъ, лѣтъ 17-ть тому назадъ, записывалъ ее со словъ замѣчательно талантливаго и умнаго сказочника, слѣдовательно, не говоря уже о томъ, что сказку эту приходилось мнѣ прослушать не одинъ десятокъ разъ, она лучше врѣзалась мнѣ въ память. Но, во всякомъ случаѣ, я снимаю съ себя ответственность за собственные имена: ихъ чрезвычайно трудно помнить по сложности и совершенной неупотребительности въ живомъ обиходѣ. Такъ-же необходимо замѣтить, что въ изложеніи сказки я хотя и старался передать, насколько умѣю, манеру сказочнаго языка якутовъ, но это оказывается дѣломъ чрезвычайно труднымъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и невозможнымъ. Изъ сказки я ничего не выбрасывалъ, но ее пришлось сильно сократить, потому что я не имѣю возможности передать подробности всей причудливости сказочнаго языка и, если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ читатель и замѣтитъ таковыя, то я ихъ помѣстилъ потому, что хорошо ихъ помнилъ, да еще для того, чтобы дать хотя приблизительное понятіе о сказочномъ языкѣ якутовъ и о тѣхъ подробностяхъ, въ которыя они силою и рядомъ вдаются. При этомъ я просилъ бы еще снисхожденія къ моему труду еще и потому, что я рѣшительно не имѣю возможности, т. е. времени обработать его хоть мало-мальски тщательно, обдумать и припомнить забытое; а все это пришлось дѣлать урывками, между дѣломъ. Примѣчанія эти пишу прямо на бѣло—за недостаткомъ времени.

(²) *Тогуеъ куллуулакъ халланъ—девяти-кольцо небо*, говорится въ сказкахъ. Кольца въ этомъ случаѣ подразумѣваются какъ что то такое, за что нужно братья, чтобы повернуть, открытъ и т. п.—нѣчто въ родѣ дверной ручки, или кольца за падни, крышки чего либо.

(³) *Орто дайды*—среднее мѣсто. Вообще, земной міръ, и въ сказкахъ, и въ жизни назыв. *орто-дайды*, тогда какъ небо назыв. *теги дайды*—верхнее мѣсто, а преисподняя—*алларам-дайды*—нижнее мѣсто.

(⁴) Неубывающей луной—въ смыслѣ всегда, полной луны, безъ ущерба.

(⁵) Въ смыслѣ постоянной весны.

(⁶) Въ сказкахъ, да и вообще на языкѣ якутовъ нѣтъ слова *жилъ*, а только есть слово „*был-баръ*“ и *живъ—тыниагъ*, т. е. имѣть дыханіе.

(⁷) Вещи, вывѣшенныя на весенній вѣтеръ, принимаютъ особый запахъ свѣжести, на который и намѣкаетъ сказка.

(⁸) Слово „терюдь“—корень, употребл. въ смыслѣ словъ „предки, начало“.

(9) Я перевелъ слово „олохъ“ словомъ жилище, жилъе, тогда какъ въ буквальный переводъ оно значить, *сиденье, сидалище*.

(10) Описание мѣста жительства сказочнаго героя въ якутскихъ сказкахъ занимаетъ самое видное мѣсто и, по подробностямъ, оно весьма любопытно. Здѣсь сказочникъ показываетъ всю силу своего поэтическаго таланта и дара слова. Къ сожалѣнію я не рѣшаюсь на память выписать весь этотъ причудливый разсказъ, а только слегка очертилъ его, чтобы дать понятіе о томъ, о чемъ и какъ говорится. Такъ какъ описание сказочнаго мѣста бываетъ очень длинно и иногда сказывается болѣе часу, то и сказочникъ, обыкновенно, ограничивается словами: „на сказочномъ мѣстѣ, при сказочной обстановкѣ“.

(11) Оловянной—въ смыслѣ бѣлой. Часто такія слова употребляются ради благозвучія, рифмы, которая въ якутск. яз. ставится въ началѣ словъ. Въ данномъ случаѣ—*Хоргол-аюнг—олово, аюну—поле*“.

(12) Слово „важный“—„улу“ употр. въ смыслѣ—священный, почтенный.

(13) Въмѣсто—слова „человѣкъ“, въ сказкахъ и въ пѣсняхъ, якуты говорятъ *„саха-киси“—якутъ человекъ*.

(14) „Аръ“ слово неупотребл. въ живой рѣчи, но мнѣ кажется, что его можно было бы перевести словами „кудрявый, вѣтвистый“, потому что *„арбагаръ“—значить расстрепанный*. Слова „*кудукъ*“—не понимаю, „*масъ*“—*дерево*.

(15) „Джоронъ“—жбавъ, изъ котораго якуты пьютъ кумысъ. Большіе обыкновенно вмѣщаютъ отъ 5 до 10 штофовъ жидкости. Самые большіе джороны называются *Аях-ротъ*.

(16) Коновязи—столбы ставятся передъ домомъ съ восточной стороны и обыкновенно три въ рядъ, или шесть, девять. Въ первомъ случаѣ, южный столбъ считается первымъ, или главнымъ—*„Тоень-сергя“—господинъ столбъ*, второй—среднимъ *орто-сергя*,—а третій—*кылинь-сергя*—задній столбъ. Иногда, при обширномъ дворѣ, ставится другой рядъ столбовъ, но, обыкновенно, тоньше и ниже перваго ряда. Лошадь почетнаго гостя, обыкновенно, привязываютъ къ „тоень-сергя“.

(17) *Уолуунанъ аятахъ ога уса*. Уолукъ—передняя часть шеи, аяхъ—ротъ, *ага-уса*—родъ, семейство.

(18) Весной считается якутовъ время съ марта по май мѣсяць. Обыкновенно, всѣ якутскія жилища, лицевой стороной, т. е. входной дверью, обращены на востокъ.

(19) Всякій новый комелекъ непременно топятъ въ первый разъ съ чѣмъ нибудь съѣдобнымъ, смотря по достатку хозяина.

(20) Значеніе слова „Аль“ я не сумѣю перевести буквально; но по смыслу рѣчи оно имѣетъ здѣсь значеніе „святой, хранитель“. *Уотъ*—огонь. Къ слову домъ—*дже* добавляется слово *аласа* (аласа—дже), что я понимаю какъ топящійся, или *„теплый домъ“*. Въ обыденной рѣчи слова эти не употребляются. Буквально *Аль*—плотъ.

(21) *Иччи*—хранитель, хозяинъ, духъ. Все видимое, неподвижное, имѣетъ *иччи*—горы, лѣса, рѣки, моря, вѣтеръ, оружіе, посуда, жилище—всякая мелочь. Это не душа живыхъ существъ, которая назыв. *кутъ*. Такъ запрещается ловить бабочекъ, а въ особенности подержавши отпускать ихъ, потому

что она можетъ съ собой унести *кутъ*. (Психея)? Иччи—существа не активныя, по крайней мѣрѣ далѣ границъ ихняго мѣстопребыванія; иччи можно обидѣть, оскорбить и они не могутъ мстить, но могутъ жаловаться, плакать, могутъ бросить то, что хранили. Относительно домашнихъ животныхъ хозяинъ назыв. *иччи*. Какого вида бываетъ *кутъ* живыхъ существъ—не слышалъ, кромѣ *кутъа* сахатыхъ и дьявола. У перваго—волосогрызца (жукъ), а у втораго—семиголовая змѣя. Съ послѣдней мы встрѣтимся.

(22) *Юрюль*—бѣлый, *аи*—святой, *тоѣнь*—господинъ. Это—Зевесъ якутовъ. Онъ „ютъ-тасть олбохтохъ“—(*ютъ*—молоко, *таст*—камень, *олбохъ*—сѣдалище)—имѣетъ сидѣнье изъ бѣломочнаго камня и живетъ съ огромной семьей, домашнимъ людомъ и безчисленнымъ коннымъ и рогатымъ скотомъ. Старъ. Обыкновенно-справедливъ, хотя иногда и вспылитъ безъ толку. Въ затруднительныхъ случаяхъ сзываетъ на совѣтъ почти всѣхъ жителей съ разныхъ концовъ неба, которыя, повидному, пахотятся къ нему въ вассальныхъ отношеніяхъ. Но они, иногда, ничего не могутъ подѣлать, даже въ самыхъ простыхъ случаяхъ. Такъ, напримѣръ, въ одноѣмъ случаѣ, именно когда представилась надобность дать имя одному сказочному герою, родившемуся на землѣ, это собраніе троѣ сутокъ толковало и такъ—таки ни на чемъ не рѣшило—какое имя дать. Это повергло Ю. А. Тоѣна въ глубокую печаль; но его выручилъ „*Кѣя*—*Халаанъ Уола—сидитъ неба сынъ—Кѣя-джасмыкъ*“, старый человекъ, одиночка, пѣшій, который было пошолъ уже домой, но вдругъ остановился, ударилъ себя по лбу и, вернувшись къ Ю. А. Тоѣну, посоветовалъ, какое имя дать. Ю. А. Тоѣнь очень обрадовался и поручилъ вновь именованнаго покровительству „*Кѣя-джасмыкъ*“. Ю. А. Тоѣнь нигуда не ходитъ, нигуда не ѣздитъ—все дома сидитъ. Если кто съ земли будетъ молить его о помощи—онъ посылаетъ кого нибудь—либо съ громомъ—молніей, или съ „*Аи-Тоѣнь атарата*“,—*съ атара господа*, что то въ родѣ убійственной остроги, или трезубца, при видѣ котораго дьяволы совершенно теряются, да и не безъ основанія, потому что эта острога безошибочно убиваетъ ихъ на смерть, причемъ посланный, обыкновенно летающій на бѣломъ легкому облакѣ, держа въ рукахъ „*атарата*“, восклицаетъ: „Сказано было тебѣ, чтобы ты не смѣлъ замышлять и дѣлать супротивное созданнымъ *аи* человекамъ и скотинѣ. Теперь твой рожокъ наполнился“.

Въ нѣкоторыхъ сказкахъ случается, что битва происходитъ между двумя человекѣми, изъ которыхъ одинъ обыкновенно *сидущій на землю сынъ* Ю. А. Т—на. Герой этотъ, конечно, сильнѣе своего противника, но опъ, не убивая его, уничтожаетъ, или обидитъ чемъ нибудь—напримѣръ высѣчетъ, А такъ какъ высѣченный тоже не простой малый, а родственникъ другихъ небожителей, напримѣръ *маганг-сылылаахъ—сылыкобылаахъ*, или *ада-белаяхъ—пѣго-кобылахъ*, то за униженіе своего родственника они посылаютъ цѣлую кучу богатырей съ вызовомъ на бой на какомъ то особенномъ каменномъ полѣ, у кагого то необыкновеннаго осмиграннаго каменнаго столба. Драться со многими одному не приходится, поэтому герой обращается съ мольбой къ Ю. А. Тоѣну. Этотъ сзываетъ родственниковъ обиженнаго и предлагаетъ имъ отозвать богатырей, а иначе, говорить, „и васъ и богатырей вашихъ изотру въ порошокъ“. Приходится послушаться. А герою Ю. А. Тоѣнь чи-

таеть погацию и велит помириться съ обиженнымъ. Они мирятся, причеъ обыкновенно обиженному герой выдаетъ свою красавицу сестру, или же добываетъ для него невѣсту.

Въ управленіе земнымъ міромъ Ю. А. Тоень не вмѣшивается, если только его объ этомъ не попросить. Онъ даже терпѣть не можетъ и того, если кто нибудь изъ земныхъ случайно затешется къ нему. Впрочемъ, я только въ одной сказкѣ слышалъ, какъ земной человекъ попалъ на небо. Дѣло вотъ какъ было. Герой этотъ имѣлъ лошадь съ четырьмя бѣло-каменными крыльями. На этомъ то конѣ онъ и взлетѣлъ на небо. Здѣсь, у Ю. А. Тоена происходилъ большой праздникъ—собрались со всѣхъ концовъ неба, по случаю совершеннолѣтія дочери Ю. А. Тоена, необыкновенно-вѣжной красавицы. А такъ какъ ее пужно было выдать замужъ, то дѣвушкѣ предложили, чтобы она выдумала какое нибудь соеззаніе, побѣдитель на которомъ и долженъ былъ на ней жениться. Она въ это время обгламывала какую то кость съ дыркой и сказала: „пусть тотъ возьметъ меня, которой за семь переѣздовъ разстоянія попадетъ въ эту дыру стрѣлой изъ лука“. Отмѣрили разстояніе, поставили кость и цѣлый мѣсяць стрѣляли небожители, а попасть въ дыру не могли. Стали они отказываться, тогда вызвался стрѣлять герой разсказа. Ему позволили, „смѣха ради“, но онъ сразу попалъ въ дыру. Узнавши въ чемъ дѣло, Ю. А. Тоень сказалъ: „зачѣмъ онъ тутъ шляется, земной пылью сыплетъ чистыя мѣста? Опъ, глупый, ужъ не думаетъ-ли, что я выдамъ за его свою дочь! Да вѣдь онъ—смертный, а дочь моя, сдѣлавшись его женой и спустившись на землю, тоже испачкается въ земной пыли и сдѣлается смертной. Я этого не допущу—гоните его вонъ, ребята“. Но дочь его заплакала. „Ишь, дура—дѣвка, сказалъ Ю. А. Тоень, подѣлилась на бѣлое лицо, а того и не знаетъ, что они тамъ, на землѣ часто забнутъ отъ холоду, да дождь ихъ обмываетъ часто—ну, они и бѣлы“. Дѣвка плуце заплакала. „Ну, такъ ладно, сказалъ Ю. А. Т.—пусть онъ тебя съумѣетъ украсть среди бѣлаго дня, среди вучи народа—тогда ты и ступай съ нимъ“.

Черезъ нѣсколько дней, въ стадѣ Ю. А. Тоена появился необыкновенный конь: съ бѣлой серебрянной шерстью, золотой гривой, золотымъ хвостомъ, съ колчеданными глазами и черно-каменными копытами. Ковъ этотъ пекусалъ всѣхъ жеребцовъ Ю. А. Тоена и вообще въ стадѣ произвелъ такой переполохъ, что всѣ народъ высыпалъ ловить арканомъ. Но сколько ни старались—никакъ его поймать не могли. Тогда дочь Ю. А. Тоена сказала: „дайте-ко мнѣ арканъ—я попробую“. Дали ей арканъ „смѣха ради“—„отойдите въ сторону—я не выношу вашего тяжелого (сильнаго) дыханія“ сказала дѣвушка. Отошли. Она какъ разъ заарканила коня, подвела его къ себѣ, погладила по шейкѣ, сѣла на него верхомъ—только и видали ее: герой—оборотень увезъ ее на среднее мѣсто (землю).

Для сношенія земныхъ человекъ съ Ю. А. Тоенемъ существуютъ „Аи-оюна“, шаманы *аи*, которые никому, никогда зла не могутъ сдѣлать и не дѣлаютъ. *Аи оюна* не имѣютъ ни какого шаманскаго костюма, не имѣютъ даже бубна, они только благословляютъ и выпрашиваютъ милость Ю. А. Тоена. *Аи-оюна* постоянно обращаются только къ Ю. А. Тоену, и только въ одномъ случаѣ, когда нужно излечить безилодіе, они обращаются къ маганъ-сылгылахъ, или къ какому нибудь другому небожителю, чтобы испросить сына. *Аи оюна* жертво-

приношеній не дѣлаютъ, т. е. не рѣжутъ скотины въ жертву, а только могутъ посвятить ту, или другую скотину тому или другому небожителю и тогда на этомъ животномъ ничего не работаютъ, берегутъ и холятъ его по возможности.

Въ настоящее время никто изъ дѣтей Ю. А. Тоена на землю не спускается, а вотъ сыновья Маганъ-сылгылаха, или другихъ, тѣ спускаются и дѣлаютъ иногда скандалы: соблазняютъ дѣвокъ, сводятъ бабъ съ ума. Въ этихъ случаяхъ приходится обращаться къ дьявольскому шаману, который такъ, или иначе прогоняетъ скандалиста, а *Аи-оюна* за такіа дѣла, по своей брезгливости, не берется... Я лично зналъ нѣсколькихъ *Аи-оюна*—это были дѣйствительно прекраснѣйшіе люди—тихіе, кроткіе до нѣжности, безусловно честные и искренно добрые. Глядя на нихъ трудно было бы усумниться въ искренности ихъ вѣры въ свое призваніе, тогда какъ *абасы-оюна*—дьявольскій шаманъ—сплошь и рядомъ плутъ, протобестія, пройдоха, которому небезизвѣстны, кажинсь, лживости многихъ растений, употребляемыхъ ими прямо для отравы.

Слово *аи* я перевожу *святой, божій*, по противоположности его къ слову *абасы—дьявольскій*. Вообще, все міросозерцаніе якута дѣлитъ видимый и невидимый міръ на двѣ части: на *аи*—божеское, святое, чистое и доброе и *абасы*—дьявольское, злое, нечистое. Слово *аи* производитъ другое—*аиллыбыт*—созданный. Ноо человекъ, о скотѣ говорится: *аи айбыт киситя, аи айбыт сесютя*,—созданный *аи* человекъ, созданная *аи* скотина“.

Въ то время, какъ человекъ, скотъ, полезныя животныя и растенія суть созданія *аи*; все вредное и гадкое—растенія, животныя—кажется созданы дьяволомъ—на пакость человеку. Напримѣръ: лягушки, ящерицы, змѣы, черви—емблемы, олицетвореніе дьявола.

„Юригъ-Аи-Тоень“ нигдѣ не называется *тангара-богъ*. Слово *тангара* употребляется въ сказкахъ въ смыслѣ просто видимаго неба: „*былыттахъ тангарога быктарбатахъ*“—„облачному небу не показывалъ“. Только дьяволы кланутся своими тангара, говоря: „Бальчиръ ого сага масъ тангарамъ-батыры кердюнь, туосъ тангарамъ тобуду кердюнь, тасъ тангарамъ, тангарамъ тангары кердюнь“, т. е. „съ упитаннаго ребенка (ветчиной), мой деревянный богъ пусть посмотритъ на меня на сквозь; берестинный мой богъ пусть сквозь меня посмотритъ; каменный мой богъ пусть посмотритъ мнѣ въ уронъ“. Повидимому, слово тангара обозначало первоначально не бога, а фетиша, идола. И якуты, прежде, повидимому, не были фетишистами, или идолопоклонниками, какими они сдѣлались въ послѣдствіи, что тоже изгладилось съ принятіемъ христіанства. Слѣды фетишизма, впрочемъ, можно замѣтить и теперь въ нѣкоторыхъ глухихъ округахъ Якутской области, если осторожно подойти къ дѣлу. Этотъ вопросъ долго занималъ меня и вотъ результаты моихъ наблюденій и разспросовъ.

Фетиша, или бога „Тангара“, первоначально избирала (не знаю по какому поводу) каждая семья. Изъ этихъ семей теперь созданы дѣлые наслѣги (родъ) и фетишъ такого наслѣга—одна. Фетишемъ было непременно животное, независимо его силы, или слабости. Наприм. мнѣ извѣстны боги—горнастая, орелъ, ястребъ, бѣлка, сойка... Фетиша—чучело животнаго украшали бусами, мелкими бубенчиками и вообще всѣмъ, чѣмъ могли. Гдѣ они его прежде держали—не знаю, а

нынѣ разумѣется прячуть, если они есть. Мнѣ разъ пришлось видѣть изукрашеннаго горносталя въ берестяномъ тулѣ, подвѣшеннаго къ потолку амбара. Та семья, которая напр. обожала горносталя, не должна была называть его, по имени, а какъ нибудь иначе и, конечно, не должна была убивать его. Вотъ эти то фетиши и назывались буквально „Тангара“, какъ теперь якуты каждую икону тоже называютъ „Тангара“.

(23) Дьяволы часто называются восьминогими; слово ад-жарай я не умѣю перевести.

(24) Хамылхъ—круглая ложка.

(25) Нары кругомъ стѣнъ дѣлятся перегородками, иногда доходящими до потолка.

(26) *Барг-кылг*,—какая-то огромная сказочная птица. Иногда она называется *Барг-аксикю*. Рогъ ископаемаго посо-рога якуты называютъ „эксюку тынгырага“—коготь эксюку. Иногда, въ сказкахъ, эксюку бываетъ двухъ и трехголовый.

(27) *Кибай*—въ смыслѣ *мотушка*.

(28) Современная мѣра разстоянія *Кесв*, (10 верстъ), первоначально, повидному, означала одинъ переходъ пѣший, потому что слово *к-св* обозн. переселение, переходженіе съ мѣста на мѣсто. Другая мѣра разстоянія *Кювюк*—значитъ дневной переходъ.

(29) Нюръ—лицо, ликъ; уланъ—бѣлый (о масти лошади). Такимъ образомъ, *Нуруланг*—будетъ, пожалуй, *бѣлолицая*. Ко слово, неупотребляемое въ живой рѣчи, а въ сказкахъ оно при-дается только къ именамъ дѣвушекъ. Вообще имена сказочныхъ героевъ отличаются необыкновенной длиннотою, которая весьма трудно упомянуть и иногда почти невозможно перевести, потому что смыслъ ихъ утратился.

(30) *Удаганг*—шаманка. Современная удагангъ отличается отъ шамана только поломъ; сказочная-же шаманка совершенно отличается отъ такого-же шамана. Впрочемъ, во всѣхъ сказкахъ, только въ одномъ случаѣ фигурируетъ шаманъ, да и то дьявольскій „Яръ-Кярбиялль-оюнъ“, отличающійся кровожадно-стью. Дѣло было такъ. На мѣстѣ жительства какого-то богача вдругъ настала совершенная мгла и необыкновенный морозъ. За помощью обратились къ Яръ-Кярбиялль-оюну. Онъ выговорилъ себѣ въ награду „первое, что родится живое“ и разогналъ тьму. Первымъ родился у сказанныхъ богачей, бывшихъ до этого бездѣтными—сынъ. Они ему не сказывали объ обѣщаніи шаману, но послѣдній послалъ вѣсть, что ждетъ обѣщанной награды, а то, молъ, опять настанетъ тьма. Услыхавъ это сынъ добровольно пошелъ къ шаману *на съдѣннѣ*. Шаманъ и его семья страшно обрадовались лакомому куску. Юноша сказалъ шаману: „ты человекъ старый—будешь разрѣзать меня—тебѣ мало достанется, видишь какая у тебя большая семья—отнять у тебя. Ты лучше сдѣлай вотъ какъ: разинь пасть, прикрѣпи верхнюю челюсть къ небесамъ, а нижнюю въ пре-исподнюю, я, не затрудняя тебя, влѣзу къ тебѣ въ брюхо“. Шаманъ обрадовался предложенію—„такой молодой и такой умища!“—и разинувъ пасть, а юноша пустилъ ему чрезъ горло, прямо въ сердце стрѣлу изъ лука. Шаманъ издохъ, а герой перебилъ всю его семью и весь его чернопѣтій скотъ. Перебилъ, сжегъ и все развѣялъ по бѣлу свѣту и отъ этого произошли всѣ мелкіе черви, гады, комары, мошки...

Удаганг, въ сказкахъ, не шаманить, но узнаеть будущее, предчувствуетъ. Далѣе увидимъ, на что была способна Нурулангъ Ко.

(31) *Симяхсинь эмяхсинь*—(симяхъ—украшенія изъ разныхъ металловъ—эмяхсинь—старуха). Такъ она названа, повидному, „смѣха ради“, потому что С. Э. ничего общаго съ украшеніями не имѣетъ, а описывается, какъ необыкновенно грязная, старая и отвратительная особа. Она, обыкновенно, чиститъ коровникъ (*хотонг*)—въ этомъ и вся ея обязанность. С. Э. встрѣчается почти во всякой якутской сказкѣ и личность въ высшей степени типическая. Это—сплетница, хитрая, выдавшая виды, но невѣроятно хвастливая старушонка: она раньше другихъ увидитъ, раньше другихъ услышитъ. Приѣздъ сказочнаго героя въ домъ родителей невѣсты, если нѣтъ какихъ либо особыхъ, исключительныхъ обстоятельствъ, непременно первая увидитъ Симяхсинь—эмяхсинь, вбѣгаетъ въ избу, сказываетъ, какого красавца она увидела, при чемъ хвастаетъ: „когда я была молода, то у меня было кое-чего съ господиномъ солнце—а этотъ и того краше; съ господиномъ чолбонъ *) въ молодости я опять таки была не съ проста—а этотъ и того краше и т. д.“ и затѣмъ падаетъ въ обморокъ. Въ одной сказкѣ она дѣлается посредствомъ вѣроломства невѣстой героя. Для этого, С. Э. усыпила невѣсту героя сказкой, содрала кожу съ лица ея, натянула на свое лицо, а дѣвушку бросила въ огонь, въ которомъ послѣдняя очнулась и вылетѣла въ трубу съ дымомъ, превратившись въ бѣлаго снѣгири. С. Э. надѣла платье дѣвушки, только повязала голову, потому что была плѣшивая, а вмѣсто груди набила гнилушекъ. Когда приѣхалъ женихъ и она легла спать, женихъ обнялъ ее—хрустнули ея ломающіеся ребра, замурилась гнилушка.—„Другъ; что это такое?“ спросилъ женихъ.

— „А это кровать скрипитъ!“ сказала С. Э. Тутъ прилетѣлъ снѣгирь и сталъ иѣтъ: „Экій ты безмозглый, безгидный мужичина—оскверняешь мою постель, мое платье съ гадкой симяхсинь эмяхсинь. А ты, гадкая С. Э. подобранный мной съ навозной кучи, какъ смѣешь осквернять мою постель?—Прочь сейчасъ!“

— „Другъ, кто это поетъ, что за странныя рѣчи?“ спросилъ женихъ.

— „Охота тебѣ обращать вниманіе на обманныя рѣчи великой пролетающей пташки, завидующей моему счастью“, отвѣтила С. Э. Женихъ поцѣловалъ ее—обдало его вонью.

— „Другъ, отчего это у тебя изо рта воняетъ, почему голосъ твой измѣнился—силой какой-то, зачѣмъ голова у тебя повязана?“

— „Голосъ измѣнился отъ того, что я съ тоски все плакала; изъ рта дурно пахнетъ отъ зубной боли, а голова у меня разболѣлась отъ слезъ“,—отвѣтила С. Э.

А пташка продолжала иѣтъ: „Какой же ты дуракъ! Хотъ бы посмотрѣлъ, что у ней на головѣ подъ повязкой“. Услыхавъ это, женихъ сдернулъ повязку и увидалъ совершенно обнаженный черепъ, съ котораго своззла наброшенная на лицо молодая кожа и обнаружила отвратительное лицо С. Э.—ни.

Вообще, на описаніе гадкихъ сторонъ характера и наружности С. Э.—ни сказочники не скупаются и ничѣмъ не стѣ-

*) Венера, утренняя звѣзда; иногда—Юпитеръ

няются, так что действительно успѣваютъ вызвать не неважность, а глубокое отвращеніе къ этой старушонкѣ. Описание наружности С. Э. я опускаю ради ея крайняго цинизма и полноты нецензурности.

(32) *Юрмалъ*, букв. булавка, отъ слова *дуй*—юръ. Такъ называется *плярды*, утичье гнѣздо.

(33) Часто дьявольскій родъ называется джардахъ ага уса—вопючій родъ, вонючая семья.

(34) Тарбасы, или правильнѣе „*Этлярбасы*“—сапоги.

(35) *Хотонъ*—коровникъ.

(36) „*Кысъ кыкынайдагаръ эльбяхъ*“—поговорка: „дѣвочкѣ больше Кыкынай“. Кыкынай чрезвычайно мелкая рыбешка изъ рода форелей.

(37) „*Хилъ*“, не употребляется въ обыденной рѣчи и значеніе этого слова для якутовъ не понятно. *Хара—черный; Тосиъ—господинъ; Хатыкъ—госпожа.*

(38) Т. е. дороже глазъ и зубовъ.

(39) Поговорка: „Атагаръ иктирь кысъ.ого“. Въ сказкахъ часто употребляютъ.

(40) Въ данной сказкѣ, свою одинокость Ю. У. созналъ только послѣ свидѣнія и это, какъ увидимъ ниже, послужило поводомъ къ его отъѣзду за поисками жены. Это наиболѣе часто случающаяся форма. Но есть еще нѣсколько другихъ формъ. Изъ которыхъ я попытаюсь передать нѣкоторыя.

1) Одинокій герой согналъ свой скотъ къ проруби и поить его; изъ проруби вынырнуло какое-то чудище, перекугало скотъ и пропѣло почти тоже самое, что и Ю. У.—пу.

2) У другого героя кобыла собирается ожеребиться. Герой выводитъ ее во дворъ и караулить. Послѣ долгихъ мученій, кобыла родила большую глыбу камня. Герой всячески пытался разбить камень—не могъ. Тогда онъ натаскалъ дровъ, свалилъ на нихъ камень и зажегъ костеръ. Отъ огня камень треснулъ и изъ него вылѣзъ получеловѣкъ, полудьяволъ—одноглазый, однорукій, одноногій. Онъ сталъ просить поѣсть. Герой наварилъ ему мяса. Чудовище отказалось съ отвращеніемъ, а попросило, чтобы герой наловилъ для него разныхъ гадювъ—лягушъ, ящерицъ, водолюбовъ и проч. Герой наловилъ, сварилъ и поставилъ на столъ. Чудовище все опрокинулъ на полъ, потомъ, ползая по полу, всю эту гадюсть слизалъ языкомъ. Послѣ этого онъ рассказалъ герою, что его зовутъ въ женихи къ дѣвушкѣ—невѣстѣ.

3) Третій герой, отъ бездѣлья, каждое утро выходитъ и съ четырехъ концовъ неба *выкрикивалъ себя быду*. Родныя его упрасивали не дѣлать этого—не послушался. Симахинь-Эмяхинь посовѣтовала ему ѣхать искать себѣ невѣсту—„тамъ бѣдъ себѣ сколько хочешь“—и какъ разъ натаскала на такую дѣвушку, у которой уже гостилъ женихъ—дьяволъ. Разумѣется бѣдъ было много.

4) Если есть родители, то иногда и они указываютъ невѣсту. Вообще, приключенія героя начинаются съ отъѣздомъ изъ дома, а отъѣздъ непремѣнно обусловливается поисками невѣсты. Только въ одной сказкѣ, начинающейся съ описанія свадебнаго праздника, что въ другихъ сказкахъ всегда бываетъ въ срединѣ, или въ концѣ, отъѣздъ героя изъ дому обусловился внезапнымъ похищеніемъ его жены чрезъ разобранную стѣну.

(41) *Минь джебляръ-уоппаръ*—моемъ домѣ-огнѣ. Понятіе о домѣ всегда связывается съ понятіемъ объ огнѣ: *кили джелляхъ-уоттакъ*—онъ имѣетъ домъ-огонь, *джегя-уота суоаъ киес*—дома, огня неимѣющей человекѣтъ.

(42) Передъ каждой значительной дорогой, якуты сильно вывзываютъ лошадей, часто не менѣе трехъ сутокъ, давая весьма ничтожную перехватку.

(43) *Симирь*—дорожный мѣхъ изъ черной, особеннымъ родомъ выдѣланной кожи, въ такихъ симиряхъ возятъ даже водку.

(44) О тетивѣ лука говорится, что она была скручена изъ спинной жилы какого то необычн. сказочн. животнаго.

(45) Въ сказкахъ не говорится *объ остряхъ* кочдахъ стрѣлъ, а болѣе о тяжелыхъ—каменныхъ и деревянныхъ.

(46) *Батасъ*—пальма, родъ огромнаго ножа, около 10 вершк. длиной и не менѣе вершка шириной, лезвее съ одной стороны, рукоятка не менѣе двухъ аршинъ длиной. Въ настоящее время, батасъ—оружіе при охотѣ на медвѣдей.

(47) *Уомто - сюллэксъ*, насколько я могъ понять изъ сказокъ, кажется было что-то въ родѣ шестопера, колотушка съ тяжелымъ концомъ. Ни въ одной сказкѣ не упоминается употребленіе копья, не описывается оно, хотя и говорится: „я тебя сдѣлай тдой *кони-батасъ*—копья-пальмы“.

(48) Подниманіе ушей шапки, повидному, было особымъ выраженіемъ почтенія, тогда какъ на глухо завязанная шапка выраж. пренебреженіе. Опущеніе острія пальмы внизъ—разумѣется, выражало покорность.

(49) Надобно замѣтить, что всѣ значительныя, по величинѣ, монологи—поются, причемъ поющій старается голосомъ, ритмомъ и выраженіемъ передать, насколько онъ это понимаетъ, душевное состояніе поющаго, его нѣжность, или грубость, доброту, или жестокость.

(50) *Тузахта*, обыкнов. серебряный кружокъ, около 2--3-хъ дюйм. діаметра, съ различными украшеніями, который пришиваютъ къ верхушкѣ женской шапки.

(51) *Аи, даяръ, дайды*, мѣсто.

(52) На якутскомъ языкѣ нѣтъ слова „прощай“; но они совершенно усвоили это русское слово и часто употребляютъ его, конечно, произнося его по своему: „бырастый“.

(53) Перевалъ чрезъ хребетъ назыв. „*Артыкъ*“, вѣроятно, отъ слова „*Арты*“, *умаливанье, упраниванье*. На всякой значительной вершинѣ, на деревьяхъ, видны пучки конскихъ волосъ, жертвоприношеній горному *илчи*. Поэтому и вершина перевала называется „сіель нябытъ“—„гдѣ гривы вѣсятъ“.

(54) „*Кюнь сирдыгыттанъ сютехъиють*“, потеряемъ съ солнечнаго свѣта.

(55) Якуты, вообще, придаютъ большое значеніе снамъ и разнымъ примѣтамъ. Въ числѣ послѣднихъ большую роль играетъ подергиванье разныхъ жилъ и мускуловъ, которія, по мѣсту ихъ нахождения означаютъ отрицательный, или положительный отвѣтъ на задуманное или предложенное. Такая примѣта называется „бютъ“, или „бить“, а человекъ, обладающій этой способностью—„бюттихъ киес“. Также отрицательный отвѣтъ даетъ и огонь: если что либо задумать, или предположить, и въ это время шелкнетъ огонь—значитъ не сбудется задуманное. Это наз. „*Уотъ эття*“—„огонь сказалъ“.

(56) „Мангнай-кюньюсь“, вмѣсто просто „сначала“, въ пѣсняхъ и сказкахъ говорятъ „сначала днемъ“, что почти равносильно выраженію „въ одинъ прекрасный день“.

(57) „Икиляхьяръ кестюмя“,—букв. „моей двойкѣ не показывайся“.

(58) „Тобурахтах дайды“—пыльное мѣсто.

(59) Въ жизни якуты чрезвычайно осторожно и бережно относятся къ имени не только дьявола, котораго они тогда зовутъ „кѣстюбынь“, или Ю. А. Т—на, котораго и называютъ то нѣтъ надобности, но къ которому они во всякомъ случаѣ относятся съ глубокимъ почтеніемъ, потому что, если онъ пересталъ быть якутскимъ богомъ, то теперь сталъ христіанскимъ богомъ, во якуты не называютъ по имени даже медвѣдя, змѣю и другихъ сильныхъ животныхъ. Другое дѣло въ сказкахъ: здѣсь они даютъ полную волю своимъ словамъ, точно метать за тотъ страхъ, который они испытываютъ въ жизни. Сказочникъ, для краснаго словца, выставленія въ смѣшномъ видѣ не падить даже Ю. А. Тоёна, не говоря уже о дьяволѣ, котораго они шельмуютъ самымъ злымъ образомъ. Нѣтъ ни одной сказки, гдѣ хоть одинъ изъ героевъ былъ бы, такъ сказать, выдержанъ безъ насмѣшки, безъ выставленія смѣшныхъ и слабыхъ сторонъ. Чѣмъ талантливѣе сказочникъ, тѣмъ эта жилка насмѣшливаго отношенія болѣе бьетъ въ глаза, тѣмъ болѣе нравится сказочникъ слушателямъ. Якутъ—по природѣ сатирикъ: онъ не можетъ самой серьезной вещи разсказать безъ насмѣшки; ради послѣдней онъ не падить и себя. И въ этомъ отношеніи якуты необыкновенно наблюдательны; между ними мнѣ случалось встрѣчать замѣчательно способныхъ людей въ передразниваньи другихъ. И что меня при этомъ удивляло болѣе всего,—это именно способность быстро схватывать тѣ типическія и оригинальныя черты, которыми отличалась передразниваемая особа. Замѣтку эту я привелъ, чтобы не ввести читателя въ заблужденіе: онъ, чего добраго, пожалуй, подумаетъ, что насмѣшливое отношеніе къ сказочнымъ героямъ зависѣло болѣе отъ меня, чѣмъ отъ сказочниковъ...

(60) „Сага сарбата, киси ата“. Выраженіе это часто употребляется и въ обыденной рѣчи.

(61) „Катырасъ—бараччи“,—бойко идущій, или шустрый ходокъ.

(62) „Элерь кямимъ оляста“—настало время (мѣра) смерти.

(63) Ю. А. Тоёнгъ сюлюгя, что то въ родѣ живой воды, хотя „живая вода“—„эльбетъ менгю ута“ самостоятельно упоминается въ сказкахъ. Слово „сюлюгий“ обозначаетъ „сокъ“, какъ мнѣ объяснялъ его одинъ сказочникъ; въ обыкновенной рѣчи это слово не употребляется.

(64) Утка, свизь.

(65) „Холопнокъ“—подходящую, равную, подъ пару.

(66) „Харахъ-смярь“, букв. „глаза зажмурить“. Жмурки очень распространенная игра между якутами; въ жмурки играютъ и дѣти, и взрослые. Въ жмурки играютъ, обыкновенно лѣтомъ, въ какойнибудь огородкѣ. Жмурка, поймавши кого-либо, цѣлуетъ пойманнаго, или предоставляетъ это право другому, а потомъ отводитъ пойманнаго въ сторону. Такъ онъ продѣлываетъ до тѣхъ поръ, пока всѣхъ не переловить.

(67) Эти три дѣвушки часто встрѣчаются въ сказкахъ. Въ большинствѣ случаевъ, сказочникъ герой не обращаетъ на нихъ вниманія и дѣвушки вѣшаютъ, или съ высокаго берега бросаются въ омутъ. Иногда герой тронетъ одну, болѣе красивую изъ трехъ, своимъ хлыстомъ и она забеременѣетъ отъ этого. Только въ одной сказкѣ, „Норынъ-нурюстай“—*нужный нурюстай* (пройдоха?), развратнѣйшій, хвастливѣйшій и трусливѣйшій изъ сказочныхъ героевъ изнасиловалъ всѣхъ трехъ дѣвушекъ среди бѣлаго дня, за что и былъ пребольно высѣченъ.

(68) По якутскому этикету требуется, чтобы заговорилъ, или привѣтствовалъ хозяевъ гости; но такъ какъ Ю. У. былъ женихъ, да къ тому же еще и званый, то начать разговоръ должны были домашнія.

(69) Нара дѣвушки невѣсты дѣлаются въ родѣ алькова, съ заборкой и дверью, которую, въ старину очень затѣйливо украшали разными привѣсками и побрякушками.

(70) Подробное описаніе наружности дьявола я опускаю, по причинѣ ея крайней сложности и вычурности, также какъ и описаніе женской красоты... Я было попытался перевести и то, и другое, но не могъ справиться: частью выходитъ безсмыслица, частью не понятно, да мѣстами скабрено и цинично очень, въ особенннсти описанія дьявола.

(71) *Арбыя*, желѣзный инструментъ, которымъ выдавливаютъ деревянные чаши.

(72) *Эния*—приданое; *кулуть*—рабъ. *Эния кулуть*—приданный рабъ, есть полная собственность жены. Такое рабство практиковалось якутами до послѣдняго времени, только изъ приданное давали обыкновенно дѣвушекъ—спроть.

(73) „Да будетъ у тебя семь плѣшивыхъ сыновей и семь плѣшивыхъ дочерей“—шуточное благожеланіе, часто высказываемое якутами.

(74) Т. е. будучи и самому въ то же время женатымъ. Повидному, дьяволу кажется предосудительнымъ, когда вдовецъ женить своихъ дѣтей.

(75) *Керю*, любовница.

(76) „Тердь харахтахъ, харызолахъ—хара ытъ“! Ручательство, нерѣдко употребляется.

(77) Слово „дуура“ я не понимаю; ни который изъ сказочниковъ не могъ мнѣ объяснить его; но очевидно, что оно поставлено не для рифмы, или благозвучія, что тоже часто дѣлается.

(78) Поговорка: „утагы тыэга тахсыбытъ, тыэлаги уга кирбитъ“, поговорка, часто употребляемая.

(79) Приэтомъ, въ одной сказкѣ зрители рѣшили, что „подобной драки не происходило еще сначала установленія земли и неба“ (отъ сотворенія міра).

(80) Для сказочнаго героя, превратиться во что бы то ни было—въ звѣрька, въ птицу, въ дерево и т. п.—сущій пустякъ. Съ такими превращеніями мы еще встрѣтимся.

(81) По нѣкоторымъ сказочникамъ, медвѣди съѣдаютъ дьявола.—Другой вариантъ:

„Лежать другъ противъ друга, не шевелясь. Дьяволъ говоритъ: а стану ко я пѣсни пѣтъ, сказки сказывать!“—Ну, сказывай, пой,—согласился Ю. У. и началъ дьяволъ сказки сказывать, пѣсни пѣтъ. Ни одинъ пѣвецъ, или сказочникъ средняго мѣста не сравнился бы съ нимъ, до того онъ былъ пре-

восходить (усудучу ордукъ). Ю. У. не могъ прослѣдить о чемъ сказывается и поетъ дьяволъ, а только онъ былъ очарованъ ловкостью рѣчи, выразительностью пѣнія. Вдругъ надъ нимъ раздался голосъ „кытыграсть барачи“: „ты совѣмъ съ ума сошелъ, бѣдный другъ мой Ю. У.—нѣ! выпуча глаза ты слушаешь пѣніе и замысловатыя рѣчи дьявола, а смысла ихъ не понимаешь. А о чемъ онъ поетъ? онъ призываетъ на помощь къ себѣ дьяволовъ и—вонъ видишь, изъ моря высунулась дьявольская ладонь и только два шага осталось ей добраться до тебя“...

(82) Вариантъ: „говорить ему дьяволъ: силы у насъ равныя, а вотъ ты попробуйко разорвать эту веревочку: если ты ее перервешь, то будешь побѣдителемъ и господиномъ надъ мной. И онъ бросилъ къ Ю. У.—ну саженную, толщиной въ мизинецъ черную веревочку. Ю. У. сталъ тянуть веревочку—онъ наступилъ на одинъ конецъ ея, сталъ тянуть—тянуть—веревочка выхлестнулась изъ подъ ноги, захлестнула его кругомъ и обмотала, затянула его такъ, что Ю. У. не могъ ни шевельнуться, ни вздохнуть“...

(83) Въ рѣдкихъ случаяхъ, безъ посторонней помощи человѣкъ осмливаетъ дьявола, который не столько побѣждаетъ силой и ловкостью, сколько своей неуязвимостью и неутомимостью. Въ большинствѣ случаевъ онъ погибаетъ по своей глупости и наивности. Напримѣръ въ одной сказкѣ дьяволъ съѣлъ цѣлую каменную гору, отыскивая героя, превратившагося въ мышъ и спрятавшагося въ гору.—Въ одной сказкѣ дьяволъ ушелъ, даже не подравшись: онъ согласился съ человѣкомъ, что они начнутъ бой стрѣльбой изъ лука. Начали. Выстрѣлили первымъ дьяволъ,—человѣкъ нагнулся и стрѣла пролетѣла мимо. Выстрѣлилъ человѣкъ, дьяволъ привскочилъ на верхъ, но—стрѣла во корень сисла его стыдливое мужское тѣло! Дьяволъ заплакалъ: „что же такое я теперь?—ни мужчина, ни дѣвка! теперь мнѣ и драться то не изъ чего. Нѣтъ, лучше я отправлюсь къ кузнецамъ и заставлю приварить—приварить мое мужское тѣло—авось удастся“. И съ этими словами онъ уходитъ съ поля битвы.—Въ другомъ случаѣ, обезсиленный герой призываетъ свою лошадь, которая не смотря на восклицанія дьявола: „Ан огото ба! ан огото ба!“—„дита ан тпру!“—залигала его черно-каменными копытами. Побѣжденный дьяволъ постоянно просить прощенія, клянется своими богами больше не вредить, соглашается быть вѣрнымъ слугою. Если герой послушается его и отпуститъ, то дьяволъ обыкновенно сдерживаетъ свое слово и, при случаѣ, можетъ пригодиться; если же герой съѣдаетъ дьявола своимъ рабомъ, то въ первое время онъ прекрасно исполняетъ свои обязанности,

отличается неутомимой дѣятельностью, а потомъ все-таки возвращаетъ его жену, если не для себя, такъ для другого. Иногда борьба дьявола и человѣка ни въ чью заставляегъ ихъ для суда спуститься *онизъ* къ „Усь ханъ тердюляръ“—къ почтеннымъ начальникамъ кузнецовъ“. Ихъ тамъ семь человѣкъ и всѣ они что то постоянно куютъ. Спорящія стороны являюся къ нимъ и кузнецы, безъ словъ, понимаютъ въ чемъ дѣло, бросаютъ ихъ въ горнь, раздуваютъ, плавятъ и цѣлый мѣсяцъ бьютъ молотами. Дьяволъ весь превращается въ окалину, отъ него ничего не остается, а отъ человѣка остается только осердіе, которое и выбрасывается на среднее мѣсто кузнецами. Здѣсь осердіе находятъ невѣста, сестра, или братъ, мажутъ его испрошеннымъ отъ Ю. А. Тоена *слюной* и оживляютъ.

(84) Въ другой сказкѣ говорится, что когда герой распоролъ брюхо дьявола, то весь поѣденный имъ народъ и скотъ выльзъ оттуда живехонекъ.

(85) Въ весенній якутскій праздникъ „ысыэхъ“, гдѣ главное угощеніе состоитъ изъ кумыса, передъ холлогасами съ кумысомъ, съ восточной стороны ставятъ три молодыхъ березки—*„чалыръ“*.

(86) Это совершенно исключительный случай первой ночи, обуславливаемый фабулой сказки; а обыкновенно первая ночь описывается, не стѣняясь чимъ бы то ни было присутствіемъ, съ необыкновенной реальностью и подробностями, хотя и безъ намѣренного цинизма. Послѣдній проявляется большею частью при описаніи похотливости чертей. Впрочемъ, мы еще встрѣтимся съ подобными вещами.

(87) Самое обыкновенное описаніе отъѣзда невѣсты изъ родительскаго дома. Въ настоящее время, когда поѣздъ отправляется, тоже никто не огляется до перваго лѣса и стараются уѣхать возможно скорѣе. Со стороны родителей невѣсты готовится лихой наѣздникъ, который, пропустивъ впередъ послѣдняго поѣзжанина, старается, скача во весь опоръ, обогнать всѣхъ и объѣхать кругомъ. Но на этотъ случай, со стороны жениха, впередъ пускается тоже не послѣдній ѣздокъ, задача котораго, до перваго лѣсу не дать возможности переѣхать свою дорогу. При большомъ поѣздѣ, разумѣется, это удается, тѣмъ болѣе, что послѣдніе поѣзжане намѣренно замѣляютъ отъѣздъ, чтобы переднему „со счастьемъ“, дать возможность отъѣхать подалеже.

Н. Гороховъ.

22 Іюля 1884 года.

ТАБЛИЦА
МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ.

ОКТЯБРЬ 1884 ГОДЪ.

Число.		Барометр при 0°. Миллиметры.					Температура воздуха. Цельсия.					Смоченный термометр.		
Старый стиль.	Новый стиль.	7	1	9	Сумма.	Среднее.	7	1	9	Сумма.	Среднее.	7	1	9
	1	727.6	725.6	724.5	2177.7	725.9	-4.7	+6.9	+0.3	+2.5	+0.83	-1.2	+2.0	+0.4
	2	726.2	726.0	729.0	2181.2	727.1	-5.3	4.9	0.3	-0.1	-0.03	-0.8	1.2	0.2
	3	729.2	727.6	726.3	2183.1	727.7	-4.7	6.7	1.7	+3.7	+1.23	-1.8	1.8	0.8
	4	726.3	725.2	724.1	2175.6	725.2	-5.3	4.1	2.7	1.5	0.5	-3.1	4.0	2.2
	5	726.2	725.9	725.9	2178.0	726.0	-4.3	8.5	2.9	7.1	2.36	-2.0	3.4	2.4
	6	725.5	724.7	723.2	2173.4	724.5	-2.9	10.5	2.9	10.5	3.5	-1.4	4.6	1.4
	7	724.7	725.5	725.7	2175.9	725.3	-1.7	7.5	3.5	9.3	3.1	-0.2	4.6	2.4
	8	723.8	729.7	729.5	2183.0	729.3	-7.5	7.5	1.7	1.7	0.56	-9.2	5.4	7.8
	9	728.8	726.9	726.1	2181.8	727.3	-4.5	6.7	2.1	4.3	1.43	-2.0	3.4	1.6
	10	725.6	722.6	722.0	2170.2	723.4	-2.7	10.3	3.7	11.3	3.76	-2.8	5.8	2.4
	11	726.7	728.5	727.2	2182.4	727.5	-1.7	-1.5	-6.1	-9.3	-3.1	+2.4	-2.0	-6.2
	12	730.5	733.3	737.1	2200.9	733.6	-10.5	-3.7	-7.9	-22.1	-7.36	-10.6	-3.8	-8.0
1	13	737.0	733.9	732.5	2203.4	734.5	-16.5	-1.9	-1.9	-20.3	-6.76	-16.8	-2.2	-2.2
2	14	729.6	731.5	731.6	2192.7	730.9	-1.3	+2.6	+2.9	+4.2	-1.4	-1.4	+2.6	+2.0
3	15	732.0	729.1	726.2	2187.2	729.1	+1.5	8.1	2.1	11.7	+3.9	+1.0	5.8	1.2
4	16	722.0		724.4	1446.4	482.1	1.1		2.5	3.6	1.8	0.4		-0.6
5	17	732.2	729.6	729.3	2191.1	730.4	-10.9	-4.1	-4.7	-19.7	-6.56	-10.8	-4.2	-4.8
6	18	723.2	726.5	725.7	2180.4	726.8	-4.9	+3.3	+0.5	-1.1	-0.36	-4.8	+1.2	-0.6
7	19	725.6	728.7	731.6	2185.9	728.6	-1.3	3.9	0.3	+2.9	+0.96	-1.0	2.2	-0.2
8	20	733.9	724.8	723.3	2187.0	729.0	-6.1	5.7	2.7	2.3	0.76	-5.0	2.6	+2.2
9	21	726.8	724.1	724.8	2175.7	723.2	+3.1	2.5	-0.3	5.3	1.76	+2.6	1.6	-1.0
10	22	729.5	738.4	727.7	2195.6	731.9	-8.9	-0.9	-4.3	-14.1	-4.7	-9.0	-1.6	-4.0
11	23	728.1	728.0	727.0	2183.1	727.7	-9.1	-0.3	-1.5	-10.9	-3.63	-9.0	-0.2	-0.4
12	24	722.8	721.1	718.7	2162.6	720.9	+0.3	+3.5	-0.3	+3.5	+1.16	+0.2	+1.6	-0.2
13	25	717.7	718.6	718.8	2166.1	722.0	-3.1	5.9	+0.3	3.1	1.03	-1.4	2.2	-0.2
14	26	719.2	721.3	721.2	2161.7	720.6	+0.1	2.5	1.5	4.1	1.36	-0.2	-1.2	+0.8
15	27	722.3	723.5	725.1	2170.9	723.6	-2.5	1.9	0.7	0.1	0.03	-0.8	+0.4	0.4
16	28	731.5	729.8	730.4	2191.7	730.6	+0.5	1.7	0.3	2.5	0.8	+0.2	0.8	0.2
17	29	733.3	735.8	737.8	2206.9	735.6	-0.9	-1.5	-3.1	-5.5	-1.8	0.6	-1.0	-2.0
18	30	737.1	737.9	738.5	2214.5	738.2	-6.1	-2.5	-6.5	-15.1	-5.0	-6.0	+2.6	+6.0
19	31	735.5	733.3	732.7	2231.5	733.8	-5.9	-3.7	-3.5	-13.1	-4.4	-6.2	-4.1	-2.2
Сумма.		22575.5	21837.4	21847.9	66972.6	22322.3	-126.7	+95.1	-4.5	-36.2	-14.09	-100.1	+39.5	-1.2
Среднее.		728.2	704.4	704.7	2160.4	720.0	-40.9	+3.17	-0.14	-1.1	-0.45	-3.22	+1.3	-0.04

Абсолютная влажность. Миллиметры.					Относительная влажность. Проценты.					Гигрометр.				
7	1	9	Сумма.	Среднее.	7	1	9	Сумма.	Среднее.	7	1	9	Сумма.	Среднее.
	2.5		2.5	0.8		33		33	33	92	52	82	226	75.3
	2.9	4.6	7.5	2.5		44	98	142	71	103	65	105	273	91.0
3.2	2.4	4.3	9.6	3.3	100	32	84	216	72	102	50	75	227	75.6
2.9	3.8	5.1	11.8	3.9	95	61	91	247	82	95	60	91	246	83
3.3	2.9	5.2	11.4	3.8	98	35	91	224	75	93	56	79	233	77.6
3.5	2.9	4.2	10.6	3.5	96	31	74	201	67	97	50	72	219	73
3.5	4.7	4.8	13.0	4.3	90	61	82	233	78	90	61	80	231	77
1.3	5.5	5.1	11.9	3.9	52	70	98	220	73	101	71	94	266	88.6
3.3	9.4	4.9	17.6	5.8	100	54	91	245	81	106	72	95	273	91
3.7	4.3	4.7	12.7	4.2	98	46	78	222	74	98	43	79	220	73.3
3.5	3.7	2.3	10.0	3.3	86	92	98	276	92	99	55	75	229	76.3
1.9	3.4	2.4	7.7	2.5	97	93	79	274	91	96	60	63	219	73
1.0	3.7	3.7	8.1	2.8	85	94	94	273	91	86	50	68	204	68
2.7	4.0	1.4	8.1	2.3	54	61	24	139	46	77	75	96	248	83.6
2.9	5.5	4.5	12.9	4.3	57	63	84	209	70	101	69	79	249	83
3.7		2.8	6.5	2.1	73			123	61	76		60	136	68
	3.3	3.1	6.4	2.1		98	98	196	98	76	62	61	199	66.3
	3.8	3.8	7.6	2.5		65	80	145	72	72	75	89	239	79.6
	4.4	4.2	8.6	2.8		72	90	162	81	97	80	100	278	92.6
	3.7	5.1	8.8	2.9		54	91	145	72	99	56	103	258	86
5.2	1.9	3.9	11.0	3.3	91	35	87	213	71	102	87	98	287	95.6
2.2			2.2	0.7	97			97	97	91	65	80	236	78.6
		3.4	3.4	1.1			67	67	67	93	81	100	275	91.6
4.6	4.0		8.6	2.8	98	69		167	83	102	95	101	298	99.3
		4.2	4.2	1.4			90	90	90	103	72	95	270	90
		4.5	4.5	1.5			87	87	87	93	100	100	293	97.6
	3.8	4.6	8.4	2.8		73	94	167	82	106	95	106	307	102.3
4.5	4.3	4.6	12.4	3.1	94	84	98	276	92	105	97	99	301	100.3
	3.7		3.7	1.2				98	98	91	82	86	259	86.3
						98				90	81	82	253	84.3
56.9	95.5	101.9	252.3	81.5	1561	1458	2098	5178	2247	2933	2901	2682	7711	2592.4
3.2	4.0	4.07	8.7	2.8	86.7	61.0	83.9	178.3	77.4	9.4	9.3	9.8	249	83.7

Число.		Направление и сила вѣтра Метры въ секунду.			Направ облаков.	Облачность.			Осадки Миллет.	Термограф. Цельзия.		ПРИМѢЧАНІЯ.
Стар. стиль.	Новый стиль.	7	1	9	1	7	1	9	7	Maxim.	Minim.	
	1	1 ESE	3 WNW	0	0	2 SC,C	1 Cu,C	5 s	—	—	4,6	□
	2	0	3 WNW	2 SSW	WNW	2 CS	6 Cu,S	1 CS	—	—	5,0	□
	3	2 ESE	2 SSW	2 ESE	WNW	1 SC	2 Cu,S	1 s	—	—	5,0	□
	4	1 ESE	2 SWS	3 ESE	0	2 s	4 CS	1 c	—	—	5,4	□
	5	0	1 WNW	0	0	1 s	3 CS,Su	10 n	—	—	4,4	□
	6	0	2 WWS	3 ESE	0	2 s	6 CC,Cu	8 s	—	—	3,0	□
	7	0	2 WSW	0	0	5 SC	8 s,Cu	9 s	—	—	2,8	□
	8	1 SSW	2 WSW	0	WNW	3 s	6 s,Cu	4 s	—	—	2,6	□
	9	0	2 WSW	3 ESE	ESE	0	3 Cu	4 s	—	—	5,4	∞ □
	10	4 ESE	2 ESE	3 ESE	0	8 s	6 s	5 s	—	—	2,6	□
	11	14 WNW	7 WNW	0	0	0	9 s,Cu	2 s	—	—	2,4	* *
	12	0	10 WNW	8 WNW	ESE	9 s	9 s	7 s	—	—	13,4	□
1	13	4 ESE	2 ESE	2 ESE	0	2 s	4 s	5 s	—	—	17,0	□
2	14	3 ESE	4 WNW	1 ESE	0	10 n	10 s	8 s	—	—	1,6	□
3	15	3 ESE	0	3 ESE	0	8 s,Cu	2 s,Cu	2 s	—	—	+ 1,2	□
4	16	3 ESE	0	18 WNW	0	0	0	10 n	—	—	—	□
5	17	0	0	0	0	1 s	4 s	10 s	—	—	10,4	□
6	18	0	0	3 ESE	0	10 n	8 s	10 s	—	—	5,6	□
7	19	0	6 WNW	0	WSW	10 n	10 n	6 s	—	—	1,8	□
8	20	4 ESE	0	6 WNW	0	9 s	10 n	10 s	—	—	6,0	□
9	21	6 WNW	4 WNW	4 WNW	ESE	10 n	10 n	3 s	0,2	—	+ 2,8	□
10	22	0	2 WSW	3 ESE	0	1 s	2 SC	0	—	—	9,0	□
11	23	2 ESE	1 W	0	0	9 SC	10 s	10 s	—	—	10,2	□ * 1 ч. 30 м. ^а — * 6 ч.
12	24	0	2 ESE	3 s	0	10 n	10 s	0	—	—	1,2	□
13	25	2 ESE	3 ESE	5 ESE	0	5 s	4 CuS	1 s	—	—	5,2	□
14	26	2 ESE	1 WSW	0	0	4 s	10 n	10 s	—	—	2,0	□
15	27	0	3 WNW	2 n	ESE	0	10 n	10 n	—	—	2,8	□ ∞
16	28	5 WNW	1 WNW	4 WNW	ESE	10 n	10 n	10 n	1,4	—	+ 0,4	* 1 ч. 40 м. ^а — * 2 ч. 30 м.
17	29	2 WNW	3 ENE	3 WNW	0	10 n	10 ns	10 n	—	—	1,0	□
18	30	3 W	1 WNW	3 ESE	0	9 s	4 SCu	10 W	—	—	6,0	□
19	31	1 W	2 WNW	4 WNW	0	10 n	9 s	10 W	—	—	7,2	□
Сумма.		63	73	88		166	200	192	1,6		148,0	
Среднее.						5	6	6	0,0		4,1	

СОКРАЩЕННЫЯ ОБОЗНАЧЕНІЯ ДЛЯ ПРИМѢЧАНІЙ.

☉ = Роса.	● = Дождь.	☉ = Вънець около солнца.	☉ = Съверное сіяніе.	∞ = Атмосферн. дымъ
□ = Иней.	* = Снѣгъ.	☉ = Кругъ около луны.	☉ = Гроза.	* = Метель.
∇ = Изморозь.	△ = Крупа.	☉ = Вънець около луны.	☉ = { Молніи безъ грома или зарница.	{ Столбы около солнца.
☉ = Гололедица.	▲ = Градь.	☉ = Ледяныя иглы.	☉ = Сильный вѣтеръ.	
☉ = Туманъ.	☉ = Кругъ около соли.	☉ = Радуга.		

Число	Время	Температура воздуха	Температура почвы	Температура воды	Ветер	Сила ветра	Направление ветра	Облачность	Виды облаков	Виды осадков	Сила осадков	Сила росы	Сила тумана	Сила дождя	Сила снега
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31

ТАБЛИЦА

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНІЙ.

НОЯБРЬ 1884 ГОДЪ.

Число		Барометр при 0°. Миллиметры.					Температура воздуха. Цельсия.					Смоченный термометр.		
Старый стиль.	Новый стиль.	7	1	9	Сумма.	Среднее.	7	1	9	Сумма.	Среднее.	7	1	9
	1	733.1	733.0	732.5	2198.6	732.8	-4.9	-4.1	-5.3	-14.3	-4.76	-5.0	-4.2	-5.4
	2	731.9	731.5	728.1	2191.5	730.5	-5.1	-1.9	-2.7	-9.7	-3.23	-4.6	-2.0	-2.8
	3	727.2	728.5	728.6	2184.3	728.1	-4.1	-2.3	-3.7	-10.1	-3.37	-4.4	-2.4	-3.8
	4	730.0	728.8	728.8	2187.6	729.2	-9.7	-2.3	-5.1	-17.1	-5.7	-9.8	-2.6	-5.1
	5	719.8	723.8	722.8	2166.4	722.1	-12.7	-5.1	-7.7	-25.5	-8.5	-12.4	-5.6	-7.8
	6	721.9	722.2	723.6	2167.7	722.6	-7.3	-8.5	-10.5	-26.3	-8.76	-6.8	-8.6	-9.8
	7	722.8	724.1	723.9	2170.8	723.6	-12.9	-5.9	-9.5	-28.3	-9.43	-12.4	-6.6	-9.6
	8	728.1	731.9	734.9	2194.9	731.6	-8.7	-6.1	-9.5	-24.3	-8.1	-4.6	-6.8	-9.6
	9	728.4	723.2	721.1	2172.7	724.2	-13.9	-4.5	-5.3	-23.7	-7.9	-14.2	-5.2	-5.8
	10	718.2	716.0	711.0	2145.2	715.1	-8.7	-1.7	-3.5	-13.9	-4.63	-8.8	-2.4	-3.8
	11	721.5	731.0	741.2	2193.7	731.2	-11.7	-17.3	-21.3	-50.3	-16.76	-12.0	-17.2	-21.0
	12	743.4	741.1	737.9	2222.4	740.8	-25.1	-17.9	-20.3	-63.3	-21.1	-24.6	-18.2	-20.4
1	13	731.1	729.1	727.0	2187.2	729.1	-22.3	-13.1	-15.7	-51.1	-17.03	-22.6	-13.8	-15.8
2	14	728.1	728.1	726.1	2181.3	727.1	-16.1	-8.7	-11.9	-36.7	-12.23	-16.0	-9.6	-12.2
3	15	722.2	720.2	723.2	2172.6	724.2	-12.5	-9.3	-11.5	-33.3	-11.1	-12.8	-9.8	-11.6
4	16	721.4	721.5	723.1	2166.0	722.0	-14.7	-14.1	-14.7	-43.5	-14.5	-14.8	-14.4	-15.0
5	17	725.3	724.6	722.2	2172.1	724.0	-19.7	-9.9	-10.5	-40.1	-13.36	-14.2	-10.2	-10.2
6	18	723.3	719.0	724.1	2164.4	721.5	-12.1	-7.7	-7.1	-26.9	-8.96	-12.6	-8.4	-7.8
7	19	729.0	732.2	735.9	2197.1	732.4	-13.3	-8.7	-8.1	-30.1	-10.03	-13.6	-9.4	-9.8
8	20	729.2	728.2	728.0	2185.4	728.4	-12.7	-4.5	-4.1	-21.3	-7.1	-13.2	-5.0	-4.1
9	21	731.1	728.4	725.0	2184.5	728.2	-2.7	-1.9	-4.5	-9.1	-3.03	-3.4	-2.0	-4.2
10	22	730.6	731.2	730.0	2191.8	730.6						-2.0	-4.1	-5.2
11	23	731.4	723.4	733.1	2187.9	729.3						-4.2	-4.2	-12.4
12	24	732.7	731.7	733.4	2197.8	732.6						-16.2	-10.6	-11.0
13	25	734.3	732.7	731.4	2198.4	732.8						-10.0	-4.0	
14	26	728.5	728.3	728.3	2185.1	728.3								
15	27	728.5	729.4	730.4	2188.3	729.4								-11.0
16	28	733.7	732.1	734.3	2200.1	733.3	-17.7	-14.2	-19.5	-51.4	-17.13	-17.6		-19.4
17	29	738.3	738.3	741.5	2218.1	739.4	-22.7	-21.1	-23.3	-67.1	-22.36			-23.0
18	30	741.9	742.0	739.3	2223.2	741.1	-26.7	-25.0	-29.1	-80.8	-26.83	-27.6	-24.8	-29.0
Сумма.		21866.0	21855.5	21870.7	65593.1	21865.5	-328.1	-219.9	-286.6	-798.2	-266.17	-320.4	-212.1	-306.6
Среднее.		728.9	728.5	729.0	2185.4	728.8	-13.1	-8.8	-11.0	-33.13	11.99	-12.0	-8.2	-10.9

Абсолютная влажность. Миллиметры.					Относительная влажность. Проценты.					Гигрометр.								
7	1	9	Сумма.	Среднее.	7	1	9	Сумма.	Среднее.	7	1	9	Сумма.	Среднее.				
3.1	3.3	3.0	9.4	3.1	98	98	98	294	98	89	87	89	265	88				
2.9	3.9	3.6	10.4	3.5	96	98	94	288	96	90	76	81	247	82				
3.1	3.8	3.4	10.3	3.4	93	98	98	289	93	91	87	90	268	89				
2.1	3.6	3.1	8.8	2.9	97	94	100	291	97	99	91	87	277	92				
	2.7	2.4	5.1	2.6	100	88	97	285	95	96	92	100	288	96				
	2.3		2.3	2.3	98	97	99	294	98	98	95	97	290	97				
1.4	2.4	2.1	5.9	1.9	92	82	97	271	90	91	85	93	269	90				
	2.3	2.1	4.4	2.2	98	82	97	277	92	98	66	61	225	75				
1.3	2.7	2.7	6.7	2.2	87	84	88	259	86	79	63	65	208	69				
2.2	3.5	3.3	9.0	3.0	97	86	93	276	92	86	76	71	233	78				
1.6			1.6	1.6	89	73	85	247	82	76	73	85	234	78				
	0.9	0.8	1.7	0.9	86	84	93	263	88	86	74	78	238	79				
0.6	1.2	1.3	3.1	3.0	76	72	99	247	82	88	92	96	276	92				
	1.7	1.6	3.3	1.6	97	72	89	258	86	97	80	91	268	89				
1.5	1.9	1.8	5.2	1.7	88	84	97	269	90	93	94	97	284	95				
1.3	1.3	1.2	3.8	1.2	91	88	87	266	89	98	98	99	295	98				
	1.9	1.6	3.5	1.6	95	90	80	265	88	95	97	80	272	91				
1.4	2.0	2.1	5.6	1.9	81	81	81	243	81	93	80	80	253	84				
1.4	1.8	1.3	4.5	1.5	88	79	55	222	74	95	84	81	260	86				
1.4	2.8	3.4	7.6	2.5	80	88	100	268	89	86	81	100	267	89				
3.2	3.9		7.1	2.3	85	98	74	257	86	67	59	73	199	66				
					69	82	99	250	83	69	82	100	251	84				
					99	90	95	284	95	99	90	95	284	95				
					98	94	94	286	95	98	94	94	286	95				
					96	81	95	272	91	96	91	95	272	91				
					96	92	97	285	95	96	92	97	283	94				
					95	96	93	284	95	95	96	93	284	95				
					92	85	91	268	89	98	85	91	274	91				
					93	82	91	266	88	93	82	91	266	88				
					90	92	89	271	90	90	92	89	271	90				
28.5					49.9	40.8	119.3	46.8	2740	2616	2745	8095	2696	2725	2524	2639	7888	2626
2.0					2.5	2.2	7.0	2.2	91	87	91	269	89	91	84	88	267	87

Число.		Направление и сила вѣтра Метры въ секунду.			Направ. облаков.	Облачность.			Осадки Миллимет.	Термограф. Цельсія.		ПРИМѢЧАНІЯ.				
Стар. стиль.	Новый стиль.	7	1	9	1	7	1	9	7	Maxim.	Minim.					
	1	5	WNW	4	WNW	2	WSW	9	s	10	n	— 5,0				
	2	1	WDW	0	0	0	0	10	sn	9	s	— 4,8				
	3	4	WNW	2	WNW	0	0	10	s,Cu	10	sCu	— 4,2				
	4	2	ESE	0	4	ESE	9	s	9	s	3	s	— 10,4	□		
	5	0	0	0	1	WSW	4	s	9	s	5	Cu	— 12,4	∞		
	6	2	ESE	2	WNW	2	ESE	0	0	10	n	9	s	— 12,2		
	7	0	2	SE	1	ESE	5	s	5	s	9	s	— 12,8			
	8	3	ESE	10	WNW	2	WSW	6	s	9	s	0	0,1	— 8,6	* 9 ч. 5 м. ^а — * 12 ч.	
	9	2	ESE	3	ESE	4	ESE	0	0	0	0	0	— 15,2			
	10	0	0	0	2	ENE	9	ns	8	sCu	1	Cu	— 9,8			
	11	18	WNW	19	WNW	12	WNW	10	n	9	s	0	— 12,0	*		
	12	2	ESE	1	WSW	4	ESE	0	5	s	0	0	— 25,0			
1	13	0	1	WNW	0	0	0	0	0	1	Cu	— 23,2				
2	14	0	0	0	2	ESE	8	cu	6	c,s	0	— 17,6				
3	15	0	2	WNW	2	ESE	E	8	c,Cu	10	s	0	— 14,8			
4	16	1	ESE	0	0	0	0	10	Cu	2	s	0	— 16,4			
5	17	0	0	2	WNW	0	0	0	1	s	0	— 16,8	≡			
6	18	0	1	WSW	3	WNW	E	8	s,Cu	10	c,Cu	0	— 12,6			
7	19	0	1	W	1	ESE	0	0	10	n	0	— 13,4	∞ 11 ч. ^а — 2 ч. ^р			
8	20	3	ESE	2	ESE	0	0	0	10	Cu	0	— 13,0				
9	21	1	WSW	0	2	ESE	E	9	Cu	9	c,Cu	5	s,Cu	— 11,8		
10	22	9	WNW	7	WNW	0	E	10	Cu	10	n,Cu	10	n	— 14,0		
11	23	7	WNW	2	WNW	0	E	10	n	10	n	3	Cu	— 11,8		
12	24	1	ESE	1	WNW	1	ESE	w	10	n	8	s	7	Cu	— 23,0	≡
13	25	3	ESE	0	0	0	s	10	n	8	s,Cu,C	1	c	— 19,0		
14	26	2	ESE	3	ESE	0	n	10	n,Cu	4	s,Cu	10	s,Cu	— 19,4		
15	27	0	0	2	WNW	WE	10	s,Cu	9	s,c	4	s,Cu	— 20,2	∞		
16	28	2	WNW	2	ESE	1	WNW	10	s,Cu	4	s	9	n	— 25,0		
17	29	3	WSW	3	WNW	4	WSW	E	4	Cu,C	4	s	7	n	— 19,0	
18	30	0	0	0	0	0	0	≡	0	0	0	— 35,8	∞			
Сумма.												459,2				
Среднее.																

СОКРАЩЕННЫЯ ОБОЗНАЧЕНІЯ ДЛЯ ПРИМѢЧАНІЙ.

☉ = Роса.	● = Дождь.	☉ = Вънець около солнца.	☉ = Сѣверное сіяніе.	∞ = Атмосферн. дымъ.
□ = Иней.	* = Снѣгъ.	☾ = Кругъ около луны.	☾ = Гроза.	* = Метель.
∇ = Изморозь.	△ = Крупа.	☾ = Вънець около луны.	☉ = { Молнія безъ грома или зарница.	· = { Столбы около солнца.
s = Гололедица.	▲ = Градь.	☾ = Ледяныя иглы.		
≡ = Туманъ.	⊗ = Кругъ около солн.	○ = Радуга.	⊗ = Сильный вѣтеръ.	

Число		Барометръ при 0°. Миллиметры.					Температура воздуха. Цельзій.					Смоченный термометръ.		
Старый стиль.	Новый стиль.	7	1	9	Сумма.	Среднее.	7	1	9	Сумма.	Среднее.	7	1	9
	1	738.4	739.3	738.5	2216.2	738.7	-32.5	-27.7	-29.5	-89.7	-29.9	-32.2	-27.7	-28.8
	2	739.6	741.2	741.4	2222.2	740.7	-34.1	-28.1	-28.1	-90.3	-30.1	-34.1	-27.8	-28.4
	3	741.6	741.7	738.7	2222.0	740.6	-33.1	-26.9	-27.7	-87.7	-29.2	-32.0	-25.6	-28.0
	4	741.7	742.4	737.4	2221.5	740.5	-25.5	-21.1	-23.5	-70.1	-23.3	-25.0	-21.2	-23.2
	5	729.7	725.3	724.2	2179.2	726.4	-22.5	-16.6	-15.8	-54.9	-18.3	-22.8	-16.6	-15.8
	6	727.5	729.2	732.3	2189.0	729.6	-14.1	-9.2	-13.5	-36.8	-12.2	-14.4	-9.6	-13.8
	7	729.5	725.8	725.3	2180.6	726.8	-22.8	-19.3	-15.3	-57.4	-19.1	-22.8	-19.6	-15.4
	8	726.3	725.8	725.8	2177.9	725.9	-16.4	-9.7	-9.1	-35.2	-11.7	-16.6	-10.4	-9.4
	9	728.0	730.0	731.2	2189.2	729.7	-8.7	-10.2	-16.5	-35.4	-11.8	-9.4	-10.6	-16.6
	10	729.2	726.1	726.0	2181.3	727.1	-23.3	-17.3	-15.3	-55.9	-18.6	-24.0	-17.6	-15.8
	11	726.1	725.1	721.0	2172.2	724.0	-10.9	-7.8	-7.1	-25.8	-8.6	-11.2	-8.2	-7.3
	12	721.1	725.0	726.9	2173.0	724.3	-13.1	-9.1	-10.9	-33.1	-11.0	-13.4	-9.4	-11.2
1	13	727.1	724.7	718.9	2170.7	723.5	-15.9	-7.1	-7.7	-30.7	-10.2	-16.2	-7.6	-8.2
2	14	714.0	716.9	722.1	2153.0	717.6	-3.7	-3.7	-3.5	-10.9	-3.6	-4.4	-4.0	-4.8
3	15	729.0	733.0	735.0	2197.0	732.3	-9.8	-11.8	-17.7	-39.3	-13.1	-10.8	-12.4	-18.2
4	16	735.3	736.0	733.9	2205.2	735.0	-20.7	-18.2	-22.1	-61.1	-30.3	-21.0	-18.5	-22.4
5	17	730.2	730.0	731.0	2191.2	730.4	-20.8	-10.7	-15.7	-47.2	-15.7	-20.9	-11.5	-15.8
6	18	739.1	730.5	730.3	2199.9	733.3	-18.9	-15.8	-14.5	-49.2	-16.4	-19.2	-16.0	-15.8
7	19	726.4	722.2	720.1	2168.7	722.9	-14.2	-10.9	-5.6	-30.7	-10.2	-14.4	-11.0	-5.8
8	20	715.9	716.8	720.8	2153.5	717.8	-5.4	-4.9	-6.3	-16.6	-5.5	-5.8	-4.6	-6.5
9	21	733.0	735.2	735.3	2203.5	734.5	-14.5	-17.3	-24.1	-55.9	-18.6	-15.0	-17.7	-23.8
10	22	728.0	726.1	725.0	2179.1	726.3	-30.1	-25.3	-24.9	-80.3	-26.7	-30.1	-25.4	-24.7
11	23	729.6	730.1	734.1	2193.8	731.2	-25.3	-21.6	-17.8	-64.7	-21.5	-25.6	-21.8	-18.0
12	24	735.2	734.9	732.5	2202.6	734.2	-21.5	-19.5	-25.4	-66.4	-23.1	-21.4	-19.6	-26.0
13	25	730.3	727.2	725.2	2182.7	727.5	-33.3	-26.5	-27.2	-87.0	-29.0	-31.8	-26.8	-27.2
14	26	729.6	731.4	734.3	2195.3	731.7	-30.1	-28.1	-28.1	-86.3	-29.1	-28.4	-28.4	-28.0
15	27	734.5	734.2	736.4	2205.1	735.0	-24.1	-20.5	-23.9	-68.5	-22.8	-24.4	-20.4	-24.2
16	28	735.6	735.6	735.6	2206.8	735.6	-25.7	-21.3	-23.4	-70.4	-23.4	-25.6	-21.4	-23.4
17	29	730.6	728.3	724.2	2183.1	727.7	-24.1	-18.2	-19.1	-61.4	-20.4	-24.4	-18.4	-19.4
18	30	718.5	710.1	716.1	2144.7	714.9	-20.6	-13.7	-13.1	-47.4	-15.8	-10.7	-14.0	-12.8
19	31	718.0	720.2	722.2	2160.4	720.1	-13.0	-10.7	-19.0	-42.7	-14.2	-13.2	-10.9	-19.2
Сумма.		22518.6	22600.3	22601.7	67830.6	22605.8	-628.7	-480.8	-551.4	1660.9	583.4	-631.2	-486.3	-558.7
Среднее.		726.4	729.0	729.1	2188.1	729.2	-20.3	-15.5	-17.8	53.6	18.5	-20.4	-15.7	-18.0

Абсолютная влажность. Миллиметры.					Относительная влажность. Проценты.					Гигрометр.						
7	1	9	Сумма.	Среднее.	7	1	9	Сумма.	Среднее.	7	1	9	Сумма.	Среднее.		
					88	89	89	266	88	88	89	89	266	88		
					97	90	89	276	92	87	90	89	276	92		
					82	90	90	262	87	88	90	90	268	89		
	0.8		0.8	0.8	91	93	88	272	90	91	94	88	273	91		
0.5	1.2	1.3	3.0	1.0	76	100	100	276	92	88	96	97	281	93		
1.3	2.0	1.4	4.7	1.5	88	88	88	264	88	98	87	89	274	91		
0.7	0.8	1.3	2.8	0.9	100	81	95	276	92	87	86	89	261	87		
1.1	1.7	2.0	5.8	1.9	90	77	91	258	86	93	85	100	278	93		
1.8	1.8	1.2	4.8	1.6	79	87	95	261	87	94	86	96	276	92		
0.3	1.0	1.0	2.3	0.8	42	84	77	208	67	85	83	95	263	87		
1.7	2.2	2.5	6.4	2.1	90	89	95	274	91	100	85	100	285	95		
1.4	2.0	1.7	5.1	1.7	88	91	90	269	89	100	100	97	297	99		
1.1	2.3	2.2	5.6	1.8	85	87	86	258	86	96	92	89	277	92		
2.9	3.2	2.5	8.6	2.8	84	93	75	252	84	92	100	72	264	88		
1.4	1.4	0.8	3.6	1.2	67	78	73	218	72	57	69	80	206	68		
0.7	0.9	0.6	2.2	0.7	79	89	77	245	81	92	96	95	283	94		
0.8	1.4	1.2	3.4	1.1	93	73	95	221	87	96	82	82	260	86		
0.8	1.2	1.1	3.1	1.0	82	90	86	258	86	89	98	100	287	95		
1.4	1.9	2.8	6.1	2.0	92	97	96	285	95	100	100	100	300	100		
2.7		2.7	5.4	2.7	90	78	95	263	87	93	78	100	271	90		
1.1	0.9		2.0	1.0	78	79	81	238	79	61	61	81	203	67		
					84	85	84	253	84	84	85	84	253	84		
	0.7	1.0	1.7	0.5	91	93	89	273	91	91	83	95	269	89		
	0.9		0.9	0.9	95	94	87	278	92	95	94	87	276	92		
					85	89	89	266	88	88	89	89	266	88		
					88	88	88	264	88	88		88	176	88		
0.5		0.5	1.0	0.5	73	92	74	239	79	87	92	91	270	90		
	0.8	0.7	1.5	0.7	92	93	100	285	95	92	93	93	278	92		
0.5	0.9	0.8	2.2	0.7	73	89	81	243	81	92	96	96	284	94		
0.8	1.4		2.2	1.1	93	88	100	281	93	97	95	96	288	96		
1.5	1.8	0.9	4.2	1.4	92	94	88	274	91	97	98	98	293	97		
Сумма.		31.0	33.2	30.2	89.4	32.6	2630	2728	2721	8091	2688	2786	2671	2835	8302	2637
Среднее.		1.0	1.1	0.9	3.5	1.3	84	97	87	261	89	89	86	92	269	89

Число.		Направление и сила вѣтра Метры въ секунду.			Направ. облаков.	Облачность.			Осадки Миллимет.	Термограф. Цельзия.		ПРИМѢЧАНІЯ.
Стар. СТИЛЬ.	Новый СТИЛЬ.	7	1	9	1	7	1	9	7	Maxim.	Minim.	
	1	0	0	0							33,8	
	2	0	0	1 ESE							33,0	≡
	3	3 ESE	2 SE	0		3 s,Cu	6 s,Cu				32,2	
	4	1 WNW	1 SE	6 ESE		10 n	6 sCu	8 C,Cu			31,0	≡
	5	0	1 WNW	3 WNW			8 s	10 Cu			23,8	≡
	6	2 ESE	10 WNW	0	E	10 s,C	10 Cu	6 n			16,2	
	7	1 ESE	2 NE	1 WNW		0	0	10 n			22,8	* съ 8 ч. ^p —п. ч. ^a
	8	3 ESE	0	0		10 n,Cu	10 ⁰ s	6 ⁰ s,C	6,5		18,0	* съ 6 ⁷ / ₁₂ ч. ^p —8 ³ / ₄ ч. ^p
	9	6 WNW	4 WNW	0		10 s	6 C,s,Cu	6 sCu			8,6	
	10	0	1 WNW	0		5 sC	9 cS	2 Cu			23,8	
	11	0	2 SE	6 ESE		10 n	3 Cu,s	4 Cu	0,9		15,2	* съ п. ч.—10 ч. 30 м.
	12	0	0	5 ESE			10 n	6 sCu			15,0	≡ п. ч.—9 ч. 10 м. * съ 10 ч. 40 м.—2 ч. 20 м.
1	13	2 ESE	1 SE	4 ESE		3 s,C	8 Cu	3 s			16,4	
2	14	3 ESE	6 NS	10 NW		10 Cu,C	10 n	2 s			7,2	* 8 ч. ^a 40 м.—11 ч. ^a 20 м.
3	15	7 NW	9 WNW	0	E	10 s	8 sC,Cu	4 s			11,0	* съ 3 ч. ^p 10 м.—4 ¹ / ₂ ч. ^p
4	16	0	0	2 ESE		0	0	0			22,8	
5	17	6 ESE	3 ESE	1 ESE		0	1 sC	5 Cu			23,2	
6	18	2 WNW	0	0		6 sC	1 s	10 n			20,8	≡ съ 8 ³ / ₄ —1 ч. 20 м.
7	19	0	3 ESE	1 ESE		10 s	5 sC	6 s			15,4	
8	20	1 ESE	6 WNW	9 WNW		4 s	9 s,C	10 CuS			6,0	
9	21	6 WNW	0	0		10 s,Cu	3 s,C	0			14,2	
10	22	0	0	0		0	10 n	0			30,6	
11	23	0	3 WNW	0	E	8 s,Cu	6 CuC	6 s,Cu			25,6	
12	24	1 WSW	4 ESE	3 ESE	S	3 s	8 cS	0			21,2	
13	25	0	0	0		0	0	0			32,3	
14	26	0	0	1 ESE		4 s	6 Cu				33,2	
15	27	0	0	0		3 s,C	4 s,C	9 sC			27,4	
16	28	0	1 WSW	0		0	0	0			26,0	
17	29	0	0	1 ESE			5 sC	2 sC			25,4	
18	30	0	0	2 WNW	E	5 sCu	10 s,Cu	7 cSCu			22,8	
19	31	0	1 ESE	0	E	9 s,Cu	9 ² s,Cu	0	0,1		13,4	* съ п. ч.—a ^a ч.
Сумма.												
Среднее.												

СОКРАЩЕННЫЯ ОБОЗНАЧЕНІЯ ДЛЯ ПРИМѢЧАНІЙ.

☉ = Роса.	● = Дождь.	☉ = Вънецъ около солнца.	☉ = Сѣверное сіяніе.	∞ = Атмосферн. дымъ.
□ = Иней.	* = Снѣгъ.	☉ = Кругъ около луны.	☉ = Гроза.	* = Метель.
∇ = Изморозь.	△ = Крупа.	☉ = Вънецъ около луны.	☉ = { Молнія безъ грома	· = { Столбы около солнца.
∞ = Гололедица.	▲ = Градь.	☉ = Ледяныя иглы.	☉ = { или зарница.	
≡ = Туманъ.	⊗ = Кругъ около солн.	☉ = Радуга.	☉ = Сильный вѣтеръ.	

ПРОТОКОЛЫ

Распорядительнаго Комитета Восточно-Сибирскаго
Отдѣла Императорскаго Русскаго Геогра-
фическаго Общества:

Юня 7 дня 1884 г.

Присутствовали: Н. И. Витковский, С. И. Коссовичъ, М. Я. Писаревъ, А. А. Шамаринъ, А. В. Федоровъ, Н. Н. Агапитовъ.

1) Прочитано отношеніе типографіи Окружнаго Штаба, сообщающее объ отпечатаніи составленной покойнымъ И. В. Щегловымъ работы подъ заглавіемъ: „Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ по исторіи Сибири съ 1032 по 1882 годъ“, причемъ Распорядительный Комитетъ запрашивается: 1) не имѣется-ли въ виду какихъ либо дополненій къ труду г. Щеглова или онъ можетъ быть признанъ законченнымъ и 2) какъ поступить съ тѣми 125 экземп. сочиненія г. Щеглова, которые имъ были заказаны лично для себя по частному соглашенію съ типографіей.

Постановили: 1) такъ какъ, судя по заключительнымъ словамъ отпечатаннаго труда, къ нему должны быть приложены алфавитный указатель географическихъ названій и именъ, упоминаемыхъ въ трудѣ, то войти въ сношеніе съ женою покойнаго г. Щеглова о розысканіи въ бумагахъ его такового указателя и по доставленіи его въ Комитетъ вопросъ о печатаніи указателя подвергнуть обсужденію; 2) такъ какъ отпечатанныхъ листовъ „хронологическаго перечня“ 48⁵/₈, а не 43, какъ это было предложено типографіи въ послѣднемъ отношеніи Отдѣла за № , то просить типографію не ставить отпечатаніе этихъ излишнихъ противъ 43 листовъ на счетъ Отдѣла; 3) по отношенію къ излишне отпечатаннымъ 125 экземплярамъ, противъ заказанныхъ 400, въ слѣдствіе отпечатанія ихъ типографіей безъ разрѣшенія Отдѣла—опредѣлили: а) просить типографію доставить письмо И. В. Щеглова, на основаніи котораго приступлено было къ отпечатанію этихъ 125 экземпляровъ и б) увѣдомить типографію, что при расчетѣ за эти экземпляры Отдѣлъ можетъ уплатить только стоимость бумаги; 4) такъ какъ по уставу Общества на каждомъ томѣ изданій Общества должны быть напечатаны имена тѣхъ лицъ, подъ наблюдениемъ которыхъ каждый томъ печатался, и имѣя въ виду, что при печатаніи труда г. Щеглова на него лично и было возложено наблюдение, въ слѣдствіе смерти автора, просить В. И. Вагина принять на себя трудъ просмотрѣть работу г. Щеглова и дать свое заключеніе.

2) Прочитаны письма наблюдателя Верхоленской станціи, въ которомъ г. Гамкрелидзе просить выслать ему minimum—термометръ и увѣдомить, закроется-ли станція въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, когда истекаетъ срокъ контракта на квартиру, или станція сохраняется, и тогда необходимо заключить новое условіе.

Постановили: увѣдомить г. Гамкрелидзе а) что станція будетъ поддерживаться Отдѣломъ до Января 1885 года и дальнѣйшее ея существованіе будетъ подлежать особому обсужде-

нію Комитета осенью, въ слѣдствіе чего контрактъ необходимо продолжить; б) minimum—термометровъ было на станціи испорчено два, чтобы выслать третій, потребуется разрознить единственную полную серію инструментовъ и потому въ просьбѣ отказать въ настоящее время, но такой термометръ просить выслать въ Главную Физическую Обсерваторію и поручить это сдѣлать лично Правителю дѣлъ, пользуясь его командировкой въ Европейскую Россію.

3) Предъявленъ счетъ типографіей Синицына на 226 руб. за отпечатаніе „Извѣстій“ т. XIV №№ 4—5 и за мелкія типографскія работы.

Постановили: уплатить типографіи Синицына 226 руб.

Соглашаясь съ соображеніями, высказанными въ этомъ протоколѣ относительно труда И. В. Щеглова „Хронологическій перечень“ и пр., я полагаю, однако, что Комитету надлежало рассмотреть вопросъ не только о покрытіи расходовъ на напечатаніе этого труда, но и о вознагражденіи за этотъ трудъ на слѣдниковъ покойнаго.

М. Писаревъ.

4 Августа 1884 года,

Подъ предѣдательствомъ С. И. Коссовича, присутствовали: Н. И. Раевскій, М. Я. Писаревъ, А. А. Шамаринъ и Н. И. Витковский.

1) Прочитано сообщеніе Окружнаго Штаба отъ 23 Юля с. г. за № 657, что по вопросу о печатаніи труда покойнаго Щеглова: „Хронологическій перечень главнѣйшихъ данныхъ по исторіи Сибири“ Типографія Штаба рѣшила: 1) не дѣлать никакихъ уступокъ за лишне-отпечатанные, безъ разрѣшенія Отдѣла, 5⁵/₈ листа, а прямо предать ихъ уничтоженію, въ случаѣ несогласія со стороны Отдѣла уплатить причитающіяся за нихъ деньги; 2) что за 125 экземпляровъ упомянутаго сочиненія, отпечатанныхъ лишь на основаніи личнаго соглашенія съ авторомъ, она желаетъ получить только стоимость бумаги.

Постановили: въ виду такого заявленія, грозящаго уничтожить цѣлость сочиненія, признать необходимымъ уплатить за все сочиненіе, но принимая во вниманіе полнѣйшую невозможность произвести расчетъ въ текущемъ году, просить Штабъ часть платежа отсрочить до будущаго года.

2) Выслушано письмо Войскаго Старшины Путилова, которымъ онъ спрашиваетъ Отдѣлъ, какаѣ судьба постигла его статью: „О новомъ пути отъ гг. Бяхты, Селенгинска и Читы до ст. Боярской“, каковую статью онъ выслалъ въ Отдѣлъ еще въ Февралѣ мѣсяцѣ с. г. съ просьбою напечатать ее въ „Извѣстій“ и появленіе въ свѣтъ которой для него теперь особенно важно въ виду того обстоятельства, что изслѣдованный имъ уже путь Министерствомъ Путей Сообщенія поручило въ нынѣшнемъ году изслѣдовать П. А. Кельбергу.

Постановили: вопросъ о печатаніи сказанной статьи отложить до возвращенія редактора „Извѣстій“ г. Агапитова, краткое же извлеченіе изъ оной, согласно заявленія М. Я. Писарева, напечатать въ мѣстной газетѣ „Сибирь“.

24 Августа 1884 года.

Подъ председательствомъ С. И. Коссовича, присутствовали: Н. И. Раевскій, В. И. Вагинъ, А. А. Шамаринъ, А. М. Шестаковъ, А. В. Федоровъ и Н. И. Витковскій.

1) В. И. Вагинъ прочелъ свое заключеніе о сочиненіи покойнаго Щеглова „Хронологическій перечень главнѣйшихъ данныхъ по исторіи Сибири“. Опредѣливъ значеніе сочиненія, какъ важной справочной книги для всѣхъ занимающихся исторіею Сибири и указавъ на главнѣйшія въ ней невѣрности, В. И. въ заключеніи заявилъ, что такъ какъ книга печаталась подъ наблюденіемъ самаго автора, то, по его мнѣнію, было бы несправедливо отнимать у него честь редактированія, потому только, что онъ умеръ, но если Комитету будетъ угодно означить на книгѣ другаго редактора, то онъ соглашается принять на себя это званіе съ тѣмъ только, чтобы были исправлены указанныя имъ ошибки и присоединены составленные Щегловымъ указатели.

Постановили: благодарить В. И. за трудъ рассмотрѣнія упомянутой книги и просить его принять на себя и званіе редактора ея, такъ какъ Комитетъ считаетъ это необходимымъ. Вопросъ о печатаніи указателей къ книгѣ оставить въ рѣшеніемъ, въ виду словеснаго заявленія жевы покойнаго автора, что составленіе таковыхъ было имъ начато только не задолго передъ смертію.

2) При обсужденіи вопроса объ устройствѣ музея къ предстоящему зимнему сезону нѣкоторыми изъ членовъ Комитета было замѣчено, что всѣ коллекціи по этнографіи было бы целесообразно перенести въ залъ верхняго этажа, а естественно-историческія размѣстить тамъ же въ аванзалѣ, оставивъ въ нижнемъ этажѣ только бібліотеку. Большинствомъ присутствующихъ мнѣніе это признано основательнымъ, посему.

Постановили: поручить консерватору музея исполнять вышеозначенное перемѣщеніе и ассигновать ему до ста рублей на устройство временныхъ вѣшалокъ и столовъ.

Раздѣляя все изложенное въ этомъ протоколѣ, смѣю заявить свое желаніе: во-1-хъ, чтобы настоящій протоколъ былъ дополненъ подробнымъ перечисленіемъ высказанныхъ Всеволодомъ Ивановичемъ Вагинымъ главнѣйшихъ невѣрностей въ сочиненіи покойнаго И. В. Щеглова, и во-2-хъ, чтобы были приняты мѣры къ своевременной подписи гг. Членами Распорядительнаго Комитета протоколовъ засѣданій, а не черезъ 2½ мѣсяца, какъ показывается этотъ протоколъ. Ноября 8 дня 1884 г.

Членъ Распорядительнаго Комитета А. Шестаковъ.

4 Сентября 1884 года.

Подъ председательствомъ С. И. Коссовича присутствовали: Н. И. Раевскій, В. И. Вагинъ, В. П. Сукачевъ, А. В. Федоровъ, А. М. Шестаковъ и Н. И. Витковскій.

1) В. П. Сукачевымъ прочитана копія съ письма Г. Н. Потанина къ Секретарю Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, писаннаго 25 Юля с. г. изъ Гуй-Хуачена (въ Китаѣ). Въ письмѣ этомъ Г. Н. довольно подробно излагаетъ какъ ходъ работъ экспедиціи, такъ и путь, по которому

она прошла; описаніе нѣкоторыхъ, болѣе замѣчательныхъ, мѣстностей и были демонстрированы фотографическими снимками. Письмо и снимки переданы В. П. въ Отдѣлъ.

Постановили: краткое извлеченіе изъ письма путешественника напечатать въ „Извѣстіяхъ“ Отдѣла, а снимки передать въ бібліотеку.

2) Консерваторъ музея Н. И. Витковскій заявилъ, что въ ночь съ 2 на 3 Сентября изъ подвала, имѣющагося при домѣ Отдѣла, похищенъ, кромѣ нѣкоторыхъ вещей Витковского, одинъ ящикъ консервовъ, высланныхъ изъ Петербурга для Ленской экспедиціи; фактъ похищенія констатированъ полицейскимъ чиновникомъ и разбитый ящикъ найденъ въ прилегающемъ саду Благороднаго Института, причемъ по нѣкоторымъ остаткамъ можно было заключить, что въ похищенномъ ящикѣ находились флаконы съ клюквеннымъ экстрактомъ.

Постановили: въ виду возможности похищенія не только остальныхъ ящиковъ съ консервами изъ подвала, но и болѣе цѣнныхъ вещей изъ музея, остающагося ночью безъ всякой охраны, нанять, вмѣсто одного, двухъ служителей, съ платою по 15 руб., на обязанности которыхъ долженъ быть какъ постоянный ночной караулъ, такъ соблюденіе чистоты и отопленіе зданія. Наемъ служителей и наблюденіе за ихъ исправностью поручить консерватору музея.

Что же касается обязанностей разсыльнаго, лежащихъ нынѣ на одномъ служителѣ, получающемъ 20 руб. въ мѣсяць, то таковыя распределить пока между двумя служителями, а въ одномъ изъ послѣдующихъ засѣданій Комитета обсудить вопросъ о замѣнѣ доставки повѣстокъ и другой корреспонденціи чрезъ служителя, посредствомъ городской почты или объявленій въ мѣстной газетѣ.

3) Въ виду того, что въ пожаръ, уничтожившій столярную мастерскую Каперскаго, сгорѣли заказанные ему и уже начатыя постройкою шкафы для бібліотеки Отдѣла, постановили: возобновить заказъ потому же проекту какой былъ данъ Каперскому, въ другой мастерской, поручивъ исполнить это консерватору музея Витковскому.

11 Сентября 1884 года.

Подъ председательствомъ С. И. Коссовича присутствовали: А. В. Федоровъ, Н. И. Раевскій, В. И. Вагинъ, М. Я. Писаревъ, А. М. Шестаковъ и Н. И. Витковскій.

1) Прочитано предложеніе Дерптской метеорологической обсерваторіи производить постоянный обмѣнъ изданіями, причемъ Обсерваторія проситъ выслать ей и всѣ изданные уже до сихъ поръ томы Извѣстій Отдѣла, съ тѣмъ что и она выслетъ всѣ свои изданія.

Постановили: принять предложеніе и исполнить просьбу Обсерваторіи.

2) Консерваторъ музея заявилъ, что постоянно пребывающія, не рѣдко весьма цѣнныя коллекціи, не имѣя должнаго помѣщенія, т. е. шкафовъ и витринъ, очень скоро подвергнутся порчѣ и потеряютъ свое значеніе, поэтому онъ просилъ Комитетъ обсудить вопросъ о изысканіи средствъ для постройки шкафовъ для музея.

Постановили: составить предварительно проект и смету стоимости необходимых шкафов, вопрос о постройке их и изыскании средств представить для обсуждения в Общее Собрание Членов Отдѣла.

3) Выслушано заключение Ревизионной Коммисіи, пофрившей отчет Отдѣла за 1883 г.

Постановили: по возвращеніи изъ отпуску Правителя дѣлъ еще разъ прочесть сказанное заключеніе и дать нужные объясненія.

25 Сентября 1884 года.

Подъ предѣдательствомъ С. И. Коссовича присутствовали: А. В. Федоровъ, Н. И. Раевскій, А. А. Шамаринъ, В. И. Вагнъ, А. М. Шестаковъ и Н. П. Витковскій.

1) Прочитана телеграмма отъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, сообщающая о переводѣ въ Иркутск на имя Отдѣла шести тысячъ руб., предназначенныхъ для Ленской метеорологической станціи.

Постановили: согласно содержанию телеграммы просить Якутскаго Губернатора, въ случаѣ надобности, открыть кредитъ Начальнику станціи, г. Юргенсу, въ 6000 руб.; переведенныя же деньги положить на текущій счетъ Отдѣла, впродъ до полученія какихъ либо требованій отъ г. Юргенса или Якутскаго Губернатора.

2) Въ виду того, что бывшій Предѣдатель Отдѣла П. Ф. Унтербергеръ получилъ новое назначеніе и уѣхалъ уже въ Хабаровку, постановили: приступить къ выбору новаго Предѣдательствующаго, руководствуясь при этомъ тѣми же правилами объ избирательныхъ правахъ, какія изложены въ протоколѣ 26 Ноября 1883 г., т. е. посылать выборные листы только тѣмъ изъ вновь избранныхъ членовъ Отдѣла, которые внесли членскій взносъ; но чтобы при этомъ избѣгнуть могущихъ возникнуть недоразумѣній, постановили: поручить исполняющему должность Правителя дѣлъ составить списокъ членовъ, неуплатившихъ взносъ и по рассмотрѣніи такового въ Комитетѣ послать съ разсылнымъ къ каждому изъ членовъ съ просьбою уплатить причитающійся взносъ и принять такимъ образомъ участіе въ предстоящихъ выборахъ.

8 Октября 1884 года.

Подъ предѣдательствомъ С. И. Коссовича присутствовали: М. Я. Писаревъ, Н. И. Раевскій, А. В. Федоровъ, А. А. Шамаринъ, С. А. Штернъ, В. П. Сукачевъ и Н. И. Витковскій.

1) Предъявленъ счетъ Типографіи Штаба на 1046 руб., слѣдующихъ за напечатаніе труда покойнаго Щеглова: „Хронологическій перечень главнѣйшихъ данныхъ по исторіи Сибири“.

Постановили: уплатить пока по упомянутому счету только 500 руб., а остальные 546 руб. доплатить, по соображенію съ наличными средствами Отдѣла, въ концѣ текушаго или въ началѣ будущаго года.

2) Библиотечарь Отдѣла Н. И. Витковскій доложилъ, что выше упомянутое сочиненіе Щеглова доставлено уже Ти-

пографіею въ Отдѣлъ въ количествѣ 525 экземпляровъ и просилъ о назначеніи продажной цѣны и о выборѣ способа скорѣйшей распродажи его.

Постановили: чтобы сдѣлать книгу доступною большому кругу читателей, назначить за нее, по возможности, не высокую цѣну, а именно 3 руб.; въ зданіи Отдѣла, на видномъ мѣстѣ, вывѣсить объявленіе о выходѣ въ свѣтъ книги и цѣны ей, такое же объявленіе просить напечатать и редакцію газеты Сибири; кромѣ того, просить действительнаго члена Отдѣла Н. Н. Синицына, имѣющаго книжную торговлю, принять участіе въ продажѣ упомянутаго сочиненія.

3) При дальнѣйшемъ обсужденіи вопроса о предстоящихъ выборахъ Предѣдательствующаго нѣкоторыми изъ присутствующихъ членовъ было высказано мнѣніе, что Комитетъ, ограничивая избирательныя права вновь избранныхъ членовъ, не уплатившихъ взноса за тотъ годъ, въ которомъ предстоятъ выборы должностныхъ лицъ, нарушаетъ уставъ, дающій § 37-мъ двухлѣтнюю льготу каждому изъ членовъ касательно уплаты взноса и что объясненіе 27 § того же устава, послужившее основаніемъ для протокола отъ 29 Ноября 1883 г. то же несогласно съ уставомъ, такъ какъ въ упомянутой статьѣ ясно высказано, что вновь поступающій, хотя бы въ концѣ года, членъ долженъ уплатить взносъ за весь этотъ годъ, но не то, что онъ, не уплативъ взноса до выборовъ, не имѣетъ правъ участвовать въ нихъ. Исполняющій обязанность Предѣдателя, С. И. Коссовичъ, въ виду несогласія мнѣній присутствующихъ по этому вопросу, предложилъ его на баллотировку; четверо изъ присутствующихъ остались при своемъ особомъ, при семъ приложенномъ мнѣніи, а остальные четверо съ голосомъ Предѣдателя, составивъ большинство, заявили, что лица, оказавшіяся по баллотировкѣ на Общемъ Собраніи выбраемыми въ действительные члены Отдѣла, считаются пока только выбранными, а не вступившими, такъ какъ вступившими, т. е. сдѣлавшимися членами Общества, могутъ считаться только тѣ изъ выбранныхъ, которые исполнять обязательства, возлагаемыя на нихъ 27 § устава, т. е. внести членскіе взносы; не сдѣлавшіеся членами Общества, понятно, не могутъ принимать и участія въ дѣлахъ Общества, а слѣдовательно и имѣть голосъ на выборахъ. Что же касается 37 § устава, то, по мнѣнію упомянутыхъ четырехъ членовъ, въ этомъ § нѣтъ и рѣчи о какой либо двухлѣтней льготѣ для внесенія членскихъ взносовъ, какъ это полагаютъ другіе члены. Въ немъ говорится только о срокѣ, съ котораго вступившій действительнымъ членомъ въ Общество перестаетъ быть таковымъ, а не о времени, съ котораго долженъ вступившій членъ вносить членскій взносъ. При 2-хъ лѣтней отсрочкѣ членскихъ взносовъ для вступающихъ членовъ немисливо было бы осуществленіе дѣятельности Общества въ продолженіе первыхъ двухъ лѣтъ его существованія, такъ какъ нельзя же безъ денегъ приступить къ какимъ либо предпріятіямъ. Кромѣ этого, 2-хъ лѣтняя отсрочка повела бы къ располженію и безъ того имѣющагося у насъ въ достаточномъ количествѣ фиктивныхъ членовъ.

Въ засѣданіи Распорядительнаго Комитета Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 8-го сего Октября, между прочимъ, возникъ вопросъ, руководствоваться ли при выборѣ должностныхъ лицъ уставомъ

названнаго Общества, или же тѣми правилами, которыя изложены въ протоколѣ засѣданія Распорядительнаго Комитета 26-го Ноября 1883 г. При обсужденіи этого вопроса гг. С. А. Штернь, Н. И. Витковский, В. П. Сукачевъ и М. Я. Писаревъ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказались, что правила, изложенныя въ указанномъ протоколѣ, не согласуются съ уставомъ Общества, по которому каждому члену предоставляется двухлѣтняя льгота для взноса 10 р. съ тѣмъ однако-же ограниченіемъ, что если вновь избранный членъ поступилъ въ Общество и въ концѣ года, онъ обязанъ сдѣлать полный годичный взносъ. Независимо этого, протоколъ отъ 26-го Ноября 1883 г. не по, исавъ двумя членами Распорядительнаго Комитета, и потому не можетъ быть считаемъ за документъ, на который можно было бы ссылаться въ послѣдующей дѣятельности Комитета. Бромъ того, Распорядительному Комитету, по уставу, не предоставлено права не только измѣнять его, но и входить въ разъясненіе какихъ либо статей его; подобные вопросы, на основаніи § 6-го устава Отдѣла и § 61-го устава Общества, могутъ быть разрѣшаемы въ чрезвычайномъ Общемъ Собраніи. По всѣмъ этимъ соображеніямъ мы полагаемъ, что если выборы г. Предсѣдательствующаго будутъ произведены на основаніи правилъ, изложенныхъ въ протоколѣ Распорядительнаго Комитета отъ 26-го Ноября 1883 г., то они не могутъ считаться дѣйствительными; вмѣстѣ съ тѣмъ мы считаемъ необходимымъ созваніе чрезвычайнаго Общаго Собранія.

Члены Распорядительнаго Комитета: *М. Писаревъ, С. Штернь, Н. Витковский, В. Сукачевъ.*

Г. Иркутскъ, 11-го Октября 1883 г.

10 Октября 1884 года.

Подъ предсѣдательствомъ С. И. Коссовича присутствовали: С. А. Штернь, Н. И. Раевскій, А. М. Шестаковъ, П. Н. Лялинъ, А. А. Шамаринъ, А. И. Бобровниковъ, Н. И. Витковский, Начальникъ Ленской метеорологической станціи Н. Д. Юргенсъ и дѣйствительный членъ Ячевскій.

1) С. И. Коссовичъ привѣтствовалъ отъ имени Комитета Н. Д. Юргенса съ благополучнымъ окончаніемъ возложенныхъ на него важныхъ порученій.

2) Вмѣсто выбывшаго члена Распорядительнаго Комитета К. П. Свѣтлицкаго, постановили: пригласить къ участію въ занятіяхъ Комитета Кандидата въ члены А. И. Бобровникова.

3) По разсмотрѣніи алфавитнаго списка дѣйствительныхъ членовъ Отдѣла, постановили:

а) Тѣхъ изъ членовъ, которые, въ теченіе двухъ лѣтъ, согласно § 37 устава, не доставили никакихъ свѣдѣній или не исполнили установленнаго членскаго взноса, считать сложившими съ себя званіе членовъ и исключить ихъ изъ списковъ. Разнымъ образомъ исключить изъ списковъ и умершихъ членовъ.

б) Тѣмъ изъ членовъ, которые, въ силу вышеприведеннаго § 37 устава, не потеряли еще право на званіе члена Общества, послать приглашеніе о скорѣйшемъ выполненіи ими своихъ обязательствъ, т. е. внести слѣдующіе съ нихъ членскіе взносы или же доставить требуемыя уставомъ свѣдѣнія.

25 Октября 1883 года.

Подъ предсѣдательствомъ С. И. Коссовича присутствовали: Н. И. Раевскій, А. А. Шамаринъ, П. Н. Лялинъ, А. И. Бобровниковъ, А. В. Федоровъ, А. М. Шестаковъ, Н. И. Витковский и Начальникъ Ленской полярной станціи Н. Д. Юргенсъ.

1) По просьбѣ Н. Д. Юргенса разсмотрѣны денежные расчеты Отдѣла съ Ленской экспедиціей. Изъ представленной г. Казначеемъ выписки изъ прихода-расходныхъ книгъ оказалось, что на имя Отдѣла въ разное время поступило для Экспедиціи 14,493 р. 3 к., изъ этой суммы израсходовано на потребность экспедиціи въ теченіе 2 лѣтъ 6,525 руб. 81 коп. и затѣмъ остается въ наличности 7,967 р. 22 к. Остатокъ этотъ г. Юргенсъ просилъ распредѣлить слѣдующимъ образомъ: 5000 р. выдать лично ему, 1,500 руб. выдать доктору Бунге по приѣздѣ его въ г. Иркутскъ, уплатить также г. Малыхъ за доставку консервовъ, а остальныя затѣмъ деньги употребить согласно указаніямъ, какія будутъ присланы имъ изъ Петербурга.

Постановили: удовлетворить просьбу г. Юргенса; представить же г. Казначеемъ выписку при семъ прилагаемую прихода денегъ просить Правителя дѣлъ Н. Н. Агапцова, по возвращеніи его изъ отпуска, свѣрить съ имѣющимися документами.

2) Выслушано словесное заявленіе г. Юргенса о томъ, что имъ вскрыты и осмотрѣны всѣ ящики съ консервами, бывшіе на храненіи въ помѣщеніи Отдѣла. По мнѣнію Николая Даниловича, цѣнность утеряннаго въ дорогѣ ящика не можетъ превзойти 100 р. и посему онъ полагалъ бы возможнымъ уплатить доставщику деньги, удержавъ съ него лишь 100 р., впредь до полученія подробныхъ свѣдѣній о стоимости утеряннаго, каковое свѣдѣніе будетъ немедленно выслано Н. Д. по возвращеніи его въ С.-Петербургъ. Что-же касается консервовъ, то таковыя Н. Д. просилъ хранить и дальѣе до приѣзда члена экспедиціи Доктора Бунге.

Постановили: уплатить г. Малыхъ слѣдующія за доставку деньги съ удержаніемъ 100 руб., а консервы сдать на храненіе консерватору музея.

3) Выслушано письмо Н. Д. Юргенса на имя Распорядительнаго Комитета, въ которомъ онъ, указывая на заслуги наблюдателя Олекминской метеорологической станціи г. Серебрякова, просилъ Отдѣлъ о поощреніи его какъ къ дальнѣйшему веденію наблюденій, такъ и вообще къ служенію цѣлямъ науки.

Постановили: выдать г. Серебрякову денежное вознагражденіе, сообразуясь съ наличными средствами Отдѣла, но не менѣе 100 руб. и кромѣ того просить Императорскаго Русскаго Географическаго Общества о награжденіи его медалью.

4) Выслушано заявленіе Н. Д. Юргенса о томъ, что въ приѣздѣ его съ устьевъ Лены въ Якутскъ ему были вручены Старшиною 2-го Хатыгинскаго рода, Петромъ Очекаемъ Хатыгинскимъ, нѣкоторыя бумаги, свидѣтельствующія о немаловажныхъ заслугахъ, оказанныхъ имъ еще Олекминской Экспедиціи, причемъ упомянутый старшина жаловался, что за всѣ труды и заботы при экспедиціи онъ не получилъ никакой награды, тогда какъ его сотоварищи удостоились таковой.

Постановили: въ виду несомнѣнности заслугъ Петра Очекаемъ Хатыгина, что явствуетъ изъ представленныхъ г. Юр-

тенсомъ бумагъ, и принимая въ соображеніе, что невниманіе къ заслугамъ мѣстныхъ жителей въ оказаніи содѣйствія ученымъ экспедиціямъ не можетъ не отразиться вредно на успѣхъ будущихъ экспедицій, проситъ Императорское Русское Географическое Общество, съ препровожденіемъ копій съ имѣющихся бумагъ, не найдетъ ли оно возможнымъ наградить чѣмъ либо Петра Хатыгина. Подлинныя бумаги Хатыгина, согласно просьбѣ Н. Д., постановили: выслать обратно ихъ владѣльцу.

5) Н. Д. Юргенсъ просилъ Комитетъ принять отъ него на храненіе нѣкоторыя изъ принадлежащихъ экспедиціи вещей, а именно: три берданки съ принадлежностями, 2 револьвера и стѣнные часы, а также вытребовать изъ Якутскаго Городскаго Полицейскаго Управленія и принять на храненіе еще одну берданку, которая была утеряна наблюдателемъ станціи унтеръ-офицеромъ Никифоромъ Пушинымъ и впоследствии найдена.

Постановили: исполнить просьбу г. Юргенса, а вещи сдать на храненіе консерватору музея.

6) Выслушано письмо наблюдателя Верхоленской метеорологической станціи, г. Гамкеридзе, въ которомъ онъ, сообщая, что, хотя Комитетъ и предлагалъ ему нанять квартиру для станціи только до 1 Января 1885 г., но онъ нашелъ удобнымъ нанять ее на цѣлый годъ, т. е. до 1 Сентября будущаго года за 40 руб. съ тѣмъ однако условіемъ, что Отдѣлъ платитъ за квартиру лишь за время существованія станціи, проситъ выслать слѣдующія за квартиру деньги, а также книжки и таблицы для записыванія наблюденій.

Постановили: выслать просимыя г. Гамкеридзе деньги, за время отъ 1 Сентября с. г. до 1 Января будущаго года, а также книжки и бланки и проситъ члена Комитета А. М. Шестакова поручить кому либо изъ будущихъ попутно горныхъ инженеровъ осмотрѣть Верхоленскую станцію и проверитъ дѣйствіе наблюдателя.

7) Прочитано письмо Редактора „Восточнаго Обзорія“ г. Ядринцева, которымъ онъ извѣщаетъ Отдѣлъ о желаніи одного изъ сибиряковъ внести 120 руб. на продолженіе изданія И. В. Щеглова и проситъ доставить свѣдѣніе, въ какомъ положеніи находится изданіе сказаннаго сочинителя и имѣется ли необходимость въ средствахъ.

Постановили: сообщить г. Ядринцеву, что трудъ покойнаго Щеглова уже изданъ въ количествѣ 525 экз. и что вслѣдствіе увеличенія объема труда противъ предполагаемаго авторомъ Отдѣлъ задолжалъ типографіи Штаба 546 руб., на покрытие каковаго долга и могутъ быть обращены упомянутые 120 р., если на то будетъ согласіе жертвователя. Кроме того, проситъ г. Ядринцева напечатать въ издаваемой имъ газетѣ объявленіе о выходѣ въ свѣтъ книги и выслать ему 2 экземпляра ея.

8) Выслушано заявленіе Н. И. Раевского о томъ, что для Отдѣла было бы не безынтересно имѣть у себя всѣ наблюденія, производимыя какъ на Олекминской, такъ и на Верхоленской метеорологическихъ станціяхъ, въ виду того, что въ обработанномъ надъ онѣ появляются въ свѣтъ очень поздно и что поэтому Отдѣлъ лишенъ всякой возможности пользоваться ими теперь.

Постановили: просить гг. наблюдателей упомянутыхъ станціи присылать, кроме назначеннаго для Главной Физической Обсерваторіи, еще одинъ экземпляръ наблюденій для От-

дѣла, а г. Серебрякова просить выслать и всѣ наблюденія, имѣющіяся у него, по словамъ г. Юргенса, со дня основанія станціи.

9) Въ виду предстоящаго зимняго сезона и болѣе частыхъ Общихъ Собраній, постановили: просить дѣйствительнаго члена Отдѣла Я. П. Дуброва извѣстить Комитетъ, когда онъ намѣренъ представить отчетъ о своихъ лѣтнихъ занятіяхъ и можетъ ли сдѣлать сообщеніе о добытыхъ имъ результатахъ въ одномъ изъ Общихъ Собраній.

10) Читанъ и подписанъ протоколъ прошлаго засѣданія.

ПРОТОКОЛЪ

Общаго Собранія Членовъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

30 Октября 1884 года.

Подъ предѣлательствомъ С. И. Коссовича присутствовало 52 дѣйствительныхъ члена и 35 постороннихъ лицъ.

1) Выслушано сообщеніе Начальника Ленской метеорологической станціи Н. Д. Юргенса, въ которомъ онъ изложилъ вкратцѣ весь ходъ снаряженія, путешествія и дѣйствій ввѣренной его руководству экспедиціи.

2) Произведены выборы въ дѣйствительные члены нижепоименованныхъ въ приложенномъ спискѣ лицъ.

Предлагаются въ дѣйствительные члены Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества:

1) Управляющимъ Кутумарскимъ заводомъ Нерч. Горн. Округа Горный Инженеръ Владиславъ Михайловичъ Левицкій.

2) Управляющій Алгачивской дистанціей рудниковъ Нерч. Горн. Окр. Горный Инженеръ, Михаилъ Васильевичъ Нестеровъ.

3) Докторъ Медицины Горбацевичъ въ г. Читѣ.

ПРОТОКОЛЫ

Распорядительнаго Комитета Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

12 Ноября 1884 года.

Присутствовали: А. В. Федоровъ, А. А. Шамаринъ, Н. И. Раевскій, В. И. Вагинъ, В. П. Сукачевъ, А. М. Шестаковъ, Н. И. Витковскій, А. И. Бобровниковъ и Правитель дѣлъ Н. Н. Агаитовъ, Н. Д. Юргенсъ и члены Отдѣла: И. С. Боголюбскій, Л. А. Ячевскій, Ф. Франковскій и И. Т. Савенковъ.

На текущее засѣданіе Предѣлатель избранъ Н. И. Раевскій.

1) Н. И. Раевский по поводу произведеннаго имъ сбора гербарія г-на Гартунга, предлагаемаго Отдѣлу для покупки, сообщилъ слѣдующее: Гербарій заключаетъ болѣе 1500 видовъ и 430 родовъ. На сколько вѣрно они опредѣлены, онъ не рѣшился сказать, такъ какъ не считаетъ себя знакомымъ здѣшней флоры; тѣмъ не менѣе судя потому, что знакомыя ему растенія опредѣлены вѣрно, полагаетъ, что если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, значительное большинство опредѣлены точно. По мимо цвѣтковыхъ есть нѣсколько экземпляровъ папоротниковъ, плауновъ и хвощей. Нѣкоторые семейства очень богаты видами напр. Papilionaceae, Ranunculaceae; изъ этихъ семействъ нѣкоторые роды изобилуютъ видами изъ Papilionaceae—Oxytropis и Astragalus; у Турчаннинова всѣхъ видовъ Oxytropis 24, въ гербаріи же ихъ 33 вида. Изъ Ranunculaceae: Ranunculus, Clematis, Anemone, Thalictrum; затѣмъ изъ другихъ семействъ роды Viola, Saxifraga, Cerastium.

Къ сожалѣнію много неопредѣленныхъ экземпляровъ, при томъ растенія высушены не особенно тщательно, стары, обветшали, обезвѣтились. Не увеличиваетъ достоинства гербарія, а скорѣе вредитъ ему—множество растеній не изъ Иркутской губерніи и Забайкальской области; такъ встрѣчаются экземпляры изъ Охотска, съ Амура, (Phelodendron amurense, Vitis, amurensis, Maackia amurensis), изъ монгольскихъ степей: Alhagi songoricum, изъ Туранскихъ степей Alhagi Kirgisorum; китайскихъ—Deutzia grandiflora, Indigofera, Celtis chinensis. Наконецъ жаль, что именно трудныя для опредѣленія растенія и въ этомъ гербаріи остались неопредѣленными, напр. сем. Labiatae, Umbelliferae, Compositae.

Во всякомъ случаѣ приобрѣтеніе гербарія желательно; онъ можетъ дать возможность приготовить новое собраніе изъ опредѣленныхъ и свѣжесобранныхъ растеній и положить начало хорошему мѣстному гербарію.

Постановили: предложить г. Гартунгу за гербарій заключающій до 11½ сотенъ видовъ—50 р.

2) Дѣйствительный членъ Отдѣла И. Т. Савенковъ въ живомъ разказѣ передалъ о произведенныхъ имъ осмотрѣхъ писаницъ, могилъ бронзоваго вѣка и стоянокъ каменнаго вѣка по рѣкамъ Малѣ и Енисею; сообщеніе сопровождалось показаніемъ снимковъ съ писаницъ, рисунковъ костяковъ, вырытыхъ изъ кургановъ и нѣкоторыхъ каменныхъ орудій со стоянокъ по р. Енисею.

Постановили: выразить признательность И. Т. Савенкову за сдѣланное сообщеніе и просить доставить для „Извѣстій“ краткій отчетъ, помимо обѣщаннаго г. Савенковымъ подробнаго описанія своей поѣздки.

3) Прочитано письмо Секретаря Гаврекаго Общества коммерческой Географіи съ предложеніемъ обмѣна издаваніями.

Постановили: выслать „Извѣстія“ Отдѣла съ 1883 года въ обмѣнъ на бюллетени общества.

4) И. Т. Савенковъ просилъ выдать ему на время одну серію антропометрическихъ инструментовъ для измѣренія имѣющихся въ его коллекціи череповъ.

Постановили: поручить Н. И. Витковскому выдать серію инструментовъ.

5) Н. Н. Агапитовъ сообщилъ, что не имѣя возможности быть лично на съѣздѣ археологовъ въ Одессѣ, онъ взятыя имъ

вещи представилъ чрезъ г. Директора Императорской Публичной Библіотеки. О каменной рыбѣ, доставленной имъ, и неизвѣстныхъ орудіяхъ изъ раскопокъ г. Витковского—сообщилъ на съѣздѣ Д. Н. Анучинъ; снимки съ такъ называемыхъ руническихъ писемъ Минусинскаго края, снятыхъ И. С. Боголюбскимъ, обратили на себя вниманіе извѣстнаго археолога Аспенлина и съ нихъ были имъ сдѣланы копии; снарядъ для добыванія огня трепіемъ дерева, присланный членомъ Отдѣла И. Заяхановымъ и употребляемой Кударинскими бурятами нашелъ себѣ мѣсто на выставкѣ, открытой во время съѣзда.

23 Ноября 1884 года.

Присутствовали: П. Н. Лялинъ, Н. И. Раевскій, А. И. Бобровниковъ, М. Я. Писаревъ, Н. И. Витковскій, А. В. Федоровъ, Н. Н. Агапитовъ.

Предсѣдателемъ на засѣданіе избранъ Н. И. Раевскій.

1) Н. И. Витковскій сообщилъ, что Ст. Андр. Гартунгъ изъявилъ намѣреніе подарить Отдѣлу гербарій, принадлежащій его брату.

Постановили: благодарить г. Гартунга за сдѣланное пожертвованіе.

2) Въ виду необходимости озаботиться продажей книги Я. В. Щеглова: „Хронологическій перечень важнѣйшихъ даныхъ по исторіи Сибири“ для покрытія издержекъ по печатанію и для распространенія книги въ средѣ сибирскаго общества, постановили: напечатать объявленіе о продажѣ книги въ газетѣ „Сибирь“.

3) Прочитано письмо Л. А. Ячевскаго, предлагающаго сдѣлать на ближайшемъ Общемъ Собраніи сообщеніе о своей поѣздкѣ въ Забайкальскую область.

Постановили: предложить черезъ Правителя дѣлъ доставить Комитету если не рукопись, то подробную программу сообщенія.

4) Прочитано циркулярное письмо Александровской Публичной Библіотеки въ г. Самарѣ съ просьбой снабдить бібліотеку Извѣстіями Отдѣла.

Постановили: выслать въ бібліотеку Извѣстія Отдѣла съ 1879 года.

5) Прочитано письмо Генеральнаго Секретаря Средне-швейцарскаго Общества Коммерческой географіи въ Аару съ предложеніемъ дружественныхъ сношеній и обмѣна издаваніями.

Постановили: выслать Извѣстія съ 1884 года.

6) Прочитано письмо члена Отдѣла Ф. В. Рудакова съ приложеніемъ записки о сборѣ кошенили въ Тобольской губерніи; записка составлена А. И. Афоннымъ, который долго жилъ въ округахъ, населенныхъ инородцами, и можетъ доставить интересныя свѣдѣнія о бытѣ инородцевъ.

Постановили: благодарить Ф. В. Рудакова за доставленіе записки г. Афонина и просить его передать автору желаніе Отдѣла имѣть самыя объекты сбора (называемыя авторомъ кошенилью) въ разныхъ степеняхъ развитія, а также просьбу Отдѣла къ г. Афонину заняться описаніемъ быта инородцевъ по прилагаемымъ при семъ программамъ.

7) Прочитано письмо учителя Западно - Кангальскаго улуса Якутскаго округа Н. Припузова съ приложеніемъ отвѣтовъ на программу Н. Н. Агапитова о шаманствѣ.

Постановили: вручить Н. Н. Агапитову разсмотрѣть записку Н. Припузова и Якутскую сказку съ примѣчаніями Н. С. Горехова, доставленную Отдѣлу ранѣе; и представить Комитету свое мнѣніе; Припузову же выслать по 5 шт. конвертовъ и наклеить съ печатями Отдѣла для доставленія имъ общанныхъ въ письмѣ коллекцій по этнографіи.

8) Прочитано письмо Воейкова съ просьбой доставить библиографическія свѣдѣнія о напечатанныхъ въ изданіяхъ Отдѣла ^{статьяхъ} метеорологин Сибири для одного америкавскаго изданія по библиографіи, предпринятаго Signal office въ Вашингтонѣ.

Постановили: собрать свѣдѣнія и выслать въ Вашингтонъ.

9) Общее Собраніе для выборовъ Предсѣдателя назначить на 10 Декабря.

27 Ноября 1884 года.

Присутствовали: В. И. Вагинъ, А. А. Шамаринъ, Н. И. Витковскій, А. В. Федоровъ, С. А. Штернъ, Н. И. Раевскій, П. Н. Лалинъ, М. Я. Писаревъ, Н. Н. Агапитовъ и члены Отдѣла: Л. А. Ячевскій, Я. П. Дуброва и С. Г. Москвитинъ.

Предсѣдателемъ на засѣданіе избранъ Н. И. Раевскій.

1) Прочитали и подписали протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2) Въслѣдствіе письма Воейкова, просившаго Отдѣлъ составить списокъ сочиненій по метеорологин Сибири для Signal Office въ Вашингтонѣ, задумавшаго обширный трудъ по библиографіи метеорологин.

Постановили: просить В. И. Вагина и Н. И. Раевского заняться составленіемъ упомянутаго списка сочиненій, на что и было названными членами Комитета изъявлено согласіе.

3) Прочитано письмо наблюдателя Верхоленской метеорологической станціи спрашивающаго, слѣдуетъ ли ему присылать въ 2-хъ экземплярахъ, какъ просилъ Отдѣлъ, только таблицы или и книжки наблюденій и можетъ ли Отдѣлъ отпустить ему 10 руб. на переписку таблицъ, такъ какъ эту переписку придется ему поручить другому лицу.

Постановили: увѣдомить наблюдателя, что достаточно присылать однѣ мѣсячныя таблицы въ 2-хъ экземплярахъ и выслать 10 руб. и бланки для таблицъ.

4) По возбужденному вопросу о печатаніи метеорологическихъ наблюденій станціи Иркутской Учительской Семинаріи и Верхоленской постановили: печатать только первыя, начиная съ Юлія 1884 года.

5) Г. Витковскимъ были прочитаны, составленныя имъ правила для пользованія книгами изъ библіотеки, принадлежащей Отдѣлу.

Постановили: составленныя правила для просмотра и замѣчаній разослать къ Члевамъ Комитета.

6) Г. Ячевскій представилъ для предполагаемаго имъ сообщенія въ общемъ собраніи слѣдующую программу: краткій историческій обзоръ естественно-историческихъ изысканій въ

Забайкальской области. Значеніе избраннаго имъ маршрута экскурсіи на копи лазуреваго камня и на рч. Слюдянку. Разрѣзъ Хамарь—дабана, долина Гусиннаго и Селегинскаго озеръ. Маршрутъ отъ Тарбагатай на Хилокъ и Чикой. Разрѣзъ Яблочнаго хребта. Сѣрные ключи системы рѣки Онона и ея пріиски. Олсвятный рудникъ. Борзинское озеро. Адунъ—Челонскій хребетъ. Р. Соктуй.

Постановили: просить Л. А. Ячевскаго сдѣлать свое сообщеніе по представленной программѣ въ Общемъ Собраніи 10 Декабря.

7) Я. П. Дуброва прочиталъ перечень тѣхъ разработанныхъ имъ вопросовъ, относящихся до историко-этнографическаго изслѣдованія бурятъ Иркутской губерніи, которые входили въ программу порученнаго ему изслѣдованія инородцевъ Иркутской губерніи и Забайкальской области и которые онъ хотѣлъ бы видѣть напечатанными.

Постановили: имѣя въ виду обширность предполагаемаго труда Я. П. Дуброва, просить его составить предварительный отчетъ, который обнималъ бы въ общей картинѣ всѣ разработанные вопросы и затѣмъ уже представить подробный трудъ; рѣшеніе же вопроса о печатаніи этого труда предоставить Редакціонной Комиссіи.

12 Декабря 1884 года.

Присутствовали въ засѣданіи: А. В. Федоровъ, А. И. Бобровниковъ, А. М. Шестаковъ, А. А. Шамаринъ, М. Я. Писаревъ, В. И. Вагинъ, С. И. Коссовичъ и Н. И. Витковскій.

1) Предсѣдателемъ единогласно избранъ на засѣданіе А. А. Шамаринъ; доложить бумаги поручено Н. И. Витковскому.

2) Постановили: просить Правителя дѣлъ оповѣщать членовъ за два дня о имѣющемъ быть засѣданіи; внезапно же назначать засѣданіе только въ экстренныхъ случаяхъ.

3) Прочитано отношеніе Распорядительнаго Комитета „Общества изученія Амурскаго края“ вновь образовавшагося въ Владивостокѣ, съ предложеніемъ тѣснаго сближенія и сотрудничества и съ просьбой снабдить библіотеку Общества всѣми изданіями Отдѣла и программами, выработанными специалистами-практиками для изученія отдѣльныхъ отраслей знанія.

Постановили: установить сношенія съ „Обществомъ изученія Амурскаго края“, препроводить изданія Отдѣла и просить выслать проектъ устава.

4) Читано письмо Директора Русскаго Энтомологическаго Общества, полученное 3 Декабря съ увѣдомленіемъ о празднованіи 4 Декабря с. г. съ Высочайшаго соизволенія 25-ти лѣтняго юбилея со дня возникновенія Общества.

Постановили: не смотря на то, что срокъ юбилея миновалъ, все-таки привѣтствовать Общество, объяснивъ причину, почему это привѣтствіе является запоздалымъ.

5) По предложенію А. В. Федорова, постановили: завести книгу, въ которую записывались бы всѣ входящіе въ Общее Собраніе члены, а также и вводимые ими гости, о чемъ и увѣдомить гг. членовъ Отдѣла въ повѣткахъ на ближайшее собраніе.

6) Общее Собрание постановили назначить на вторник 18 с. Декабря; внести въ списокъ пропущенныхъ членовъ; возбъжаніе недоразумѣній, на выборныхъ листахъ сдѣлать надписи о выборѣ трехъ кандидатовъ въ Предсѣдателя.

7) Для разсмотрѣнія статей, назначаемыхъ къ печати или для прочтенія на Общихъ Собраніяхъ, постановили: избрать, согласно устава, постоянную Редакціонную Комиссію.

ПРОТОКОЛЫ

Общего Собранія Членовъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

10 Декабря 1884 года.

- 1) Выслушано было сообщеніе дѣйствительнаго члена Л. А. Ячевскаго о поѣздкѣ въ Забайкальскую область.
- 2) Выслушанъ отчетъ о лѣтней экскурсіи д. чл. Я. П. Дуброва.
- 3) Произведены выборы въ дѣйствительные члены Николая Семеновича Булдакова, Николая Васильевича Максимовича.
- 4) Произведена повѣрка избирательныхъ списковъ для выбора Предсѣдателя Отдѣла.

Всѣхъ представленныхъ избирательныхъ списковъ—посемьдесятъ три (83).

Большинство голосовъ получили:

Н. И. Раевскій 34.

В. И. Вагянь 33.

Но такъ какъ нѣкоторые списки не могутъ быть признаны дѣйствительными вслѣдствіе того, что на однихъ число кандидатовъ въ предсѣдателя отмѣчено четыре, на другихъ два или одинъ, то постановили произвести новые выборы, по возможности устранивъ повтореніе упомянутой неправильности.

18 Декабря 1884 года.

1) Произведена повѣрка избирательныхъ списковъ для выбора Предсѣдателя.

Большинство голосовъ получили:

Н. И. Раевскій—сорокъ восемь (48).

А. А. Шамаринъ—сорокъ пять (45).

В. И. Вагянь—сорокъ одинъ (41).

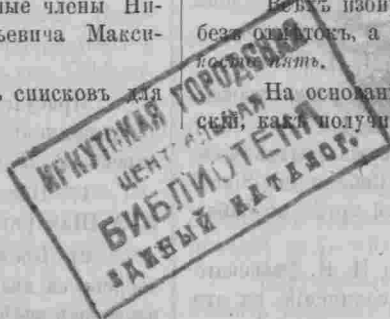
С. И. Коссовичъ—двадцать четыре (24).

А. М. Шестаковъ—семнадцать (17).

В. П. Сукачевъ—шестнадцать (16).

Всѣхъ избирательныхъ листовъ дефинитно семь, но два безъ означеній, а потому всѣхъ избирательныхъ листовъ дефинитно пять.

На основаніи устава избраннымъ признается Н. И. Раевскій, какъ получившій больше половины наличныхъ голосовъ.

18735

Печатано по распоряженію Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества
